

Зоя Крахмальникова

*СЛУШАЙ,
ТЮРЬМА!*

ЗОЯ КРАХМАЛЬНИКОВА

Слушай, тюрьма!

**Лефортовские записки
Письма из ссылки
Я строю монастырь
Вместо эпилога. Духовная
пустыня**

**Независимое издательство ПИК
Москва
1995**

ISBN 5-7358-0184-8

© З.А.Крахмальникова, 1995 г.

© Независимое издательство ПИК, 1995 г.

ОБ АВТОРЕ

Зоя Александровна Крахмальникова родилась в 1929 году в Харькове. По окончании Литературного института им. Горького в Москве она работала в издательстве «Советский писатель», в журнале «Молодая гвардия», в «Литературной газете» и была членом Союза журналистов СССР. В 1968 году получила степень кандидата филологических наук в Институте мировой литературы Академии наук СССР. К 40 годам она достигла успеха, положения, известности как профессиональный литератор, автор нескольких литературоведческих книг, многочисленных статей, переведенных книг. Она работала старшим научным сотрудником в Институте социологии, а затем в Институте философии АН СССР.

В 1971 году Зоя Крахмальникова пришла к православию. В 1974 году неизбежно последовало ее увольнение с работы, но она продолжала писать, и главным образом о необходимости религиозного возрождения в России. Печаталась она в самиздате, так как государственные издательства были теперь закрыты для нее.

Зоя Александровна отказалась от светской жизни и посвятила себя бескомпромиссному служению Христовой Истине словом и делом. Стремясь умножить данный ей литературный талант и одновременно утолить духовный голод своего народа, Зоя Александровна начинает составлять сборник Христианского чтения «Надежда» — наподобие тех, которые выходили в дореволюционное время.

С 1976 года «Надежда» издавалась в самиздате, а затем переиздавалась на Западе издательством «Посев». Эти сборники стали неоценимым даром православному русскому народу. Он был куплен ценою исповедничества его составителя, ценой испытаний, выпавших на долю ее родных и друзей.

Миссионерская деятельность Зои Крахмальниковой оказалась неуютной атеистическому режиму, и она была арестована 4 августа 1982 года. Участь ее тронула многие души

верующих христиан как в Советском Союзе, так и за его пределами. За нее молились, в ее защиту писали и со страхом ожидали дня суда над ней. 1 апреля 1983 года ее приговорили к одному году лагерей строгого режима и пяти годам ссылки, но не за ее миссионерскую деятельность, а приписав ей «антисоветскую агитацию и пропаганду в целях подрыва советской власти».

В последнем слове на суде Зоя Крахмальникова виновной себя не признала: «В появлении 'Надежды' не было ни моей заслуги, ни моей вины, я всего лишь попыталась восстановить то, что было оборвано шестьдесят лет назад. Богу было угодно, чтобы Христианское чтение возобновилось здесь, на русской земле, которая была крещена тысячу лет назад, и если не я, так эту работу выполнил бы кто-нибудь другой. 'Надежда' делалась для верующих, для всех, кто ищет Слово Божие, а потому в издании этих книг в том или другом издательстве за рубежом нет никакого преступления... Радуйтесь, а не огорчайтесь, ибо во всем воля Божия... Слава Богу за все!»

Годы ссылки Зоя Крахмальникова провела в холодном Алтайском крае, в крайне тяжелых условиях, при недостаточном питании, без медицинской помощи, под постоянным надзором. Последний год ссылки она провела вместе с мужем в алтайском поселке Усть-Кокса. Согласно амнистии заключенных в связи с так называемой «перестройкой», уже в марте 1987 года им было предложено освобождение в обмен на заверение в том, что они не будут нарушать закон (исповеданием веры?!), но они отказались подписать его и оставались в ссылке до начала июля, когда им было сказано, что они могут уезжать когда хотят. Они вернулись домой 17 июля 1987 года.

Зоя Крахмальникова продолжает писать. Особенно известными стали ее статьи о «сергианстве» в Русской Православной Церкви и его последствиях, написанные уже после ее возвращения из ссылки: «Горькие плоды сладкого плена», «Еще раз о горьких плодах сладкого плена», «Между страхом и надеждой», «В поисках обещанного рая» (очерки об истории Русской Православной Церкви XX века).

Братство «Православное дело»

ЛЕФОРТОВСКИЕ ЗАПИСКИ

ВРАТА АДА

Человек ненавидит Бога.

Он хочет Его убить.

Сначала он убивает Бога в себе, потом он хочет убить Его во мне, и, если я не даю убить своего Бога, он сажает меня в тюрьму, в лагерь или ссылает в пустыню. Мир живет ненавистью к Богу, эта ненависть есть единственная сила для строительства мира как кладбища, как поля, засеянного человеческим прахом. Единственная сила, которая взорвет мир, когда Бог захочет прекратить эту пошлость, не зависимую ни от социальных причин, ни от политики, ни от морали и нравственности.

Тюрьма срывает покровы с мира. Земля оказывается маленькой песчинкой в ладони Бога.

За дверьми камеры по лефортовским мосткам грохочут сапоги надзирателей, слышатся чавканье и шелканье открываемых «кормушек» — кого-то берут на «вызов».

Я жду, когда откроется и моя «кормушка». Жду, и сердце мое всплывает в Божий мир, мир любви и света, где маленькой песчинкой трепещет Земля, слитая со своей тюрьмой и со своей камерой — временем и пространством, — которые будут сожжены огнем, вызванным на себя человеком, ненавидящим Бога.

Непостижимый, невидимый, незнаемый мир, созданный из ничего Словом Божиим, мир, в котором жалкой песчинкой трепещет Земля, ожидая огня, обещанного Богом, вмещает невмещаемое: любовь Бога к человеку, свободу человека и смирение Бога.

Не может быть! Не может быть, что вот этот человек, который ведет меня на допрос, мерзко чавкая (чтобы предупредить других, так же, как он, ведущих на допрос других преступников, — мы не должны видеть друг друга), обладает свободой!

Мы с ним в тюрьме, он ведет меня на допрос, где от меня будут требовать, чтобы я ненавидела Бога.

Мы идем длинным гулким коридором, внизу часовой машет флагами. Это — регулировщик, он следит за нашим продвижением, и белые флаги должны дать знак другим конвоирам, ведущим других эков, когда мы уйдем в боковой отсек.

Это не похоже на военную игру, это не маневры, это — тюрьма. Она поставлена и усовершенствована свободой человека.

Мне это знание дается не сразу.

Мучительный проход по гулким тюремным коридорам, память сердца и ума, сонмы прошедших перед моими глазами людей, их речи, споры с друзьями и недругами, вопрошания заблудшего ума, иссохшей без живой воды души, разоблаченные и тайные обманы и многое другое, из чего складывается странствование по этой Земле, — все устремлено в конце концов к тому, чтоб в одно мгновение человек наконец понял, что такое свобода, этот непостижимый дар Бога, и на что она обращена.

Вслед за этим он обязательно узнает, даже если это произойдет накануне его ухода с Земли, что в этой короткой жизни свобода дана для действия, для выбора между ненавистью к Богу и любовью к Нему. В той, вечной жизни свобода, изжитая здесь, станет для души адом или раем. О, как несказанно прекрасен Твой, Господи, замысел о нас, жалких рабах Твоих, как возвеличил Ты человека, позволив ему выбрать Тебя!

За мной задвинулись врата ада. Огромные, черные, они внезапно сомкнулись почти бесшумно, и бездна поглотила меня. *Ты не выйдешь отсюда, пока не отдашь все до последнего*

кодранта (Мф. 5, 26), — сказал во мне мой трезвый голос. После того как, на сей раз уже не бесшумно, а с лязгом, закрылись еще одни ворота — дверь камеры.

Бог раздвигал ворота ада постепенно.

По мере того как я отдавала *кодранты*, Он снимал для меня, слой за слоем, кору, обнажая мир. Ворота в Лефортовскую тюрьму, показавшиеся мне воротами ада, так же как и двери камеры, были всего лишь вещественным знаком, символом закрытого отныне для меня мира. Мира, который я должна была вернуть Богу. Мира, в котором плачет моя дочь. Прощаясь со мной, она спрашивает: «Мы увидимся еще когда-нибудь с тобой?» Мира, где четырехмесячный Филипп, мой нежно любимый внук, внимательно следит за тем, кто делает обыск в его комнате, склоняясь перед ним своей незнакомой чернотой. Я знаю, что это — первая бессонная ночь в его жизни (я помню такую же ночь, мне восемь лет, 1937 год, в харьковской квартире идет обыск, арестован мой отчим, впоследствии реабилитированный посмертно).

Этот мир — о, сколько в нем — я должна отдать до последнего *кодранта*, чтобы выйти отсюда. Но *отсюда* совсем не значит «из тюрьмы».

Тюрьма сама принадлежит этому миру. Мир не бывает без тюрем, а христианство не бывает без креста. Я знала, что это так, но знать и жить — не одно и то же.

У нас нет языка, кроме языка Священного Писания и священного языка молитв, чтобы описать жизнь души, проникающую в мир с открытыми воротами, со сброшенной корой.

Надо выйти из себя, чтобы обрести этот язык, покинуть себя внезапно и с содранной кожей, с душой, сбросившей кору, усвоить другой язык.

Там, вне себя, мы начинаем говорить иными языками Богу и друг другу.

Я не знаю, как Бог открыл эти ворота (нет, не лефортовские, не о них речь, все тюремные ворота открываются и закрываются в этом мире, в этом времени).

Для меня это было сотворением мира, мановением Божьего слова, наполнившего все во всем во веки веков; кора сжалась, сгорела и обнажила сокрытый до сих пор от меня мир.

«Он другой», — сказала я себе, не владея языком, на котором это можно было бы выразить.

Мир повис на виселице, вспомнила я предчувствие одного из моих персонажей, записанное в незаконченном сочинении, за которым тоже захлопнулись лефортовские врата.

Так ли это? Нет, в том видении моего ума не было этого сооружения, не было виселицы. Это был поток смертного вещества, вяло текущий — всего 60 минут в час — к своему исходу...

Все, что страшило, все врата, названные вратами ада, бесшумные механизмы, лязг железных камерных дверей, гулкие тюремные коридоры, пропахшие резкими, никогда не встречаемыми на воле запахами, коридоры, по которым меня водили, пахнувшие почему-то трупом, вернее, дорогим одеколоном, которым обливают покойника, чтобы изгнать трупный запах, и табаком, смешанным с запахом одеколонной мертвечины, чистые глаженные рубашки и прилизанные волосы следящих за собой мужчин, похожих на уставших спортсменов, и все прочее — все было только потоком смертного вещества, равномерно текущего по проложенному Тобой, Господи, руслу.

Скажу тут же, сразу, что не стану писать подробности моего ареста, допросов, скитаний по тюрьмам. Это принадлежит тому смертному потоку, который неизбежно влечется к своему исходу. Об этом писалось много, всё внешнее досконально описано, всё внутреннее неповторимо.

Я хочу писать о другом — о познании свободы, о христианстве, о свободе, которую, по обетованию Господа, не смогут одолеть врата ада.

Я знаю, что мой немощный язык не способен вымолвить ни слова, достойного того, о чем хочет сказать мое сердце. Но я верю, что Господь отверзает уста немым и слух глухим, подымает расслабленного и воскрешает мертвых...

Бог дал возможность человеку скрывать свою любовь к Нему и свою ненависть.

Скрывать Бога — это тоже дар свободы и еще одно свидетельство тайной ненависти к Нему, потому что Бога можно или любить, или ненавидеть. Не знать о Нем или быть к Нему безразличным — невозможно.

Свобода любить или ненавидеть Его объявлена человеку Самим Богом при заключении первого завета: *Я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до*

третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милости до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои (Исх. 20,5). Наказывающий ненавистью к Себе — так называемым «воинствующим атеизмом», до третьего и четвертого рода, если не принесем покаяния и не искупим своей вины.

Три рода — это почти два века...

Поток смертного вещества — время — вводится Господом в русло счета для человеческого разума, ведь у Бога нет времени и нет счета, у Бога тысяча лет как один день и один день как тысяча лет (II Петр. 3,8)...

А я, конечно же, считаю время в тюрьме. Считаю разбухшие, расслабленные, бесформенные, бесконечные дни.

Я барахтаюсь в этом потоке. Я должна изнемогнуть, исчезнуть, выбросить, изжить, отдать все, что принес мне этот поток, принес и не успел унести.

О, как горестно и страшно отдавать свое! Надо учиться этому всю жизнь. На что ушли мои годы и дни?! Каким глубоким было молчание Авраама, когда он собирался вести Исаака на гору Мориа!

Господь дал свободу и дал кожаные ризы, чтобы скрыть душу. Никто не слышал, о чем говорил Авраам Богу.

Бессонными ночами поток времени замедлял свое течение, в камере круглосуточно горел свет и окошко, покрытое белым матовым налетом, не пропускало света. О рассвете можно было догадываться по отдаленному грохоту трамваев.

Душа моя жила неведомой мне жизнью, укрытая беззащитным, ранимым покровом кожаных риз.

Познание себя, своей души — дар Бога, получаемый, по свидетельству святых, только тогда, когда человек отказывается от себя.

Это — тайна смирения души, личная тайна. Сознание же не может проникнуть в нее, видимо, до тех пор, пока не обновится в покаянии ум.

«Кто покоряет себя Богу, тот близок к тому, что покорилось ему все. Кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя есть полнота ведения обо всем, и в подчинении души твоей подчиняется тебе все, потому что в сердце твоём рождается мир Божий» (преп. Исаак Сириянин).

Я СОБИРАЮ ОГОНЬ

Возможно, в те первые дни душа моя была совсем близка к печи Вавилонской. Огонь уже пылал, впрочем, с тех пор, как туда были брошены Анасия, Азария и Мисаил из библейской Книги пророка Даниила (3,14–49), получившие новые имена — Седрах, Мисах и Авденаго, огонь так и пылает в той печи, но не все выходят отсюда невредимыми.

«Если вы не поклонитесь истукану, которого я поставил, — вы будете брошены в печь», — сказал им Навуходоносор. И отвечали Седрах, Мисах и Авденаго: «Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся». Тогда Навуходоносор исполнился ярости... и повелел разжечь печь в семь раз сильнее, нежели как обыкновенно разжигали ее, и самым сильным мужам из войска приказал связать Седраха, Мисаха и Авденаго и бросить их в печь, раскаленную огнем: И как повеление царя было строго, и печь раскалена была чрезвычайно, то пламя огня убило тех людей, которые бросали Седраха, Мисаха и Авденаго. А сии три мужа, Седрах, Мисах и Авденаго, упали в раскаленную огнем печь связанные. И ходили посреди пламени, воспевая Бога и благословляя Господа. И став Азария молился и, открыв уста свои среди огня, возгласил: «Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, хвально и прославлено имя Твое вовеки. Ибо праведен Ты во всем, что сделал с нами, и все дела Твои истинны и пути Твои правы, и все суды Твои истинны. Ты совершил истинные суды во всем, что навел на нас и на святой град отцов наших Иерусалим, потому что по истине и по суду навел Ты все это на нас за грехи наши. Ибо согрешили мы и поступили беззаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили. Заповедей Твоих не слушали и не соблюдали их... и все, что Ты соделал с нами, соделал по истинному суду. И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников и царю неправосудному и злейшему на всей земле. И ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделали стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя. Но не предай нас навсегда ради имени Твоего и не разруши завета Твоего...»

...А между тем слуги царя, ввергшие их, не переставали разжигать печь нефтью, смолой, паклей и хворостом, и подни-

мался пламень над печью на сорок девять локтей, и вырывался, и сожигал тех из халдеев, кто постигал около печи. Но Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариєю и бывшими с ним и выбросил пламя огня из печи, и сделал, что в середине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их.

Это — реальная жизнь веры.

На втором допросе я прошу Библию. Послание к Евреям св. Апостола Павла. *Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (11,1). Я выписываю всю эту главу, весь этот гимн веры и уношу с собой в камеру. Я читала это на воле много раз и многое помнила на память. Но мало знать о своей свободе, надо ее осуществить в тюрьме.

Я не первая здесь, печь разожжена давно, и ее не собираются гасить.

Я знаю, что не буду поклоняться истукану, но этого мало, это еще ничто.

Я не первая здесь, и мои предшественники не хотели поклоняться истукану. У каждого из них была своя причина. Мне ничуть не помогает их опыт, и мне не мешает опыт тех, кто не выдержал печи. Мне кажется, что я им сострадаю, понимая их. Видимо, думаю я, им казалось, что они любят Бога и ради Бога можно даже поклониться истукану.

Это их выбор. Чем они заплатили за него — я не знаю. Цена свободы не определена.

Я жду другого. Я жду осуществления желаемого. Знает, я жду чуда? И вера — это чудо. Ну, конечно, с точки зрения мирского разума, падшего ума, кичащегося своим знанием и своей свободой, и растленным грехом самолюбия, вера как осуществление ожидаемого — невозможное чудо. Все ожидаемое невидимо, как же оно может осуществиться?!

Но Ангел погасил огонь в печи Вавилонской. Это — осуществление ожидаемого.

Это было, это есть, это будет всегда. Дай мне такую веру! — кричу я день и ночь. — Я хуже всех, я недостойна, но я люблю Тебя! И погаси огонь!

Я стою у тюремного окна. Спиной к «глазку». Каждые пять минут «глазок» открывается и за мной следят.

Мои обвинители стерегут меня, хранят меня и мою жизнь как зеницу ока. Я должна быть пока жива, им важно

меня сломать, а если это не удастся, то осудить, поэтому им пока нужна моя жизнь.

Они, конечно же, не знают, что исполняют не свою волю. *У вас же волосы на голове все сочтены* (Мф. 10, 30). Им кажется, что они все продумали, все предусмотрели, что успех их дела в их руках. Им, конечно же, трудно, потому что в «глазок» не видно души и невозможно узнать, о чем я думаю.

Моя соседка, скорее всего приставленная для того, чтобы разгадать мои мысли, узнать мои намерения, мои тайны, тоже не обладает способностью проникнуть в мою сокровенную жизнь *...вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге*, — говорит св. Апостол Павел Церкви (Кол. 3, 3).

Это — императив, повеление, это — реальность. Она, эта сокровенная, тайная жизнь, никому не доступна, разве ее можно увидеть в «глазок»?

Эта жизнь и есть осуществление ожидаемого, непрестанно текущая жизнь вне этого времени и пространства, неисчерпаемая полнота и жажда все большей полноты, никогда не насыщаемая, не прекращающаяся жажда Бога, погружение в неисчерпаемое Благо.

Но и от меня, от моего сознания сокрыта эта жизнь до поры до времени. Я недостойна ее. Я несу на себе немислимый гнет. Гнет обманов, двойственности, лжехристианства, двоедушия и компромиссов.

Огонь погасить нельзя, потому что я виновата в том, что не произошло осуществления ожидаемого, в том, что мы, христиане, не свет миру, не соль земли, что мы добровольно отдали свой свет и выбросили свою соль.

Если же и на самом деле Тело Христово — Церковь, то мы живем общей, единой жизнью, так, как живет тело, и, значит, болезнь и исцеление, смерть и воскресение предназначены всему телу. Для этого и пылает огонь в печи Вавилонской, чтоб, войдя туда, сказать: *Праведен Ты во всем, что сделал с нами, и все дела Твои истинны и пути Твои правы, и все суды Твои истинны...*

Я прикасаюсь к огню. Избежать этого нельзя. Он окружает меня. И чтобы выйти из него, я должна прежде всего войти в него. Если я сейчас, в этом времени, не войду в него, я знаю, что буду сжигается вечным огнем там, где нет времени.

Потому что Христос пришел низвести огонь на землю, огонь веры, огонь, которым очистится всякий принявший Его. Он пришел крестить уверовавших в Него Духом Святым и огнем (Мф. 3, 11; Лк. 12, 49). *Ибо всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится* (Мр. 9, 49).

Человечество опошило христианство, «исключив» из него огонь.

Оно сочинило новое, чистенькое, удобное для себя, христианство, добренького бога, который всем все простит, для прощения нужно только умиловать ласкового бога, совершив два обряда: креститься (крещение — таинство, но к нему чаще всего относятся, как к обряду) и «отпеться», все прочее устроит Бог, ведь Он милостив, долготерпелив и щедр.

Он воистину долготерпелив и терпит донныне лжехристианство и лжецеркви, хотя человечество уже накопило огонь для самоуничтожения, огонь, обещанный Богом. *И будут народы, как горящая известь, как срубленный терновник, будут сожжены в огне* (Ис. 33, 12).

Я собираю огонь, он очень важен для меня, каждое упоминание в Библии об огне обращено ко мне. Я оказалась лицом к лицу с этой реальностью, сейчас или никогда я должна выбросить все это опошленное ложью «христианство», навязанное мне князем мира сего.

Если этого не случится, то меня, по слову Господа, ждет *печь огненная; там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 13, 42), если этого не случится, то меня, как всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубят и бросят в огонь (Мф. 3,10), сожгут огнем, как сжигают плевелы (Мф. 12, 40), ввергнут в огонь вечный (Мф. 18, 8).

Если этого не случится, я услышу: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41), — и меня бросят, как засохшую ветвь, в огонь (Иоан. 15, 6). Если этого не случится, то меня ждет ярость огня (Евр. 10, 27), ибо Господь сказал мне: *Господь, Бог твой, есть огонь поядоющий, Бог ревнитель* (Втор. 4, 24). Если этого не случится, то я буду *пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и буду мучима в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем* (Отк. 14, 10).

Потому что туда будут брошены те, кто не записан в книге жизни (Отк. 20,15).

Если этого не случится, я окажусь среди тех, кому Господь приготовил страшную участь: *Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Отк. 21,8).

Я собираю огонь, который Господь принес на землю. Он говорит мне: *И ты через себя лишишься наследия твоего, которое Я дал тебе, и отдам тебя в рабство врагам твоим, в землю, которой ты не знаешь, потому что вы воспламенили огонь гнева Моего; он будет гореть вовеки* (Иер. 17,4).

Он говорит мне: *Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть* (I Кор. 3,13).

У меня есть свобода войти в огонь и сгореть в нем. У меня есть свобода войти в огонь и остаться невредимой.

Бог даровал мне не только свободу, но и дал возможность осуществить ее в любых обстоятельствах.

СТРАХ

В Едеме не знали страха. Адам безбоязненно взял запретный плод.

Ему дали, и он взял. Добровольно. Его свобода была абсолютной, потому что не была омрачена страхом.

Он свободно ослушался Бога, взяв плод от древа познания добра и зла.

За это он был не только изгнан из рая и стал смертен. Он познал страх.

Страх — порождение смерти. Человек, обретший после своего преступления перед Богом смерть, стал бояться смерти. Не только потому, что смерть — уход из нашего мира, прекращение жизни; человек боится смерти потому, что душа его знает, что смерти нет.

Драма человеческой жизни не в тюрьмах и лагерях, драма человеческой жизни — это ужас смерти второй, ужас перед вечностью.

Душа любого человека знает, что после ухода отсюда начинается самое страшное. Этот мистический ужас, этот страх перед смертью, пронизывающий все человеческое естес-

тво, записан в его плоти, в каждой его функции, рефлексе, инстинкте, весь внешний человек есть вместилище страха.

Страх — это реакция внешнего человека на ужас души, знающей об огне и преисподних безднах. Но это и неосознанный страх Божий.

Я стою у тюремного окна. Мне надо войти в огонь. Он уже пылает. Я боюсь. Страх не только проник в меня, он накрыл меня с головой. Я обессилена. Все, что осталось во мне, все силы брошены на то, чтобы спрятать страх.

Я вспоминаю одного редкого гостя в нашем доме, он живет в другом городе и, бывая в Москве, иногда заходит к нам. Без звонка, неожиданно. Он боится звонить, наш телефон прослушивается КГБ, уверен он. Мы называем его странником, он приходит с рюкзаком за плечами, ненадолго.

Он рассказывал, что переживал не раз страх, когда его вызывали на допросы. Это состояние мистического ужаса, легко передаваемое тому, кто заинтересован в твоём страхе. Это — «приражение» на языке св. Отцов. Энергия сатаны — на языке современном, натиск мысленных демонов, как говорит преп. Симеон Новый Богослов. Мысленная тьма. Она заполняет нас мгновенно. Изгнать ее трудней, чем не пустить в себя.

Эти сатанинские токи летучи, они тяжело вязнут в тебе, множась до бесконечности, легко преодолевая воздушное пространство и легко пленяя душу...

Страх смерти, страх смертной беды — оружие сатаны. Оно не стареет и не тупеет от времени. И никакие особые ухищрения не нужны.

Все просто. «Мы не будем пока трогать ваших родных», — говорили мне. Всего лишь это. Или: «У нас в руках ваша записная книжка, и вы, если не назовете сами, кто, когда, зачем и где читал творения св. Отцов и духовных писателей, собранных в Христианском чтении 'Надежда', вы развяжете нам руки».

Боже мой! Что они сделают с моими родными и друзьями, с моими детьми? Что значит «вы развяжете нам руки»? У них они не связаны ничем. Кроме Божественной власти.

Страх совершает любые предательства, страх ведет ко всяким падениям.

Страх смерти, прививаемый князем мира сего, делает бессильными любые крепости.

Страх парализует человека, превращает его в мертвеца при жизни. Поэтому сатана начинает со страха и кончает страхом. Прививать его предельно просто. Освобождает от этого плена только вера, осознанная или неосознанная. Вера души в бессмертие и в воздаяние в вечности.

Авраам молчал, когда собирался на гору Мориа, где он должен был принести в жертву Богу своего единственного сына. Сына старости, обещанного Богом и дарованного вопреки всему.

Авраам должен был бросить своего сына в огонь. Он так любил Бога, что не мог Его послушаться. Он так верил Ему, что не мог не надеяться на то, что Бог оставит ему сына. Он сказал отрокам: *Я и сын возвратимся к вам. И взял в руки огонь и нож...* (Быт. 22, 5, 6).

Бог знает о нашем страхе. Это Его возмездие заслушание. Страх смерти, так же как и смерть, — наказание за гордость. *Будете как боги*, послушайте Бога, узнаете сами, без Него, что есть добро и зло...

Страх смерти связан с гордостью, со своим значением в этом мире. Я лучше всех, я знаю добро и зло, я не должен умирать...

Поэтому Христос так определенно, так жестко, так непримиримо требует: отдай свое, отдай себя, погуби свою душу, если хочешь обрести ее. Возненавидь свою жизнь, своих родных, свое имущество — и получишь во сто крат больше. Все эти повеления связаны с необходимостью осуществить свою свободу не только в состоянии страха, но вместе с тем — в обретении себя. Величие человека, которому позавидовал сатана, грандиозней утолнения любого вида гордости, известного в этом смертном мире, величие человека — в его возможности стать подобным Богу, в бессмертии его души. Что может князь мира сего предложить взамен этого?

Господь знает о нашем страхе, знает о страхе плоти и крови и принимает нашу плоть и кровь, становится подобным нам телесно. Чтобы мы стали подобны Ему в преодолении страха верой в воскресение.

Я стою у тюремного окна. Огонь уже вошел в меня. Каждая минута моего стояния вмещает в себя две мои жизни.

Нет, три мои жизни: ту, долгую, до крещения, вторую жизнь — дорогу веры, дорогу к тюрьме, и третью — вот это стояние у тюремного окна.

Первая вещь, написанная мной после обращения ко Христу, называется «Лестница страха». Это была попытка сойти с лестницы страха, уйти в другое бытие, в жизнь веры, которая освобождает от страха.

Что же теперь? Разве я утратила веру? Откуда же страх?

Возлюбленные, огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете (I Пет. 4, 12–13). Я всегда с трепетом читала эти слова Апостола Петра, испытавшего страх у синедриона. Огненное искушение, посылаемое для испытания, чтобы участвовать в Христовых страданиях?!

Все мои оставшиеся силы я теперь трачу не только на то, чтобы скрыть страх, но чтобы победить его. Победить умом. Значит, сначала надо понять, откуда он.

МИР — ТЮРЬМА

По этим же коридорам водили и моего бывшего духовника, священника Дмитрия Дудко. Его взяли в облачении, с наперсным крестом. Облачение сразу же сняли, крест, конечно, тоже (у меня тоже забрали нательный крест и образок Пресвятой Богородицы), сняли с него и ремень, и шнурки с ботинок.

Я вижу, как он идет по этим лефортовским мосткам — маленький, крупноголовый, с седой длинной бородой. Его глаза, широко поставленные под большим, высоким лбом, встревожены. Они давно стали тревожными, хмурыми, мне даже казалось, мутными. Словно что-то замутило их.

Мы расстались с ним незадолго до его ареста, состоявшегося в день памяти Преподобного Серафима Саровского, 15 января 1980 года. Сказала, что ухожу от него. Он обиделся. «А если меня посадят?» — спросил он.

У нас давно не было духовного общения, его христианство все дальше, как думалось мне, уходило от Христа.

Теперь же в камере я с горечью вспомнила, как судила его. «Ты не был там!» — крикнул Дмитрий Дудко первому из духовных чад своих, осмелившемуся упрекнуть его во лжи.

Теперь я там, где был он. Я пройду его дорогой, теми же коридорами и с теми же конвоирами.

Я должна понять его, простить его, помочь ему.

В чисто выбеленной камере нет ни пятнышка на стене. Видно, ее недавно отремонтировали — в тюрьме идет ремонт. Это самая худшая камера, как выяснится потом, окно ее упирается в высокие стены хоздвора, оно промазано белым, здесь никогда не бывает дневного света. Потом, перед судом, по моей просьбе меня переведут в другую камеру, там будет изредка появляться солнце и в окно можно будет увидеть зеленеющее вдали дерево.

Наверное, он сначала был в этой же камере. Это — самая плохая камера.

За стеной постоянно что-то гудит, сыро и душно. Такие «безрадостные камеры» существуют «для раскрутки».

Это название я слышу от своей соседки, побывавшей в Бытырках «на спецу» (это значит — «на раскрутке». «Раскрутка» — подготовка преступника к поражению, к чистосердечному признанию, к самооговору, к оговору, к тому, чего добивается от него следствие).

Может быть, он в самом деле был в этой камере? Когда же на потолке появился белый крест? Такой, какой я хотела поставить на могиле моей мамы, но не успела. Широкий, из плотных брусков, сильный крест.

Моя сокамерница удивлена. Мы постоянно смотрим в потолок, лежа на «шконках» (железных топчанах). Креста не было... «Это кисти пробовали», — говорит соседка неуверенно, она не хочет, не может, не должна верить в чудо.

Когда же пробовали кисти? Вчера? Но мы не покидаем эту камеру, нас водят на допросы по очереди, кто-то из нас всегда остается в камере. Да и совсем недавно не было еще креста. Мы постоянно смотрим в белый потолок.

Белый, сильный крест, правильной формы, православный. Это теперь моя икона, ведь крест с меня сняли. У меня, правда, есть крестик из спичек. Был ли такой у моего бывшего духовного отца? Библия у него была. Я жду, что и мне разрешат Библию.

На нем были облачение и крест, когда он пришел на мой суд. У нас были общие коридоры и общие конвоиры. Проходя по нашим коридорам, я жалела его, больного, старого, просидевшего уже один срок еще до рукоположения. Я протянула ему руки со скамьи подсудимых: «Благослови меня!»

Мы были одни с ним среди чужих, враждебных зрителей. И еще моя дочь. Только ее одну и пустили в «зрительный зал», оснащенный микрофоном и телекамерой.

Зал был заполнен тайными и явными сотрудниками госбезопасности.

«Благослови меня!»

Мы были одни среди ненавидящих и равнодушных. Я думала, что мы — Церковь.

Если один падает — падают все. Страждет один — страждут все, все Тело.

Один встает — встают все. «Благослови меня!» Он осенил меня крестом. До того, как начал лжесвидетельствовать, и после того, как кончил лжесвидетельствовать. Он ничего не читал, не видел, не знал, хотя два эпизода из семи, приведенных в обвинительном заключении (а потом, естественно, и в приговоре), были связаны с ним. Меня судили за то, что я подписала письмо в его защиту и подарила его книгу своему сыну.

Облачение, которое ему вернули, и крест не помешали ему лжесвидетельствовать.

«Обвиняемая, у вас есть вопросы к свидетелю?» — «Нет, у меня нет вопросов». Нам запрещено судиться друг с другом у неверных. Они не поверили священнику Д.Д., не поверили в его благословение.

Нас ждет другой суд. Мы — не Церковь, мы должны стать Церковью. Меня благословляет Бог его рукой. Если один падает — падают все, если один стоит — стоят все. Тело Христово — Его Церковь не может уйти от креста.

А мир — тюрьма, думаю я в тюрьме. Мир создает подобное себе, необходимое для себя в первую очередь. Блага. Тюрьма — благо, она уберет его от внезапной смерти.

Человек, являясь в мир, хочет жить в нем долго. Он не хочет умирать, для этого он строит тюрьму, чтоб она ограждала его от смерти. Он будет прятать в тюрьму тех, кто помешает ему

жить долго. И жить в свое удовольствие. Кто кого? — вот роковой вопрос. Кто кого скорей упрячет в тюрьму.

«Или он меня убьет, или я должна его убить», — рассказывает мне молодая женщина в барнаульской тюрьме. Она убила своего отчима, когда ей было 18 лет. Сейчас она старше на восемь лет. Я рассказала ей о двадцатилетней убийце, встретившейся мне на одной из пересылок; со слезами раскаяния она признается мне, что хочет принять Святое Крещение. Моя барнаульская сокамерница не чувствует никакого раскаяния. «Или я, или он...»

Мир стал тюрьмой с тех самых пор, как человек обрел смерть и был изгнан из рая. Первенец Адама и Евы стал убийцей — с него начинается род убийц и изгнанников. Мир будет плодить изгнанников и заточать их в тюрьмы, а вместе с ними и тех, кто будет напоминать о завещанной Богом невозможности убивать. Потому что для мира важнее право на убийство, чем заповедь Бога *не убий*. Потому что, признав заповедь Бога, надо признать существование Бога.

С тех пор, как время разорвалось, с тех пор, как черные машины, развернувшись у моего дома, умчали меня и пятерых моих спутников (которые делали обыск в моем доме ночью), в черном разрыве времени, в бездне разрыва открылась изнанка и обнажились корни мира.

Тюрьма — изнанка человеческого бытия, благо, приобретенное миром для защиты себя, дорога в ад, дорога в небеса, черный туннель, осиянный светом Божественной Любви.

Сюда, в этот ад, в эту бездонную дыру, пришел воскресший Христос. И потому здесь, в преддверии ада, есть возможность обрести рай. Ведь разбойник, выведенный из тюрьмы для казни, распятый рядом со Христом, *п е р в ы й* вошел в рай. За исповедание поруганного Бога.

Церковь — сердце мира, тюрьма — изнанка мира, они объединены крепчайшей связью. Господь пришел на землю, чтобы тюрьма стала дорогой на небеса, чтобы разбойник, исповедав в покаянии распятого, поруганного Бога, испытав такие же страдания, как распятый Бог, вошел с Ним в рай, в воскресение, в вечную жизнь.

Значит, Церковь начинается в тюрьме? Она начинается с исповедания веры: *Ты — Христос, Сын Бога живаго*, — говорит Апостол Петр и становится камнем. На нем сози-

дается Церковь. Этот камень так крепок, что его не могут одолеть врата ада, врата тюрем и лагерей.

Страх начал изнемогать во мне тогда, когда я стала понимать причину ненависти к «Надежде». Мученики, убиенные за веру. До тех пор мой обвинитель шел проторенным путем. «Марсианские разведки», «инопланетные службы»...

Пятьдесят лет назад этот прием (обвинение в сотрудничестве с японскими, люксембургскими и со всеми прочими, имеющимися на земном шаре и вне его разведками) дал желанные результаты. Земля насытилась кровью невинных*.

Обвинения в сотрудничестве с какими-то неизвестными мне даже по названиям организациями в целях подрыва власти звучат для меня как обвинения в сотрудничестве с инопланетянами.

Я не понимаю этого абсурда, но это и хорошо. Мой обвинитель именно этого и ждет: чем абсурдней, тем страшней. Меня надо напугать, смять, уничтожить. Измена родине — расстрел, подрыв власти — двенадцать лет и прочее.

Маленькие книжечки Христианского чтения, в которых собраны творения святых Отцов, учения о духовной жизни, молитве, смирении, любви, терпении скорбей, письма мучеников за веру, мои статьи о христианской культуре...

Это — наваждение, мне кажется, что я слепну и глохну, может быть, это — сон? Возможно ли, чтобы благоговение перед Пресвятой Богородицей, предание Церкви, творения святых Отцов, христианская проповедь смирения и любви могли заинтересовать разведывательные управления иных миров и подорвать могучую державу? Зачем же этими маленькими книжечками с крошечным тиражом занимается эта огромная машина — Комитет государственной безопасности?

Моему обвинителю даже трудно читать эти тексты, я вижу, что он ничего не понимает в них, и это естественно, ведь они рассчитаны на тех, кто ищет совершенства в духовной

* Это действующий с ежовско-бериевских времен метод фабрикации так называемых уголовно-идеологических дел. Поскольку дела нет, следует извратить факты, подобрав и вырвав из контекста нужные для обвинений слова, цитаты, осудив автора цитат в том, что он куплен «подрывными центрами». Доказательств, естественно, нет, но в них ни следствие, ни суд не нуждаются.

жизни, кто хочет стать на путь аскетике, самоограничения, чтобы приблизиться к познанию Бога и Церкви.

Мне положен час прогулки, и когда я хожу по маленькому дворику, я слышу могучее «ура», идет подготовка к параду, думаю я, могучее войско демонстрирует готовность защищать безопасность нашей родины.

Разве я могу подорвать или ослабить столь могучую державу?! Неужели гонители Христианского чтения так боятся христианства — проповеди терпения, смирения, любви? Неужели они в самом деле думают, что оно может подорвать их власть? Но они ведь отрицают бытие Божие, почему же они так боятся Его, если не верят в Его существование и не признают Его истинным Богом? Зачем бояться и ненавидеть то, чего нет?

У гонителей Христианского чтения есть издательства и газеты, телевидение и радио, у них в руках все средства атеистической пропаганды, они могут выпускать бесчисленное количество атеистических книг, полных ненависти, поругания, бесчестия в адрес Бога и верующих в Него. Чем помешали им маленькие книжечки «Надежды», выпущенные крошечным тиражом? Тем, что они выпущены не здесь, не в России? «Бога нет!» — кричат гонители Христианского чтения, и их страх перед проповедью Слова Божия является неопровержимым доказательством Его бытия.

Они свидетельствуют о том, что Бог есть, и о том, что есть сатана, который и внушает эту ненависть к невинным прежде всего для того, чтобы погубить тех, кто ненавидит, гонит, обвиняет христиан, исповедующих свою веру, объявив их злодеями и преступниками, а заодно погубить и тех, кто будет напуган преследованиями и гонениями: тюрьмой, лагерем, смертью...

Первым государственным преступником, обвиненным в подрыве и ослаблении власти (ныне это статья 70 Уголовного кодекса), был Христос. *Он возмущает народ* (Лк. 23, 5), — говорят Его обвинители, требуя для Него смерти. *Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе* (Иоан. 18, 30), — говорят Его обвинители Пилату, требуя для Него смерти. *Если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю* (Иоан. 19, 12), — пугают Пилата обвинители Христа, требуя для Него смерти.

Они давно искали, чтобы найти повод к обвинению Его (Иоан. 8,6), — в наше время это называется провокацией. Они давно убедились, что *Он обольщает народ* (Иоан. 8, 37–45).

Гонители и обвинители Бога ненавидели Его потому, что Он свидетельствовал о том, что дела мира злы (Иоан. 7, 7) *...ищете убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас... Вы делаете дела отца вашего... Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего... он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне* (Иоан. 8, 37–45).

Отец лжи однообразен, у него нет других вариантов.

Вслед за Христом государственными преступниками, обвиненными в подрыве власти, стали Апостолы Христовы. Об Апостолах Павле и Силе их обвинители сказали, что они люди, *возмущавшие наш город*, и что *они поступают против повелений кесаря* (Деян. 17, 7). А Апостола Павла называют *язвою общества, возбудителем мятежа* (Деян. 24, 5).

Отец лжи однообразен, и у него нет вариантов. Гонитель христиан в Иерусалиме, первосвященник Анан, требовал Апостола Матфея себе на суд. На суде Анан старался предстать Христу и его учеников развратителями народа и изменниками отечеству (см. настольную книгу для священнослужителей о. Сергия Булгакова, изд. 1890 г.). Память св. Ап. Матфея 9 августа.

Это было две тысячи лет назад.

Священномученик Косма был в 1779 г. задушен турками в связи с доносом, утверждавшим, что он подослан русскими возмущать Албанию. Отец лжи однообразен в своей ненависти к Истине. Св. Аникита, начальник воинского отряда в Никомидии, обличил императора в нечестии и пролитии неповинной крови христиан. Разгневанный император предал его жестоким мучениям, после которых повелел бросить мученика к диким зверям. Память его 12 августа.

Св. мученик Ромил, военачальник императора Траяна, был обезглавлен за обличение императора в несправедливости к 11 тысячам христиан, которых император сослал с бесчестием в Армению. Память его 6 сентября.

Св. мученик Порфирий за обличение царя в вероотступничестве был обезглавлен. Память его 15 сентября.

Св. мученик Евлампий всенародно порицал и обличил императора Максимилиана в жестокости к не повинным ни в

чем христианам, за что и был взят на мучения. Память его 10 октября.

Св. мученики Аникита, Ромил, Евлампий и Порфирий были замучены в IV веке.

Преподобномученик Иаков, обвиненный в том, что собирает вокруг себя мятежников, был повешен в 1520 году. Его память 1 ноября.

Священномученик Игнатий Богоносец, с радостью принявший мученичество, писал: «Лучше мне умереть за Христа, нежели царствовать над всей землею... Его ишу, за нас умершего, Его желаю, за нас воскресшего... Не препятствуйте мне жить, не желайте мне умереть. Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому свету: явившись туда, буду человеком Божиим. Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего». Это цитата из письма к Римлянам, желавшим освободить св. Игнатия из оков.

Бросивший св. Игнатия на съедение зверям император антиохийский пожелал скрыть от народа, что св. Игнатий осужден за веру, а выдать его за обыкновенного преступника, чтобы «страдания мученика не способствовали бы на этот раз распространению последователей ему в подвиге за Истинного Бога» (Жития святых, чтимых Православной Церковью. Составлены Преосвященным Филаретом. — С.-Петербург, 1842). Память священномученика Игнатия Богоносца 20 декабря.

Страх стал изнемогать во мне. Понятная история: марсианские разведки, космические заговоры... Как однообразен отец лжи, одно и то же.

«За твоей спиной Церковь!» — слышу я, возвращаясь с допроса в камеру. Я недостойна, но я слышу Церковь, ее чистый благовест в моем сердце. Это победить невозможно, это просто, как истина, молитва Церкви пробилась в мой измученный ум, страх начал сгорать во мне. Наконец я не одна.

Здесь земля святая, она полита кровью мучеников. На белом потолке камеры белый крест. Я не должна бояться расстрела и двенадцати лет заключения, которыми мне угрожают. За моей спиной Церковь, я ничтожна, мала, я ничего не могу, но я не одна. Здесь земля святая.

Мир — тюрьма, все, что окружает меня, все, что я вижу, — тюрьма. Я воздвигала сама эту тюрьму, я закрыла от

себя небо белым потолком камеры, выстроила высочайший черный забор, наняла конвоиров...

Так делали все давным-давно, все, кто любил себя, этот мир и кто хотел в нем укрыться от Бога. Я сама построила тюрьму, но я сама не могу выйти из нее. Без помощи Бога я не выйду отсюда. Там, где попирается Божественный Закон, там попираются и законы человеческие, и Церковь, как столп и утверждение истины, должна попираться.

В этом ее свобода, над которой не властна тюрьма.

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ ВЕРА

Страх — порождение гордости, страх — порождение страсти себялюбия.

Но сила Духа, живущего в Церкви, могущественней страха и страстей.

Лефортовские коридоры не столь длинны, просто по ним надо долго ходить, чтобы, преодолев их лабиринты и ловушки, плотно забитые страхом, вычистилась в мучительных вопрошаниях мысль о том, что страх есть порождение ветхозаветной веры, гордости Законом.

«Перекося в сознании, — сначала думала я, — ошибка, ущербность религиозного сознания». Мой ум, утомленный страхом, не мог постичь причины своего поражения, бессилие его было почти безнадежным, спастись от него можно было только покаянием. Покаяние и должно было ответить на главный вопрос: или то, что я назвала христианством, бессильно перед страхом нравственных и физических мучений, или это — не христианство?

Конечно, это не христианство. Это — ветхозаветная вера, верность Закону, гордость Законом, дарованным Богом. Бог дал свободу ненавидеть Его. Тем, кто не хочет Его, и тем, кто хочет Его ненавидеть, Он не даст веры.

Но по милосердию Своему Он дал и ненавидящим Его Закон для того, чтобы человечество продлило свое бытие. Закон записан Богом не только в сердце (наверное, это и есть то, что мы называем совестью), но и на скрижалях, потому что сердце ненадежно, оно может стать звериным и презреть Закон так же, как оно презрело Бога.

Оно ненадежно, оно может стать скотским и забыть Закон, записанный в нем, и выбросить вон скрижали. Но и это еще только часть дарованной Богом свободы.

Человек может выбросить вон скрижали, сжечь Закон, записанный в сердце, и сказать, что он исполнил Закон. Этому человека учит сатана, отец лжи, учит по Божьему попущению.

Бог разрешает искушать нас сатане для того, чтобы свобода, дарованная Богом, была полной и абсолютной, для того, чтобы свобода выбирать Бога или сатану была реальной, для того, чтобы свобода выбора была условием ада или рая, вечной жизни или вечной гибели.

Это было катастрофой, мой мир обрушился, и вместе с ним рушилась моя тюрьма, воздвигнутая мной.

Это — ветхозаветная вера, гордость Законом, заменившим веру, поклонение обряду, букве, «овеществленной религиозности», форме. Это вечная угроза христианству, добыча сатаны. Эта гордость Законом обвинила Бога в беззаконии и возвела Его на крест.

Это было двадцать веков назад, теперь все — другое, — говорили мы.

Мы — христиане, мы верующие, и с нами будет все в порядке. Мы будем выполнять Закон, следовать его букве, будем ходить к обедне, крестить детей, красить яйца к Пасхе, исповедоваться в «обязательных» грехах, и за это мы будем спасены. Мы в полном порядке. Мы избранники Божии, пусть этот мир погибает, Бог сам разберется с ним... Главное, стараться исполнить Закон, а если это не удастся, то у нас есть возможность принести покаяние. Все в порядке, мы спасены.

Я помню, как старый наш приятель сказал Светову: «Если ты христианин, почему же тебя до сих пор не сожрали львы?!»

А начальник тюрьмы имел другое представление о христианстве и сказал мне с сочувствием: «Молились бы себе потихоньку, и никто бы не посадил вас».

НЕОХРИСТИАНСТВО

Меня арестовали ночью. В одиннадцатом часу вечера они вошли в мой дом. Дверь была открыта.

Ночные аресты стали, казалось бы, редкими. В последнее время брали днем, под вечер, весь день обыскивая квартиры в поисках запретного слова.

Слово Божие запретно, поэтому у нас унесли часослов, молитвослов, Библию, библейский словарь и т.д.

В три часа ночи я вышла последний раз погулять с пуделем Мартом. В ту пору ему было пятнадцать лет, он задыхался, августовская ночь была душной, темной.

Я последний раз смотрела на грузные сосны, окантовавшие дорогу, по которой меня увезут.

Ночью пришли за Христом, и за христианами приходят по ночам. *Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас* (Иоан. 15, 20).

Ночью страшной уходить.

Бог дал человеку Закон, чтобы он научился пользоваться веществом этого мира по дороге к земле обетованной и Царству Бога.

Дом построен из вещества этого мира, в нем можно приклонить голову, а если его заберут, то голову, пока ее не забрали, можно приклонить в тюрьме.

Мученикам Христовым после мучений усекали головы мечами. В 80-е годы нашего века — другие казни.

Теперь больше головы ценится душа, впрочем, князь мира сего однообразен, душа всегда ценилась больше всего, ибо, как сказал Господь, *душа стоит целого мира*.

Ночью забирают, чтобы получить душу.

Августовская ночь была душной и черной, черные «Волги» мчались по дороге, обрамленной грузными старыми соснами, к моей тюрьме.

Моя душа знала, по-видимому, всегда, что это будет, что это необходимо, что только там она может обрести свободу. «Освободи меня, Господи! — просила я перед арестом. — Освободи!»

Пойди из земли твоей, от родства твоего (Быт. 12, 1-2), — сказал Бог Аврааму, а через него всем нам, — выйди из дома твоего, отдай его, выйди из родства твоего, и Я дам тебе блаженство на земле обетованной.

И Авраам вышел. С него начался род тех, кто соглашается исполнить повеленное Богом — стать пришельцем на земле, оставить дом, родство, двинуться в странствие к земле обетованной.

В моих редких снах есть сон, не оставляющий меня всю жизнь. Мне снится дом, квартиры, в которых я собираюсь жить, они неудобны, неуютны, это чужие жилища, но мне негде приклонить голову, и я хожу по чужим квартирам со страхом, что окажусь бесприютной.

Душа моя, видно, всегда боялась бездомности и искала дома, но у меня долго не было своего жилья.

В тюрьме мне снится незнакомый город, и Одигитрия Пресвятая Владычица заняла Собой почти все небо, повисшее над неизвестным мне городом.

Это — земной город, но он ничем не похож на Горно-Алтайск, через который меня везли в ссылку.

Я выписываю на одном из первых допросов вторую главу из Послания к Евреям св. Апостола Павла.

Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город (Евр. 11, 13–16).

Господь приготовил нам город. У нас здесь нет отечества, мы пришельцы, странники. Здесь — чужбина, наше жительство на небесах, по слову св. Апостола Павла.

В одной из моих статей есть эта цитата из Послания к Евреям. Она станет обвинением в приговоре. Меня обвинят в том, что я называю Советский Союз чужбиной.

Возможно, я делаю ошибку, пытаюсь объяснить своим обвинителям, что Господь приготовил нам город и христианскому мироощущению земля представляется чужбиной. Возможно, я делаю ошибку и трачу впустую силы, чтобы объяснить необъяснимое.

Христос молчал на допросах, диалог невозможен, потому что нет общего языка, на котором можно говорить жителям двух миров.

Ты считаешь, что эта земля — чужбина, мы изгоним тебя из нее и заберем у тебя дом! — говорят мне мои обвинители. Но у них нет такой силы.

Иисус отвечал: *Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше* (Иоан. 19, 11).

Я еще не вижу, что идет атака на «завесу». Так я назвала общий замысел сатаны, атакующего мое сознание и мою душу, сокрытые под «завесой», оболочкой...

Я еще не знала пока, что должна пройти по воле Божией эти испытания страхом, ненавистью, гневом. Поэтому я и делала ошибки, без ошибок я не смогу осознать себя.

Без ошибок я не смогу научиться христианству.

Ты видишь? Идет атака на «завесу», это общий замысел, в нем участвуют мои обвинители, моя соседка по камере и даже мой ум, стесненный сатанинским натиском, страхом, воспоминаниями, сожалениями. Ты видишь? — слышу я после пустякового конфликта с соседкой по камере, конфликта, в котором она, осуществляя замысел, должна истощать мою силу.

Я наконец вижу. Диалог невозможен. Нет общего языка. Христианство — безумие, или это — не христианство.

Пришла пора выбирать. У меня нет больше возможностей выбрать из христианства то, что мне удобно, то, что для меня безопасно, и то, что разрешает делать христианству сей мир.

Идет атака ежесекундно, камера, в которой я заключена, атакуется стрелами, они вонзаются в меня, в хрупкий панцирь, оставляя на нем невидимые раны.

Глаз не видит и ухо не слышит этой атаки, но это не значит, что ее нет, она сотрясает мир...

Мир распинает Бога ежесекундно, отрекаясь от своего Творца, распинает до тех пор, пока Он позволяет это миру, потому что Он постоянно воскресает и дает жизнь миру Своим Распятием и Своим Воскресением.

Идет атака на «завесу», и христианство призвано это знать и видеть.

Господь дал христианам эту способность видеть, если они захотят видеть. Но сколь ответственна эта способность — хотеть.

В Законе, данном Богом, человеку было указано, как пользоваться веществом, чтоб человек мог остаться человеком до прихода Христа, когда Богу угодно будет открыть новую веру и дать новые заповеди и открыть завесу.

Первым туда вместе с Господом войдет разбойник за покаяние и исповедание веры.

У нас нет больше времени, у христиан нет больше времени, наша жизнь повисла на волоске, ибо день есть отрезок пути и дан как отрезок пути к Вечности. Мы должны будем ответить за каждый отрезок пути.

«Вы не отвечаете на вопросы следствия потому, что в уставе марсианской враждебной организации (все то же) рекомендуется не отвечать на вопросы?!»

Христос не отвечал на вопросы Пилата.

Вопросы следователя могли бы показаться фарсом, если бы это не происходило на грани жизни и душевной смерти. Одно и то же: «Где же ваш Бог? Почему Он не спасает вас?» *Сойди с креста, если ты — Бог!*

«Почему Он не наказывает меня?» — спрашивает следователь с плохо скрываемой издевкой.

Это похоже на фарс. Старушка, назвавшаяся протестанткой, которую привела ко мне моя знакомая для того, чтобы я помогла старушке приобщиться к православию, оказывается агентом. Как печально, она совсем стара, сколько ей осталось еще дней... Но может быть, она успеет еще, как разбойник, покаяться и исповедать Тебя, Господи?!

«Это — недоразумение, — говорю я следователю, словно бы очнувшись от абсурда, от бреда, в который мы погружены не по нашей воле. — Это — недоразумение, как вы можете бороться с Творцом Вселенной, создавшим вас и все, что вокруг вас?»

Слезы растопили мое жесткое сердце, и мне стало жалко его. Слава Тебе, Господи! Мне наконец стало жалко своих обвинителей! И они — Твое создание.

«Это — недоразумение, неужели вы и в самом деле верите, что ваш ум родствен уму обезьяны?» Я не могу ненавидеть, я не хочу ненавидеть, мой ум не имеет ничего общего со звериным умом обезьяны!

Они — в плену, это — несчастье, беда, это осудить невозможно, потому что нас всех ждет Суд, страшнее которого не могут придумать мои обвинители.

Это я виновата во всем, виновата и в предательстве этой старушки тоже.

Значит, это не было христианством, ведь я не смогла передать ей тот огонь, который сжег бы в ней страх и желание лжесвидетельствовать.

Мы — христиане — не умеем жить в этом мире по-христиански.

Мы выбираем из Ветхого Завета то, что нам легко исполнить, и, в лучшем случае, мечтаем об исполнении Нового Завета. Мы не умеем жить в этом мире, поэтому наши встречи друг с другом пусты, нам нечего дать друг другу, кроме необязательных слов. И когда нас бросают в Вавилонскую печь, мы сгораем.

О, как страшен этот бесплодный путь мнимого христианства по земле, которая ежесекундно сотрясается от вольного распятия Бога!

Как страшен этот путь, ведущий к тому мгновению, когда мы осознаем, что мы утратили, охваченные страхом, когда мы поймем, за что мы отдали свое блаженство. И сколь необходимой и желанной станет для нас утраченная возможность быть гонимыми за крест Христов! Но поздно будет, поздно...

Жизнь моя висит на волоске. Не сегодня завтра кончится этот путь, ведущий к Вечности, и последний отрезок станет последним днем.

В Московскую Патриархию

Прошу передать это обращение во Всемирный совет Церквей, предстоятелям всех христианских церквей и христианам всего мира.

ОБРАЩЕНИЕ

Арестован мой муж, писатель Феликс Светов, православный христианин, создавший ряд романов, свидетельствующих о Христе в современной России. Один из его романов «Отверзи мне двери» был опубликован в Париже в издательстве ИМКА-Пресс. Он — автор нескольких книг, вышедших в СССР, был исключен из Союза писателей СССР за свои сочинения. Его отец, известный историк, профессор МГУ Фридлянд И.С., был расстрелян органами НКВД в 1936 году и помертно

реабилитирован. Я — в ссылке, осуждена на шесть лет лишения свободы за исповедание православной веры, пробыла год в тюрьмах, сейчас поселена вдали от храма, от христиан, от родных и близких. Мой муж болен, ему сейчас 57 лет. В тот час, когда его увели из дома, у нас родился второй внук. Наши дети Сергей, Зоя, Виктор (муж дочери), внуки Филипп и Тимофей беззащитны. Слезно молю всех христиан всеми возможными способами помочь моему мужу. Блаженны не только гонимые за слово Божие, благословенны и те, кто защищает гонимых (Мф. 25, 34–36).

Усердно молитесь за нас. Русская Церковь в тяжелой беде. Будем неустанно молиться за погибающий мир, он будет сожжен, если христиане будут молчать, только живая вода исповедничества и единства во Христе может погасить огонь сатанинской злобы, которая разгорается в мире.

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» — писал Тютчев, зная, что сочувствие дается нам как благодать. Мы не знаем, получают ли сочувствие наши книги, ибо это не в нашей власти. Но мы знаем, что Господь поклялся в гневе Своем, что мы не войдем в Его покой, как сказал Апостол Павел, за неверие.

Кому нужны романы о Христе в мире, где забыты эти слова, где не боятся «не войти в покой Бога», где не верят, что где-то есть этот преблагословенный покой? Кому нужны, кроме КГБ, эти книги, написанные без надежды на сочувствие?!

Но «нам сочувствие дается, как нам дается благодать...».

Мы пришли ко Христу уже взрослыми людьми.

В интеллигенции возник впервые за долгие годы интерес к Церкви.

Оказалось, что уже двадцать веков после воскресения Спасителя человечество живет надеждой на воскресение. Оказалось, что человечество за эти 20 веков создало величественную церковную культуру, из которой вышла вся мировая культура. Оказалось, что весь мир живет молитвой Церкви и что до тех пор, пока есть Церковь и есть молитва, Бог сохраняет мир. Оказалось, что у человека есть душа и она стоит целого мира. Оказалось, что душа бессмертна и нет никакой власти на

земле, которая могла бы поработить душу, если человек этого не захочет...

Оказалось, что мир другой, чем я вижу его телесными очами, что он повис на виселице и что только христианство может спасти его от огня, который Господь позволил накопить человечеству для своего уничтожения, обещанного Богом за измену Ему. Оказалось, что Творец Вселенной ждет возвращения человека к Себе, потому что мир живет только любовью Творца к своему творению и ожиданием ответной любви к Нему.

Двери Церкви оказались открытыми. Тот, кто хотел, мог войти туда.

Оттуда для нас начиналась дорога к тюрьме. Но выбор есть выбор, христианство — это безумие, или это — не христианство.

Моя жизнь висит на волоске, каждый день есть отрезок пути к Вечности, и у меня нет никакого выбора, он уже сделан.

Время дается, чтобы созрел плод. Дни лукавы, они пластично, бесшумно истекают неизвестно куда. Дни — покров, время — форма, скрывающая Вечность. Они даны мне еще и для того, чтобы помнить о пределе времени. Смысл времени, я думаю, прост, оно служебно, как всякая форма, как и все, что укрывает сущность. Сущность же — созревание души для Царства. Для этого дана жизнь в этом мире, чтобы созрел плод и виноградная лоза сбросила созревшую ягоду свою (Иов. 15, 33).

Время дано, чтобы все время быть со Христом, оно дано для счета, чтобы считать утраченные дни и часы, отсекая то, что мешает быть с Ним.

Время дано, чтобы созрела душа, а созреть она может лишь в общении со Христом, наполняющим собой все. Для этого душа и послана в странствование, одета в тело, призвана к скорбям, тесноте, мучениям. Ко кресту. Ибо невиданная и неслышимая ею жизнь — Вечное Благо. Это та жизнь, которую она ищет здесь, ищет красоту, любовь, рай. Но здесь все уносит время — поток смертного вещества, уносит, по дороге превращаясь в суррогаты, иллюзии, неисполнимые надежды.

Богу угодно, чтобы душа жила здесь в утеснении, в аскезе, в скорбях. Богу не угодно, чтобы любовь к своему, к себе, к родным и близким наполняла душу, ибо это —

присвоение принадлежащего Богу, над Которым никто не властен, кроме Него. Это присвоение омрачает душу, мешая стяжать мир Христов.

Поэтому история Божьего народа начинается с жертвы Авраама Исааком.

Жертва собой, сыном, своим есть доверие Богу, доверие, возвращающее Творцу Его творение. Жертва Исааком необходима для полноты, она освобождает место для Бога в душе, жертвующей собой и своим. Ты даешь возможность Богу восполнить добровольную утрату получением во сто крат больше того, что было принесено в жертву.

Авраам получил Исаака, а от него родилось человечество.

Матерь Божия пожертвовала Собой и родила Спасителя человечества. Ничто, пожертвованное Богу ради истинного бытия с Ним и по любви к Нему, не утрачивается, все отданное возвращается и соединяется в Его любви в Церкви, ибо Церковь есть *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23). Это соединение во Христе нерасторжимо ни в сем веке, ни в будущем.

Мы пришли ко Христу уже сложившимися людьми. Для того чтобы жить во христианстве той жизнью, которая завещана Христом, нужно умереть.

Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге, — говорит святой Апостол Павел (Кол. 3, 3).

Двадцать веков существует христианство. И двадцать веков человек стремится его изменить.

Человек хочет в угоду себе исправить Закон, данный Богом. Он хочет исправить его в тот же миг, когда получает его. Он хочет приспособить его к себе. Потому что со времен едемской катастрофы он знает, что такое добро и зло.

В Едеме человек сказал сатане «да», теперь он должен говорить только «нет». Для этого первый Закон, данный Богом человеку, учит его обращаться с веществом этого мира, чтобы не быть плененным миродержцем и отвечать ему только «нет», а Новый Завет учит побеждать вещество этого мира.

Но побеждать вещество можно только на кресте, добровольной смертью, добровольно погубив душу, по слову Господа, т.е. отдав жизнь за Истину в этом мире ради вечной жизни с этой Истиной.

Это — безумие. Мы не хотим умирать. Мы не хотим христианства как безумия и потому говорим сатане и «да», и «нет».

Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Здесь невозможен компромисс, но человек ищет компромисса. Он хочет невозможного: чтобы жизнь его была сокрыта со Христом в Боге и в то же время чтоб она безбедно протекала в этом мире.

Мы пришли в христианство, не зная его. Мы не знали, что такое Церковь. Мы пришли туда за Вечностью, считая, что уже наш приход туда «обеспечивает» нам Вечность. Господь ждет вас, — сказали нам.

Господь как нищий с протянутой рукой стоит у дверей ваших душ, — прочли мы у одного современного богослова. Значит, все в порядке, нас звали — мы пришли. Мы сделали одолжение Богу и, значит, спасены.

У князя мира есть целый арсенал подмен. Самое простое и распространенное: достаточно быть крещеным и почитать себя христианином. Все остальное делает за нас Бог.

Это слишком глубокий пласт жизни — начало нового бытия, начало бытия в Церкви. Это сокрыто в тех тайниках души, которых мы сами не знаем в себе, и потому писать об этом невозможно. Это — мука и ожидание блага, это — падение и ужас оставленности, обморок души, погруженной во тьму, и редкие мгновения тишины, озаренные незнакомым светом.

Мы пришли в Церковь, которая давно ушла из пустыни, где она сохранялась от мира и где созревала ее непобедимая сила. Мы пришли в Церковь, которая избрала для себя жительство в мире.

Первая ложь, которая была принесена в первохристианскую Церковь, обернулась смертью для тех, кто позволил себе солгать Духу Святому, живущему в Церкви.

Мы узнаем это из откровения о Церкви, засвидетельствованного в Деяниях Апостолов (Деян. 5, 11–1).

Ложь в Церкви ведет к смерти, таков Суд Господень. Семя тли, семя лжи было посеяно сатаной уже в раннехристианской Церкви. Бог позволил это для того, чтобы все натиски ада на Церковь не одолели ее врат, как бы ни атаквались эти врата.

Наша Церковь давно ушла из пустыни, начав новый путь своего странствования в мире. Начав новое, историческое

христианство, т.е. христианство, приспособленное к условиям, которые предлагает мир.

Мир, в котором удержалась Русская Православная Церковь, стал для нее убежищем, и чтобы сохраниться, ей надо было принять условия мира. Так решил митрополит Сергей (Страгородский), ставший по разрешению Сталина первым советским патриархом. Вместе с ним декларацию 1927 года о «симфонии» со сталинизмом подписали несколько епископов. В средние века Церковь спасалась от мира в пустыне. Теперь было решено остаться в мире, приняв его условия.

Господь сказал: *И на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Следовательно, если врата ада одолели Церковь, то это уже не Церковь, а вид ее, ибо и *сатана принимает вид Ангела света* (II Кор. 11, 14).

Эта тема слишком горька, в ней не может прозвучать ни единой осуждающей ноты.

Это наша вина, наша беда, это наша вторая смерть, если мы не откажемся от лжи, ибо Суд начинается с Дома Божия, с Церкви (I Пет. 4, 17).

Мы призваны стать царственным священством, народом, взятым в удел Божий, но мы покидаем добровольно удел, и жизнь наша уже не сокрыта со Христом в Боге, потому что мы ищем своего, а не того, что угодно Богу (Фил. 2, 21).

Начался ли новый этап нашей жизни с назначением митрополита Сергия патриархом? Как случилось, что обновленчество (это обновленческое, реформированное православие принято называть «сергианством» по имени митр. Сергия) все же победило? Было ли это результатом предшествующей истории русской Церкви, раскола, грехом братоубийства, ослабившего духовную силу у традиционного русского священства? Было ли это результатом ухода Церкви из пустыни? И наконец, было ли это реакцией на гонения 20–60-х годов?

Я не пишу историю Церкви и не анализирую особенностей ее пути в истории, мне это не под силу, история напишется, когда ей придет пора. Я хочу коснуться только одного очевидного для всех явления, оно может помочь нам понять особенности духовной жизни в современной русской патриаршей Церкви.

Церковь — Тело Христово, мистическое единство еще странствующих в этом мире и уже почивших в Царстве Бога.

Так вкратце мы, православные, мыслим нашу связь во Христе со святыми Его, их участие в нашей жизни, нашу общую жизнь, сокрытую во Христе с Богом, по слову Апостола Павла.

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «Кто не изволяет со всей любовью и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествующих святых, хотя бы ему и казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом» («Деятельные и богословские главы», с. 560).

Это суждение, бесспорное в его истинном православном смысле, проливает свет на многие наши недоумения. Тело Христово не может быть разорвано, мы не можем существовать как Церковь вне связи со святыми мучениками, исповедниками. Тело Христово не может быть разделено на тех, кого мир разрешает считать святыми, и на тех, кого мир за прещает почитать святыми.

Мы не только утаили своих мучеников, исповедников, своих святых, близких нам по времени, мы не только не признали их, мы солгали Богу и себе, что их не было. На протяжении нескольких десятилетий наши иерархи, в том числе и патриархи, лжесвидетельствовали о том, что мучеников и исповедников, убиенных в России за веру в XX веке, не было и нет.

Это не подлежит человеческому суду, потому что это подлежит Суду Бога.

Тело Христово не может быть разорвано, оно распинается вместе с его Главой, если же оно уходит от креста, значит, это уже не Церковь Христова. Тот, кто лжет на святых, тот «будет извержен из среды их», и тот, кто не признает последних по времени святых, тот никогда не соединится с прежними, он извергает себя из православия и, значит, лишается его духовной силы.

Церковь — не учреждение и не просто собрание верующих для участия в общем богослужении. Это — духовный организм. Бог почивает во Своих святых, и любая измена Ему

и Его святым поражает духовный организм духовным бессилием. Где Дух Господень — там свобода. Там, где Церковь уступает миру, там она утрачивает свою свободу, ибо она есть столп и утверждение Истины и призвана утверждать в сем мире Истину.

«Сергианство», или «неохристианство», со всем, что несет оно в своей духовной сути и во внешних проявлениях, отражающих эту суть, свидетельствует о гневе Божиим, поразившем нас за измену Слову Божию, за желание исправить Евангелие в угоду миру.

Господь попускал ереси, чтобы в борьбе с ними и победе над ними, которую он каждый раз дарует взыскующим ее в Истине, очищалось православие. Преподобный Максим Исповедник, как ни ломали его иерархи, патриарх, вся Церковь, выстоял во всех мучениях. Когда ему сказали, что он, простой монах, восстает против мнения всех иерархов, преподобный Максим отвечал, что, если бы даже Ангел с небес проповедовал ересь, он все равно отстаивал бы Истину.

Он победил. Это было безумием.

«Плетью обуха не перешибешь!» — сказал патриарх Пимен одному молодому человеку, который осмелился спросить патриарха: почему Церковь добровольно отказалась от той миссии, которая была завещана ей Христом. «Плетью обуха не перешибешь!» — ответил патриарх Московский и всея Руси.

Надо думать, что решение митрополита Сергия было следствием его любви к Церкви и ближним, которые, как он предполагал, не будут спасены, если Церковь будет в постоянных гонениях. Надо думать, что патриарх Сергий не мог предполагать, что он лично, а не Господь, спасает Свою Церковь, которую не могут одолеть врата ада, если она будет стоять на камне бескомпромиссного исповедания Христа. Повидимому, митрополит Сергий, ставший патриархом, был уверен, что исполняет волю Бога. Мы не знаем, прав ли он был. Это не подлежит человеческому суду. Мы можем только искать ответ в Евангелии, нам не известны никакие другие откровения о Церкви, кроме тех, что записаны в Евангелии.

В Евангелии есть ответ на поставленные вопросы. Апостол Петр, названный Господом за исповедание Христа камнем Церкви, из любви к Господу говорит ему: *Будь милос-*

тив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! (Мф. 16, 22). Не иди на крест. Мне жалко Тебя терять, не умирай, оставайся с нами...

Мы любим своих близких, своих детей и родных, мы не хотим для них крестной смерти. Это — человеческая любовь. Нам жалко, нам невозможно терять свое, родное, близкое. Но нам сказано: *Любовь не ищет своего* (I Кор. 13, 4). Нам сказано: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Иоан. 15, 13). И потому на эту человеческую, столь понятную нам любовь Апостола Петра Господь отвечает с жесткостью, отрицающей все пути к компромиссу. Он говорит святому Апостолу Петру, только что названному им камнем, на котором Он создаст Церковь Свою: *Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16, 23). Ты ищешь своего. Отойди.

Надо думать, митрополит Сергей, ставший патриархом, знал этот текст и его смыслы не хуже нас, он считался крупнейшим богословом. Но знание, учит нас святой Апостол Павел, ничто. Кимвал звучащий и медь звенящая, если не имеем любви, которая не ищет своего (I Кор. 13, 1–2).

Компромисс — не крест, а смирение — не компромисс. Господь наш смирил Себя перед Отцом, но не перед фарисеями и иудеями. Церковь — столп и утверждение Истины, и она не платит никому дань в мире сем...

Это было не время собирания смокв, когда Господь подошел к смоковнице. На ней не было плодов. Она не успела дать плоды, потому что время не подошло. Да не будет на тебе плодов вовек! — сказал Он, и смоковница засохла.

Вера — не только, по словам Господа, может творить то, что Он сотворил с бесплодной смоковницей, вера побеждает «уставы естества», так утверждает Церковь, прославляя пречистую Матерь Бога нашего.

Вера дает плоды даже тогда, когда по уставам естества и уставам времени еще рано собирать плоды.

Мы еще слабы, мы не можем, подождем, еще не время собирания смокв, — говорит священник. Он молод, силен, он — ученый священник, знает хорошо тексты Священного Писания. Он был научным сотрудником в миру, он ушел с мирской работы и стал священником по любви к Церкви. К

нему стекается народ, говорят, он дает духовные наставления. Как хорошо. Это — плод того самого духовного возрождения. Молодые люди из науки, культуры идут в священство.

Мой собеседник особенно замечен, он, как говорится, вышел из хороших рук, его духовный отец — ныне усопший известный в Москве пастырь. Он был знаменит в интеллигентских кругах, он был умным проповедником, философом, мудрым наставником, властителем дум. Вокруг него сложилась «христианская элита», неопиты и давно живущие церковной жизнью. Он, можно сказать, создал свою школу священников, школу нового христианства, христианства 60–70-х годов. Огромный приход, храм полон детьми, их молодыми родителями, стариками, словом, это некий символ нашей религиозной жизни...

Еще не время собирания смокв, мы будем ждать, когда мы духовно созреем, духовно окрепнем, — повторяли и повторяют за знаменитым пастырем его ученики. Чтобы подтвердить свою правоту, они ссылаются на где-то сокрытых от нашего взора старцев...

Это очень тонкая подмена, настолько тонкая, что ее трудно описать. Евангелие знает эту опасность. Эта тема там названа жестко и бескомпромиссно: упразднение креста Христова.

Упразднение путем подмены. В раннехристианской Церкви этому упразднению способствовала проповедь о необходимости обрезания, плотского служения Богу. О необходимости исполнения обряда, правила, нормы. Апостол Павел боролся с этой подменной с непримиримостью евангельского максимализма: они принуждают вас обрезать, — пишет он Галатам, — *только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов* (Гал. 6, 12).

В современной Церкви есть свои проповедники «обрезания» — обряда, закона, проповедники подмены креста, *чтобы не быть гонимыми за крест Христов*. Нравственные обязательства друг перед другом и исполнение норм христианской морали, по мнению этих «проповедников обрезания», вполне могут заменить крест Христов и даровать Царство.

Сейчас не время для креста, сейчас не время для Господней работы, для свидетельства, исповедничества, мир не хочет свидетельства. Мы будем пока исполнять другие заповеди. Крест — это символ, — раскрывают современные

наши богословы суть нового христианства. Крест — это терпение скорбей: сварливой жены, непослушных детей, болезней, вздорного начальника и всего, что несет нам этот мир. Наше дело исполнять нравственные нормы, остаться милостивыми, добрыми, порядочными, честными.

Крест — это терпение скорбей, — повторяли мы слова епископа Игнатия Брянчанинова, сказанные в XIX веке, когда Церковь уже ушла из пустыни и поэтому становилась все более ненужной миру, он переставал верить в ее свидетельство, соль утрачивала свою силу. Оставались еще редкие пустынноики в Церкви, среди них был и епископ Игнатий, живший в пустыне посреди мира.

По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? — говорит Господь (Мф. 7, 16). Но сейчас не время собирания плодов, объясняют нам. Мы не готовы умирать за этот мир.

«Мы — избранные, а мир во зле лежит». Он должен умереть для нас, а не мы для него. Так говорят те, кто считает себя аскетами, теперь часто встречаются многолетние пустынноики, знающие Отцов и выбирающие из их наследия, так же как из Евангелия, то, что «исторически возможно». Для них епископ Игнатий непререкаемый авторитет: сказано, крест — это терпение скорбей, и достаточно о кресте. Но епископ Игнатий отвечает им: «Знай: Бог управляет миром, у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, она — грех, беззаконие, падение. Бог установил свою Всесвятую Правду креста — ею отверзает нам небо. Ему благоугодно, чтобы мы входили в Царство Небесное многими скорбями. Образ исполнения этой правды Бог подал Собою... Он вменялся с беззаконными, в числе их, вместе с ними осужден на поносную, торговую казнь, предан ей — какими же людьми? — гнусными злодеями и лицемерами. Все мы безответны перед этой Всевышнею Правдою — или должны ей последовать и к нам отнесутся слова: *и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38). Против Правды Христовой, которая — Его крест, вооружается правда испорченного естества нашего. Бунтуют против креста плоть и кровь наши. Крест призывает плоть к распятию, требует пролития крови, а нам надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться...» Это писано в

ХІХ веке, когда была другая, чем у нас, «историческая ситуация». Но гонения на веру никогда не могут прекратиться, таково обетование Господа. Нет веры — нет гонений.

Нам важно сохранить веру в людях, — объясняет еще один теоретик нового христианства. Он тоже молод, пришел из науки в священство и тоже многое знает. Однако веру нельзя сохранять, как сохраняют запасы нефти, угля и прочих природных богатств. Вера сохраняется не мирской предосторожностью, она сохраняется жертвой, т. е. делами веры, и ими она достигает совершенства (Иак. 2, 22). Он и это хорошо знает, и даже как-то неловко напоминать ему знакомые тексты. Но все-таки нужно напомнить. Вы — соль земли, вы — свет миру, — говорит Христос. Что будет с солью, если она потеряет силу? «Это не нам сказано, — говорит ученый священник спокойно, — это сказано Апостолам». У него свое Евангелие — с поправкой на время.

Сейчас не время собирания смокв, и мы пока оделись листьями, как та смоковница, которая стала бесплодной. Ибо листья — тоже своеобразный плод. Листья — форма, одежда, но ими нельзя насытить, а Господь возалкал, когда подошел к смоковнице, Он хотел насытиться ее плодами.

Мы сохраним форму, богослужение, иконы, храмы. Мы будем крестить и отпевать. Пусть будет полухристианство, обновленчество, неохристианство, комфортное христианство. Как его ни назови, главное, чтобы оно было в безопасности. Плетью обуха не перешибешь. Благословите, Владыко, собрать с репейника смоквы!

Форма может стать поруганием смысла. Когда священнику Дмитрию Дудко за его показания, в которых он утверждал, что у нас не было новомучеников, было разрешено Причастие, Чашу, по его рассказам, ему поднес следователь. Когда перед Ванкуверской международной религиозной конференцией нужно было предать гласности, что священник Глеб (Якунин) был причащен в лагере, к нему поехал секретарь митрополита Ювеналия. В другом случае другому священнику было отказано в разрешении поехать в ссылку — в то время не предвиделось международной конференции.

Как известно, компромисс со злом укрепляет зло, полуправда есть поругание правды, а полухристианство — поругание христианства. Это не подлежит человеческому суду.

Это — не суд. Это спор с собой. Я сужу себя. Мне важно сейчас не только понять, но и раскрыть суть той духовности, которую я назвала сначала «перекосом в сознании», затем «ветхозаветной верой», затем — «сергианством». Неужели же были правы наши оппоненты? Их доводы мы слышали не раз на нашем пути поисков Церкви. Это — не Церковь, на ней нет благодати, ее епископы и священники в «порабощении у мира, они куплены...» — слышали мы десятки раз.

Вы куплены дорогою ценой; не делайтесь рабами человек (I Кор. 7, 23), — предупреждает нас Апостол Павел.

Нет, это невозможно. Церковь — выше священников и епископов, она непогрешима в своей святости. Это человеческие немощи, мы все грешны, их надо покрыть любовью... — отвечали мы. Для нас невозможно отдать свою надежду. Если это не Церковь, где и как ее найти? И если бы она была в пустыне или в катакомбах, разве для нас была бы открыта ее дверь?

Мы не только спорим с теми, кто хочет забрать у нас найденное благо, мы не только разрываем с ними отношения, мы пишем об этом статьи, романы, мы защищаем нашу любовь к Церкви.

«Прежде чем делать, надо быть», — повторяю я в статье (посвященной защите Церкви) чье-то изречение. И эта статья войдет обвинением в приговор суда. Но что значит быть?

И когда мы узнаем, что мы уже есть, и что нам тогда делать? Сейчас не время собирания смокв. Господь в Евангелии от Луки (13, 6–9) рассказывает притчу, как хозяин виноградника решил срубить бесплодную смоковницу, ибо третий год не мог сыскать на ней плода, но виноградарь сказал ему: *вставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, — не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее.*

Значит, время дано только на то, чтобы созрел плод. Дерево узнается по плодам его, — говорит Господь. Он не сразу проклинает, обрекая на бесплодие. Он ждет... Мы подождем, защищаю я свою Церковь.

Это спор с собой, я должна понять, откуда возник этот страх, тот мучительный ужас перед воротами ада.

У страха нет природы. Он рождается или в безбожной пустоте или в умозрительной философской вере.

Вера — не интуиция, а сознательное житие.

Надо родиться заново, родиться свыше, — говорит Господь Никодиму (Иоан. 3, 3), родиться огнем в тот мир, который реален, выйдя из того, что навязан миродержцем, князем мира сего, цель которого извратить сознание, подменить христианство неохристианством, лжехристианством, полухристианством, внушая ложную мысль о власти мира над человеком.

В христианстве не бытие определяет сознание, а сознание, вера определяют бытие. У первохристиан была другая картина мира, чем у нас. Члены первохристианской Церкви обладали сознанием, которое Отцы называют ведением, они знали мир и ным, чем мы. Поэтому та истинная, раннехристианская апостольская церковь так далека от «исторических» христианских церквей.

Картина мира, утвердившаяся в нашем сознании, мешает вере, делая ее умозрительной, философской, подменяя ее интуицией. Поэтому при столкновении с вратами ада она становится бессильной. Это духовное бессилие — плод компромисса с миром. *Слушай слово, народ мой: готовьтесь на брань, и среди бедствий будьте как пришельцы земли. Продающий пусть будет как собирающийся в бегство, и покупающий — как готовящийся на погибель; торгующий — как не ожидающий никакой прибыли, и строящий дом — как не надеющийся жить в нем* (3 Езд. 16, 41–43).

У страха нет природы, он возникает в пустоте. *Се, оставляется вам дом ваш пуст...* (Мф. 23, 38).

Мир хотел уничтожить Бога, создавшего мир. Миродержец хотел убить Бога и научил предавать его. Он хотел уничтожить учеников Его и научил предавать их.

Он убивал их способами, которые превосходят человеческое разумение о жестокости. С них сдирали кожу, бросали лютым зверям, жгли в огне, рвали тела железными когтями, прибавали к крестам, влачили по земле, топили, расстреливали, усекали главы. Но чем больше их мучили за веру в Бога, тем сильнее они верили в Него и любили Его. Это закон христианства, он дарован Богом, его никому не удавалось и не удастся отменить.

Человек начал свидетельствовать о Боге и исповедовать веру в Него с той минуты, когда он осознал себя человеком. Это

свидетельство мир хочет истребить, но те, кто занимается этим, обрекают себя на вечные муки, желая разрушить то, что создал Бог и что неразруσιμο.

Мир хочет убить Церковь и в течение двадцати веков изобретает новые способы ее уничтожения. От жесточайших убийств он переходит к тончайшим сделкам и компромиссам, для того чтобы подчинить себе Церковь. Он не хочет, чтобы Церковь была не от мира сего, он хочет, чтобы она жила по законам мира, по так называемым историческим законам. Но каким бы ни было время, христианство неисторично, оно не может меняться в истории, оно меняет историю. Такова наша вера, все прочее — от лукавого.

Духовная расслабленность как результат компромисса с миром — явление отнюдь не историческое, оно не является достоянием какой-либо исторической эпохи или какого-нибудь социального строя.

Обновленчество, или неохристианство, — не русская болезнь, ею Господь может поразить любую христианскую Церковь, в какой бы точке мира она ни находилась. То христианство, которое мы получаем в Откровении Бога человеку, превышает любой исторической, социальной и политической ситуации.

Христианство Христа не от мира сего, и та подлинная картина мира, которая открывается в Библии, не только далека от всех преходящих форм (исторической, социальной, политической и прочих) человеческой жизни в мире, но независима от них по существу и смыслу своему. Смысл бытия человека в этом мире — духовная борьба, в которой проявляется его свобода.

Истинное христианство никогда не борется ни с идеологией, ни с политикой мира сего, оно призвано свидетельствовать о Боге, пришедшем спасти погибшее.

Это свидетельство — жертва любви и жажда любви. Поэтому христианство не борется ни с политикой, ни с идеологией, ни с культурой. Но не потому, что оно пассивно, а потому, что превышает мира и его институтов. В этом его сила.

Эту силу мир хочет разрушить или расточить всегда, независимо от исторических и социальных форм, в которых протекает человеческое бытие.

Христианство не борется с миром, мир борется с ним.

Миродержец, диктующий человеку формы его общественного и личного устройства, преследует одну глобальную цель: заставить человека быть в порабощении у вещества этого мира, которое несет ему вечную смерть. Для этого он внушает человеку ненависть к Богу.

Это — роковая духовная борьба между Богом и дьяволом, и ей нет предела до тех пор, пока Бог дает жизнь миру. Мир есть поприще свободы, арена борьбы за падшую человеческую душу, за человеческое сознание.

Там, где нет гонений на веру, там нет веры. Значит, соль потеряла силу, значит, Церковь, открыв свои врата миру, утратила свою духовную силу. Это может быть присуще и демократическим, и тоталитарным режимам. Миродержец, как это ни парадоксально, не хочет гонений на Церковь, ибо Церковь только крепнет в гонениях. Поэтому самое желанное для него — компромисс с Церковью, он знает, что за компромисс с миром Господь поражает духовной немощью.

Но Церковь, которую воздвиг Господь на камне исповедания, неистребима. Она существует не только вне истории, она существует и вне географии. Она превышает конфессиональных разделений, наши перегородки, как сказал митрополит Филарет Московский о разделении католиков и православных, не достают до неба.

Мученики XX века, к какой бы из христианских Церквей они ни принадлежали, являются семенем Единой Соборной и Апостольской Церкви. Гонения на христианство в любой точке вселенной есть свидетельство истинности Церкви, свидетельство ее силы.

Церковь характеризуется не числом, она — малое стадо, не языком, на котором ведется богослужение, она есть Тело Христово.

В ветхозаветной Церкви форма стала поруганием смысла, явилась формальным поводом к убийству Бога. Но в ветхозаветной Церкви были Пророки, которых объявляли политическими преступниками и побивали камнями, были три отрока, отказавшиеся поклониться истукану, оставшиеся невредимыми в печи Вавилонской, Маккавеи, ревностью веры победившие невероятные мучения, и множество других свидетелей, исповедников и мучеников за веру. *Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и*

ущельям земли. *И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства* (Евр. 11, 38–40).

В ветхозаветную Церковь была введена Мать Божия, и там во святая святых она получила благую весть о том, что родит Спасителя мира. Туда она принесла своего Божественного Младенца, и там, в ветхозаветной Церкви, Его встретили Симеон Богоприимец и пророчица Анна. Значит, Бог, как сказал Апостол Павел, предусмотрел о нас нечто лучшее.

Он привел нас в нашу Церковь, странствующую по землям нашего земного отечества, политого кровью мучеников. Это — колодец, из которого пили наши отцы...

Но Иисус Христос сказал Самарянке, пришедшей к колодцу по воду: «Я дам тебе воду живую».

Ветхий Закон, по словам Апостола Павла, был «детоводителем ко Христу». Наша Церковь, куда мы пришли, стала для нас детоводителем, она поила нас из своего колодца.

Иисус сказал Самарянке: *Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.*

И женщина говорит ему: *дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды...* (Иоан. 4, 13–15).

ПРЕБЛАГОСЛОВЕННЫЙ ПОКОЙ

Для того чтобы жить, надо умереть.

Если зерно, пав в землю, не умрет, оно не воскреснет и не даст никакого плода (Иоан. 12, 24).

Авраам получил Исаака, потому что занес над ним нож. Тот, кто поклоняется истукану, сгорает в печи Вавилонской, разжигаемой жрецами истукана.

Лежа спиной к своей сокамернице, спиной к «глазку», я запрещаю себе думать о моем нежно любимом внуке Филиппе, потому что я замечаю, что огонь в печи становится жарче, как только я вспоминаю о тех, кого люблю. «Для того, кто омертвел сердцем для своих близких, мертв стал дьявол» (преп. Исаак Сириянин).

Значит, я должна разлюбить все? Еще один виток в безумие.

Бог есть любовь, любовь завещана мне как единственное и как неоспоримое условие спасения моей души, и я должна перестать любить? *Кто... не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей... а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником*, — сказал Христос (Лк. 14, 26).

Я никогда не могла объяснить, что значат эти слова. Их объяснить невозможно, их надо прожить. Христианству невозможно научить, это иное устройство ума и сердца. Это — иная жизнь. Тайны открываются только смиренным. И если мы не смиряемся, то Господь смиряет нас.

«Как вам нравится у нас?» — спрашивает меня один из лефортовских начальников. Кто-то из нас безумен... «Тюрьма», — отвечаю я. «Вы еще не видели тюрьмы», — возражают мне.

Они гордятся своим порядком, чистотой, жестким регламентом, — понимаю я. Здесь чисто, меняют регулярно постельное белье, водят регулярно в баню, по первой просьбе является фельдшер, еда вполне прилична для тюрьмы.

Я вспоминаю своего знакомого эстонского писателя. Его жена была постоянно занята стиркой, глажкой, уборкой. Она буквально вылизывала свое жилище.

«Фрейд, — говорил он мне, посмеиваясь, — Фрейд объясняет сугубую чистоплотность желанием человека спрятать свою внутреннюю нечистоту». Вымещение внутреннего во внешнее.

Фрейд повторил по-своему сказанное в Евангелии: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23, 27).

Форма не только может стать поруганием смысла, форма может обнажить внутренний смысл. Лицемерие как сущность фарисейства всегда придает особое значение форме.

«Как вам нравится у нас?» Мне очень нравится ваша тюрьма.

По-видимому, это лучшая тюрьма в мире...

Мы сидим в гостиной у священника. Хозяин дома молчит, не подымает глаз на гостей, казалось бы, он не видит ничего и не слышит ничего.

Разговор идет все о том же: сейчас не время плодов. В гостях у священника его близкий родственник, в церковных кругах родственника почитают за известного богослова и знатока церковной словесности.

Он негодует против тех, кто думает иначе, кто полагает, что подлинное христианство неподвластно никаким обстоятельствам, кроме евангельских.

Он негодует против тех, кто сидит в тюрьме. Кто незаконно подвизается — тот не увенчивается, — твердит богослов на все возражения. Это фраза из послания Апостола Павла к Тимофею (II Тим. 2, 5). Речь в ней идет о том, что воин Христов, христианин, не должен связывать себя делами житейскими.

Богослов негодует против тех, кто сидит в тюрьме за христианство. Он уверен, что они «незаконно подвизаются»...

Все так красиво, чинно, так богато в этой гостинной, все так благолепно, так и кажется, что сейчас нас спросят:

«Как вам нравится у нас?»

Но вот форма трещит по швам, еще немного, и окрашенный гроб обнажит свое содержимое.

Мой союзник, мне хочется назвать его бретонским крестьянином (когда-то Пастер позавидовал вере бретонской крестьянки), только что отсидел свою ссылку, свой второй срок. Он — не бретонец, он — украинец, двадцать лет назад его впервые посадили за веру. С тех пор он в скитаниях вместе с семьей, у него шестеро детей... «Мне снится тюрьма, — говорит он тихо. — Наверное, не миновать ее». Я говорю все то же: «Поберегите себя».

Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, — отвечает Господь Петру.

Бретонский крестьянин отвечает мне с кроткой улыбкой: «Ведь это блаженство». — «А дети? Дети?» — волнуясь я. «А то Господь не знает...»

Тюрьма — это блаженство, говорит он.

«Как вам нравится у нас?»

Я лежу спиной к моей сокамернице, спиной к «глазку». Я не знаю, откуда во мне возникает это незнакомое сочетание знакомых слов, но они все настойчивей звучат в моем уме.

«Как я хочу в Твой преблагословенный покой». Видно, ветер в печи был слишком стремительным и жарким, и вот однажды на рассвете я впервые услышала эти слова, когда мой

измученный ум, повторив бесчисленное число раз бессмыслицу и ложь, атаковующую мою душу на допросах, взмолился о покое...

Но что же такое преблагословенный покой? Начало? Исток пути? Предел пути? Царство Небесное? Но у Царства Божия нет предела. *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!* — взывает Господь. Приблизился преблагословенный покой Его. Он совсем близко — у моего сердца, у моего лица, он ближе воздуха, которым я дышу, им дышит мое сердце, он в моем сердце, вместившем глубины будущего века, и я жива еще потому, что мне дано время, чтобы войти туда...

Сними обувь, здесь земля святая. Здесь Господь. Здесь Его покой. Но войти туда можно с умом и сердцем, очищенным покаянием.

Мое путешествие начинается вновь. Каждый день — это отрезок пути. Я должна идти, я должна пройти этот путь. Лефортовские коридоры стали короче.

Меня судят за «Надежду», меня спасает «Надежда». Я читаю ее. Я учу наизусть ее тексты. Это голос Церкви. Маленькие желтые книжечки станут судебным делом. Они лягут в казенные тюремные папки. Предание Церкви. Земная жизнь Пресвятой Богородицы. Описание ее чудотворных икон. Жития Святых. Проповеди святых Отцов. Духовные наставления священников. Письма новомучеников своим духовным чадам, мои статьи о необходимости проповеди христианства в культуре.

Почти десять лет напряженной работы, десять лет Христианского чтения, изучения духовного наследия Православной Церкви. Живая вода, обещанная Христом. Ее хотят заточить в казенные папки.

Их кладут передо мной на стол. Это — мое «дело», пришла пора его закрывать.

Я с жадностью читаю «дело», это — встреча с Церковью, с «Надеждой», с теми, кого я давно не видела, передо мной протоколы их допросов.

Я прощаюсь с книгами «Надежды». Увижу ли я их когда-нибудь?

Мое сердце, моя память должны вместить то, что хотят заточить в тюремные папки. Господь снова дарует мне Надежду, чтоб через нее спасти меня.

Я возвращаюсь в камеру после каждого свидания с моим «делом». «Что с вами? Почему вы радуетесь?» — недоумевают мои соседки по камере, теперь их двое, вторую поместили к нам недавно, она рассказывает ужасы, которые ожидают меня. «Вы умрете в лагере», — говорит она чуть ли не десять раз на день.

Страх рождается в пустоте. У него нет природы, он возникает в безводной пустыне, жаждущей живой воды, обещанной Христом. Значит, в сердце, где Он хочет создать Себе обитель, не должно быть ни мгновения пустоты. Ибо, по Его слову, выметенная и чистая горница немедленно наполняется бесами, куда более свирепыми, чем те, которые только что были выметены оттуда. Ни одного мгновения безбожного бытия, ни одной минуты отдельного от Бога бытия...

Это невозможно заточить в тюремные папки, это невозможно забыть, это невозможно отнять. *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28), — говорит Господь Своим ученикам. И они проверяют эту истину жизнью. *Ибо я уверен, — говорит Апостол Павел, — что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38—39).

Ни одного мига пустоты, ибо страх рождается в безбожной пустоте. У него ведь нет природы.

Это — начало пути. Как я хочу войти в Твой преблагословенный покой!

Но — это долгий путь, знаю я, чем больше моя жажда, тем отчетливей я понимаю свое ничтожество, свое недостойнство, свою «несовместимость» с теми, кто вошел и войдет в этот преблагословенный покой. *Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моём, что они не войдут в покой Мой* (Евр. 3, 10—11).

Лефортовские коридоры стали еще короче. Остается последний день прощания с «Надеждой». А потом — суд. *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28), — повторяет мне Господь. *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Иоан. 16, 33), — повторяет мне Господь.

«Я боюсь больше Бога, чем прокурора», — говорю я следователю, пугающему меня прокурором. Мне все равно, что будет на суде, меня ждет другой Суд.

Это был лес из лиц, без глаз, без ушей. Это был лес без леса.

Это был зал суда, в котором не было ни одного лица, знакомого мне, кроме лица моей дочери.

Этот лес был частью смертного потока вещества, он был частью больного смертью вещества.

И потому я не знаю, чем я дышала в этом лесу два дня. Господь сказал Своим ученикам, что, когда их повлекут в суды за имя Его, Он будет с ними.

Лес был как лес. В него вошел (только на второй день) Ф.Светов, он вошел в него, словно его втокнули в ту самую клетку, о которой спрашивал его наш приятель: если ты христианин, то почему тебя до сих пор не сожрали львы?!

Он вошел в лес, полный чудищ, как входит в темень дитя, желающее вопреки темноте разглядеть окружающий его мир. Он вошел в этот лес, как слепой ребенок. Он увидел меня на скамье подсудимых и пошел ко мне. Но его остановили.

Это был лес без леса. И я вспомнила праздник Троицы. Храм, украшенный березами, лес, пришедший в храм, запахи леса, треск свечей, освещающих Божественные Лики...

Здравствуй, Господи, это Ты?

Почему они так боятся Тебя?

Как-то примерно за месяц до суда меня увели с прогулки к начальнику тюрьмы. Со мной некто хочет побеседовать, объяснил начальник. Мне все равно, кто это, и я спрашиваю его: «Социолог?» — «Ну да, социолог», — с готовностью подтверждает начальник.

Нам приносят кофе и сладости. Мой собеседник хочет угостить меня кофе. Но я не буду пить кофе и есть сладости. Я в тюрьме, меня привел на эту трапезу конвой.

«Социологу» неловко пить кофе одному, он почему-то волнуется, много курит. Разговор начинается с комплиментов. О, это известный «вежливый стиль» допросов, угроз, обещаний, лести и лжи...

Он начинает разговор с комплиментов «Надежде», затем объявляет, что он «православный язычник» (?!). Может быть, мне это покажется интересным?

Он долго и охотно говорит о Боге, спрашивает меня, какое из Посланий к Коринфянам святого Апостола Павла — первое или второе — мне больше нравится. Сразу видно «православного язычника». Он говорит о Священном Писании, будто о кинофильме: какая серия вам больше нравится?

Комизм ситуации не сразу обнажает идею этого визита. «Социолог» настойчиво повторяет о своем, мягко сказать, неодобрительном отношении к хозяевам тюрьмы, но я перебиваю его. «Как вам нравится у нас?» — вспоминаю я.

Я говорю, что здесь чисто, прилично кормят, дают таблетки, газеты и лечат зубы. Мне это нравится. Мне не нравится, что каждые пять минут на женщин смотрят офицеры, даже тогда, когда смотреть не следует. «Да, да», — «социолог» соглашается со мной. И опять комплименты в адрес моей статьи, вернее, ее отдельных мест.

«Социолог» бегаёт по кабинету и спрашивает меня: нет ли здесь записывающей аппаратуры? Я, естественно, не могу этого знать. Он объясняет, что попал сюда «по блату», пишет книгу о религии, что не имеет ничего общего с хозяевами тюрьмы.

Я помню юношеские годы моего сына. Он — артист. В институте, в котором он учился, от студентов первого курса требовали множество этюдов «на память физических действий», так они назывались. Он показывал мне их, и мы смеялись, придумывая все новые «физические действия».

Этюд, в котором участвуем я и «социолог», задуман как серьезное действие, но комизм ситуации взрывает несостоятельность его сценария. «Социолог» каждую минуту вспоминает черта, я предупреждаю его: «Будьте осторожны, только вы вспомните о нем, и он тут как тут». Но наконец-то кое-что проясняется — «социолог» хочет меня «включить» в политику, он говорит мне что-то о ЦРУ, об американском президенте, еще о чем-то подобном...

Но ни я, ни «Надежда» не имеем никакого отношения к политике*.

* О целях его визита долго догадываться не пришлось. Николай Николаевич, как назвал себя «социолог», попавший «по блату» в Лефортовскую тюрьму КГБ, был автором книги «ЦРУ против

Нам пора расставаться. Я с непривычки устала так долго участвовать в этюде, но «социолог» не хочет со мной расставаться. «Может быть, мне еще прийти к вам?» — спрашивает он напоследок.

Почему они так боятся Бога? Если они правы, мои обвинители, мои судьи, почему они так тщательно скрывают свою правоту?

Почему в зал суда не пускают моих близких, почему меня возят в суд тайно, подгоняя маленький «воронка» к открытым дверям черного хода, почему меня привозят в этот загородный суд и увозят так, чтобы никто не видел меня?

Признаюсь, что я не могу не смеяться над этим абсурдом, в котором поневоле должна участвовать. Сатана явно смеется над ними, побуждая скрывать их «правду». Сатана — создатель ложных мыслей, он и побуждает так бояться Бога, чтобы гнать за веру в Него и скрывать гонения.

Но я не хочу ненавидеть. Я хочу любить. Мы призваны не проклинать, а благословлять. Бог населил эту землю, это Его земля, и каждая частичка мира пронизана Его неистребимым Светом.

Он населил зал суда. Моя встреча с этими людьми угодна Ему. Каждый из тех, кто населяет этот лес без леса, собрание, образовавшее пустоту, желанен Богу. Он умер за каждого из них. Настанет час, — говорит Он Своим учени-

СССР» и других, подобных ей. Н.Н.Яковлев принадлежит к числу журналистов, которые призываются карательными органами для того, чтобы оправдать их действия через средства массовой информации. Н.Н.Яковлев специализируется на фальшивках и клевете в адрес не только «преступников», судимых за религиозную деятельность, он специализируется на подделках и клевете, пригодных для оправдания фабрикация дел «узников совести». Так, в этой книге Н.Н.Яковлев, к примеру, утверждает, что меня наняло проповедовать Христа... ЦРУ. Н.Н.Яковлев, по-видимому, даже не потрудился согласовать свою клевету со следователем, составлявшим «уголовное дело 'Надежды'», — в моем деле не упоминается ЦРУ. Между тем появление Яковлева в тюрьме было еще одной акцией гонителей «Надежды», цель которых была, как я писала, сломать мою душу и сжечь мою совесть. Посещал Н.Н.Яковлев в горьковской ссылке, надо думать, тоже «по благу», и академика А.Д.Сахарова, посещал после того, как в печати гнусно оклеветал жену Сахарова — Е.Г.Боннэр.

кам, — и вы будете поставлены пред судьями и пред правителями для свидетельства пред ними. Вы будете свидетельствовать для них. Для тех, кто не хочет вашего свидетельства, для тех, кто будет убивать вас за него. Но это нужно не только для вас, но и для них.

Распи Его, распи! — кричал народ.

Они не хотели, чтоб Он их спасал. Они не хотели воскресения, они не хотели Его любви, но жаждали Его жертвы, хотели, чтобы Его не было, потому что Он есть.

Сатана требует от людей убийства Бога, но Бог, умирая, воскресает и Своей смертью спасает Своих убийц.

Чем сильнее ненависть к свидетелям Христа, чем бессмысленней причина гонений, чем свирепей гонения, тем крепче и непоколебимей вера.

Чем пустыней лес из людей без лиц, тем горестней печаль о них, тем ближе к сердцу любовь Христова и тем желанней Его преблагословенный покой.

По-видимому, дорога к Его покою началась отсюда, из зала суда.

Я вышла из этого леса другой. Я не знаю, как это случилось, но уже в первый день суда, столкнувшись с собранием людей без лиц, услышав своих судей, я удивилась радости, наполнившей меня.

Мои судьи свидетельствовали своей ненавистью о Боге, свидетельствовали, что Он истинен. *Радуйтесь*, — вспомнила я сказанное нам Господом. «Радуйтесь! Господь победил мир», — сказала я в последнем слове себе, своим родным, своим судьям.

Пять тюрем, похожих друг на друга, пять тюрем, отличающихся друг от друга. Наверное, их имел в виду один из лефортовских начальников, когда сказал мне: «Вы еще не видели тюрьмы».

Всего шесть тюрем, не так уж много, всего лишь три месяца этапа, пять пересылок — пять тюрем. Две последние из них размещены в зданиях, некогда принадлежавших женским монастырям. Кельи стали камерами.

Дьявол однообразен. Ад страшен дьявольским однообразием, монотонностью безнадежности, ад — безличное бытие, серое ничто, безбожное существование.

Каждая тюрьма включает в себя все человечество, капля воды есть частица потока, в ней вмещается все, что вмещает поток.

Все тюрьмы похожи адской монотонностью безобразия безбожного бытия.

Все преступления похожи, сатана сначала учит ненавидеть Бога, отрицая Его, следующий шаг после убийства Бога в себе человек делает, убивая себя грехом, преступлением, жадностью. Сатана завершает дело убийства души, и человек превращается в биологический организм.

Человек сам выбирает это. И забывает Слово. Отныне он не может «понести язык» и говорит бранью, языком, изуродованным сатанинской ненавистью к Богу, к миру, к себе подобным. Вместо слов он извергает брань, выражая свои состояния однообразным монотонным сквернословием. Так вот что такое часто встречающееся в Священном Писании определение «бессловесный». *Они уподобились скотам бессловесным*, — говорит Апостол.

Бессловесность, бессмысленность скотоподобного звериного ума. Образ Божий, дарованный человеку, его внутренний мир, его владычественный ум, хранилище смыслов, храм Слова — все тонет, поглощается безбожной пустотой. Человек теряет словесность, вместо этого он извергает нечто, похожее на собачий лай или мычание негодующих коров. Борьба против Истины сооружает ад на земле, превращает мир в тюрьму.

Все тюрьмы похожи пустынным безлюдьем. В такой же пустыне, в больнице, похожей на тюрьму своим безлюдьем, умирала моя мама...

Я дышу как рыба, выброшенная на пылающую адским пламенем пустынную землю. Бесстыдство преступления, казалось бы, выжгло все живое на этой земле. Но это теперь мой мир, мое человечество, и я — частица его. Моя свобода привела меня к ним, к этим людям, моя свобода бросает меня из тюрьмы в тюрьму, с этапа на этап.

Я должна пройти этот этап, и мне надо добраться до Твоего покоя, Господи!

Сорок лет шел Израиль через пустыню. Сорок лет — это не число, не срок, это — отрезок пути к Вечности, это — символ человеческой жизни.

Это путь из рабства в землю покоя, в обещанную Господом землю, которая вернет дошедшим до нее утерянный рай.

Сорок лет — поток смертного вещества, поглотивший тех, кто не дошел, кто сложил свои кости в пустыне, не найдя в себе силы «понести свою свободу», пронести ее через пустыню, через мир, через тюрьму.

Это — путь человечества, его должен пройти каждый человек на земле, чтоб дойти до земли обетованной, до Царства, до преблагословенного покоя. Пройти через серое ничто, через тюрьму, через ад.

Как я хочу в Твой преблагословенный покой! — твержу я, влачась по тюремным коридорам, валяясь на нарах и под нарами на пересылках, в душных камерах зэквагонов.

В дымных, накуренных камерах ни днем, ни ночью нет покоя. Днем грохочет радио, перекрывая сквернословие, ночью песни у «решки» (зарешеченного окна), перебранка с «дубачками» (так называют надзирательниц), не позволяющими «гонять коней» — переписываться с заключенными мужчинами из соседних камер.

«Слушай, тюрьма!» — это позывные, с этого начинаются монологи и диалоги у «решки».

Слушай, тюрьма!

К этому нельзя привыкнуть, это можно только преодолеть силой Господа.

Нужно выйти из этого «порядка бытия», — приходит мне на память мысль, посетившая меня еще в первые лефортовские недели.

Нужно выйти из этого «масштаба», повторяю я себе, стараясь «вместить» свой ум, свою душу в эту спасительную формулу... Что это значит?

Я должна увидеть, прозреть, наконец, должна выйти в истинный мир, прорваться сквозь кору, сквозь нереальность сатанинских искажений, войти в естественный мир, вернуться в тот мир, который сотворен Богом и исцеляется Его воскресением, верой в Его воскресение.

Этот скверный балаган нереален, в нем может участвовать лишь малая часть человеческого существа, оболочка, его плоть, его земля, его прах.

Но «внутренний человек», соединившийся верою с Богом, не подвластен никаким сатанинским навыкам, ему

только больно от вонзающихся стрел, душно в черной копоти, в жаркой пустыне безлюдья, он страдает от бессловесности, от жажды.

Но вот сквозь весь этот чад, черную копоть пробивается Свет.

Откуда Он? Где Он до сих пор скрывал Себя?

Ни одного мгновения пустоты в безлюдной пустоте! Вернуться в естественный мир во что бы то ни стало! Вернуться к естеству, прикоснувшись к Свету. *Как возжеленны жилища Твои, Господи си!* (Пс. 83, 2).

Как только возникает Свет, пронзая эту дымную завесу вещества, сжигая ее дотла, освобождая Свой естественный мир из плена, все обретает смысл. Серое ничто преобразуется. Эти люди жаждут Бога, они жаждут исцеления, они забудут все, как только захотят войти в Твой преблагословенный покой!

Мир должен быть исцелен, Бог будет терпеть этот мир, эту землю, трепещущую песчинкой в Его руках, до тех пор, пока христиане не перестанут исполнять завещанное Им дело исцеления мира. Начатое Богом исцеление и порученное Богом Своим ученикам.

В черном туннеле, выжженном грехом, преступлением, убийством, ложью, в тюремном туннеле постоянно горит электрический свет.

Он обнажает бессилие зла, безволие ада, равнодушие к смерти, жадность к жизни. Это — человечество, текущее сквозь черный туннель.

Кому же из тех, кто вовлечен чуждой силой сюда, удастся осознать в себе сокрытый Свет, для кого из них сквозь трещины в туннельной коре откроется Истина, Ее неистребимый, всепроникающий и всепобеждающий Свет?

Для того, кто возжаждет этого и выйдет обновленным из огня покаяния.

Каждый день — отрезок пути к Вечности. Туннель должен иметь конец.

Мир, созданный Богом, прекрасен, черный туннель, через который тащит меня чуждая сила, не может убить во мне это знание. Оно еще не прочно, оно то исчезает, то возникает. Это знание — начало любви, я хватаюсь за него слабыми руками, плачущим сердцем, я прикипаю к нему жаждущим обновления умом. Моя надежда помогает мне.

И сказал Сидящий на престоле: *се, творю все новое* (Отк. 21, 5).

Я жду обновления здесь, в черном туннеле, я снова и снова начинаю свою дорогу к Твоему преблагословенному покою, Господи.

Здесь, на этом безнадежном пути, мне светит моя надежда. Церковь, ушедшая в пустыню.

Последний раз вижу кресты храма сквозь трещину в крыше «воронка», везущего меня снова в тюрьму после суда (1 апреля 1983 года), приговорившего меня к шести годам лишения свободы. Кончится год тюрьмы, и меня повезут по этапам в ссылку.

Я вижу сквозь трещину в крыше «воронка» кресты храма.

Это церковь святых Апостолов Петра и Павла, она стоит недалеко от Лефортовской тюрьмы. Я слышала в камере иногда ее благовест, теперь она склонила надо мной свои кресты, благословляя меня. Отныне я буду видеть храмы только на открытках и фотографиях. Меня лишили свободы ходить в храм.

Меня решили лишить Церкви. Но это отнять невозможно, Церковь мы носим в себе.

Первыми изгнанниками были Адам и Ева. С тех пор изгнание стало карой. Родина — иллюзия Едема. Но *наше же жительство — на небесах* (Фил. 3, 20), *ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего* (Евр. 13, 14).

Моя надежда говорит мне: отдай земле ее долг, и тогда ты победишь земное тяготение. Служение миру — есть распятие мира в себе, — говорит нам Церковь, ушедшая в пустыню.

Как только я даю обещание земле вернуть без сожаления данное ею мне взаймы: *земля ты и в землю уйдешь* (Быт. 3, 19), — земное тяготение ослабевает. Мое естество, мой «внутренний человек», освобождаясь от этого притяжения, становится способным пребывать в естественном мире, и один миг этого пребывания дает несказанную силу и радость. Оказывается, у человека есть неисчерпаемые возможности к обновлению ума и к новой жизни его, но для того, чтобы эти возможности реализовались, нужно очистить «мысленный воздух»...

Исцеление ума и исцеление мира начинаются с очищения ума, с его обновления покаянием. Он должен уйти от лжи,

греха, преступления, от навыков, навязанных себялюбием, любовью к веществу, от мыслей, прикованных к вещественным началам, освободиться от притяжения земли.

Черный туннель — странствование в абсурде, этюд с «социологом», буффонада суда, лес без леса.

Это — поток тленного вещества, жизнь во времени, которое ежесекундно убивает себя самого по воле Бога, даровавшего времени эту благую способность. Оно уносит себя и меня. Но я должна, я могу выйти из этого потока.

Значит, побег в тюрьму, побег в пустыню необходим? Время пронесит через туннель меня, мой мир, мою землю, данную мне взаймы. Но туннель имеет конец.

Он имеет конец, как и этот конечный нереальный, неистинный мир, навязанный миродержцем моему уму. Он втиснул мой ум в черную бездну лжи и греха, чтобы в замкнутом нереальном пространстве мой ум задохнулся, обессилел и не смог познать мир, созданный Богом.

Бог разрешил это миродержцу для того, чтобы я сделала свой выбор свободно. «Противящийся же бедам, — по словам преп. Максима Исповедника, — не знает ни того, какой торг идет у нас здесь, на земле, ни того, с какой прибылью отойдет он отсюда».

Борьба, которую ведет Господь за каждую душу, скрыта от нас. *И сколь ужасно было это видение, что и Моисей сказал «я в страхе и трепете», — приоткрывает эту тайну борьбы Апостол Павел и продолжает: — Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева. Смотрите, не отвернитесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвертимся от Глаголющего с небес... Итак, мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которую будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом* (Евр. 12, 21–28).

Мы приемлем царство непоколебимое с благоговением и страхом, приемлем в Церкви, ушедшей в пустыню из мира. В Церкви, избравшей путь исцеления мира жертвой.

Она знает своим соборным разумом, опытом своих святых, что, только уйдя из мира, она может обрести силу для его исцеления. Для этого она и должна пройти через черный туннель мира в пустыню, сокрытую в мире. Сокрытую от мира сего, искаженного миродержцем.

Она проходит этот путь, чтобы вернуть мое сердце и ум к их естеству, чтоб вернуть миру его собственную, созданную Богом Красоту.

Чтобы вернуть любовь, побеждающую страх.

Церковь ответственна за сотворенный мир, и каждый из нас, кто приемлет царство непоколебимое, кто именует себя христианином, ответствен за жизнь и смерть мира, в котором накоплен огонь для его уничтожения.

Слушай, тюрьма! — кричу я у «решки». — Христос воскрес!

Он расторгает крестные узы.

Он победил мир.

Он победил смерть.

Август 1982 — апрель 1985

Москва — Усть-Кан

ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ

Моя дорогая детка, мой добрый ангел, недавно я снова побывала в Усть-Кане. Проездом.

Мы возвращались со Световым из Горно-Алтайска, куда нас пригласили для разговора. К областному прокурору.

Мы могли выйти на свободу, вернуться домой, к своим детям и внукам. Нам предложили в обмен на свободу дать заверение в том, что мы не будем нарушать закон. А значит, косвенно признать, что мы его нарушили, исповедуя свою веру, и, значит, признать правыми тех, кто стоял «на страже закона» и попирает его, попирая и убивая себя и свою совесть.

Усть-канская земля в оковах гор, скрывающих горизонт, была особенно пустынна в ту ночь. Казалось, тьма и пыль поглотили все, что окружено горами. Казалось, место это безлюдно и человечеству больше не нужен Усть-Кан. Мы вышли на темную площадь и отправились в милицию отметить наши маршрутные листы. Милиция была рядом. Дежурный смотрел телевизор. Он узнал нас.

Усть-канская пустыня пахла ссылкой, надзором, одиночеством, необходимым, желанным одиночеством. Мы забыли, что впервые встретились после моих тюрем здесь же, в усть-канской милиции.

Тогда Усть-Кан был залит солнцем и запахом ссылки, надзора, одиночества был поглощен радостью встречи, надеждой на свободу. Тогда мы еще не были уверены в том, что Светова ждет та же самая печь, тот же самый ад, чтоб, пройдя через него, оказаться через год ночью в Усть-Кане, возвращаясь оттуда, где можно отдать душу в обмен на свободу.

Мы так устали за двенадцать часов дороги! Восемь часов — перевалы, спуски, подъемы, и четыре часа перед тем — ожидание автобуса в милицейской машине под непрерывным снегопадом. Мы так смертельно устали, что были счастливы, получив возможность укрыться одеялами и уснуть. Мы хотели поскорее забыть о том торге, в котором не захотели участвовать.

Мы отказались от него не потому, что не могли простить жестокости расправы над нами, ни в чем не повинными перед законом. Не потому, что не могли простить бессмыслицы зла и лжи. Мы знали, что без воли Божией никто не мог бы причинить нам зла. И потому, вспоминая о слезах детей, арестах, обысках, о бесчеловечности сатанинских обманов и сатанинской бессмыслице завуалированных мучений, мы старались принять их как благо Бога.

Светова приговорили к ссылке из «гуманных соображений», как было сказано в приговоре. Однако после «гуманного приговора» его, пожилого больного человека, протащили по семи пересыльным тюрьмам, намеренно повезли в противоположную сторону, чтобы помучить на этапах, затем в наручниках привезли в последнюю тюрьму и держали там в следовательской камере, чтоб вырвать у него отречение.

«Мамочка, смотри, как нас любит Бог, — писала мне в ссылку наша дочь из роддома, — сегодня арестовали папу, и сегодня же родился Тимофей...»

Через месяц после суда над Световым сожгли его архив, письма покойной матери, письма покойной жены 40-летней давности, письма покойных и ныне здравствующих писателей, книги, рукописи, черновики.

Сожгли ли? Из прокуратуры сообщили, что все уничтожено.

«Зачем?» — спросишь ты, мой ангел. «И это угодно Богу?» — может спросить каждый.

Дальше начинается все другое.

«Мир другой» — с этой мысли, столь невинной, с этого, ничего не значащего, казалось бы, намека на какое-то, до сих пор неведомое мне знание началось мое возвращение к жизни в аду Лефортовской тюрьмы.

Оказалось, что для того, чтобы вернуться в Божий, реальный мир, в реальность сотворенного бытия, нужно было пройти через земной ад.

Тот мир, из которого вырвал меня Господь, был сотворен не Им, а сознанием и стараниями того, кто ненавидит Бога. Он был навязан мне, этот мир, и я должна была приспособить к нему себя, свой ум, свое сердце и даже свою веру. Этот навязанный мне мир всю жизнь пугал меня страхом гибели. Он был размещен во времени, и каждая мельчайшая частица этого времени была изначально поражена тлением.

Конечно же, в нем не было и нет Бога, потому что этого мира нет. Его не существует. Это — роковая болезнь безбожного сознания, болезнь человечества, ставшая в наше время эпидемией тотального масштаба.

Никто не знает в точности истинных причин этой эпидемии. Самая распространенная и присущая всем эпохам трактовка ее причины — свобода. К моему сознанию приражается, как говорят св. Отцы, навязанная ложь. Сознание заражается чуждой мыслью, мысль, однако же, становится моей. Или не становится моей.

И здесь действует свобода, избирающая воля. Мысль, естественно, ведет к делу.

Кто же порождает эту мысль, эту ложь?

«С того времени, — говорит св. Симеон Богослов, — как дьявол устроил для человека, посредством преслушания, изгнание из рая и отлучение от Бога, он с бесами своими получил свободу мысленно колебать словесность каждого человека, одного больше, другого меньше...»

Ложь связана с человекоубийством, она порождается дьяволом именно для этой цели. *Ваш отец дьявол*, — говорит

Господь тем, кто не понимает Его, тем, кто не может слышать Его, — *и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Иоан. 8, 44).

Обрати внимание, что Господь говорит: *хотите исполнять*. Хотите слушать дьявола и потому *не понимаете речи Моей*, и потому *не можете слышать слова Моего* (Иоан. 8, 43). Значит, когда я слушаю ложь, я не могу слышать Истину. Моя словесность, т.е. моя мысленная и сердечная область, мои смыслы поражены, искажены, больны. Дьявол знает об этой «несовместимости» Истины и лжи, и ему дана свобода искушать ложью, «колебать» мою словесность, он — творец ложных мыслей, по слову одного духовного писателя. Господь говорит: *когда говорит он ложь, говорит свое*. Эта «энергия лжи» передается всем без исключения. И я принимаю эту «энергию лжи», эту чужую мысль, я принимаю ее свободно, сознательно.

Это — духовная проблема. Это проблема совести и свободы. Принять ложь за правду легко, но столь же легко вскоре разубедиться в том, что ложь есть ложь. Сознательно и свободно принимая ложь, я добровольно становлюсь жертвой эпидемии. Отныне я столь же свободно могу распространять эту мысль, делиться ею с людьми, утверждая ее, бороться за нее, считая все, что противоречит усвоенной мне мысли, ложью. Я стала одной из тех, кому Господь сказал: *...не понимаете речи Моей, ...не можете слышать слова Моего*. Уже не только не хотите, но и не можете.

Эпидемия почти тотальна, и мне это помогает, все больны, и ничего не поделаешь. Все должны умереть, и я ничуть не лучше прочих. Все поклоняются одним и тем же идолам, вещественным ли, словесным ли, и мне придется отдать им должное.

И все же у моей свободы, избравшей возможность тотального шествия к смерти, к небытию, остается до конца моей жизни еще одна возможность: отказаться от смерти. «Это безумие! — кричат мне все. — Ты ничуть не лучше нас!»

Человека можно заковать в кандалы, прибить к кресту, нещадно мучить, но его нельзя заставить мыслить, верить, хотеть, любить, если он этого не хочет. Есть такой термин

«внести сознание», видимо, он сочинен по аналогии с возможностью «внести вирус, микроб». Но если человеку можно привить телесную болезнь — грипп или проказу, ему невозможно насильственно привить сознание. Он должен захотеть стать больным. Он должен захотеть или смерти или воскресения, ада или рая.

Душа человека знает, что можно преодолеть смерть, но далеко не каждый человек хочет преодолеть смерть, далеко не каждый захочет воспользоваться своими возможностями. Потому что для преодоления смерти надо совершить побег из «державы смерти», из мира, которого нет и который навязан моему уму, чтоб пугать меня неизбежностью гибели.

Державой смерти называет св. Апостол Павел в Послании к Евреям несуществующий, нереальный мир. Он называет его пленом, рабством у смерти, у *имеющего державу смерти*, т.е. у дьявола (2, 14–15).

Чем же держит в рабстве, в плену тот, кто правит державой смерти?

У князя мира сего, у дьявола, нет, как мы знаем, ни пушек, ни бомб, ни автоматов.

Он держит мыслью. Мыслью, заражающей сознание ложью и страхом смерти, ужасом плоти и крови. Мысль, внушенная дьяволом и породившая смерть, ничуть не уступает по силе страху перед дулами заряженных пушек и автоматов.

Человек причастен плоти и крови, и страх за плоть и кровь ввергает его в плен к тому, кто царствует в державе смерти. Поэтому Господь принимает плоть и кровь и претерпевает распятие, *дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству* (Евр. 2, 14–15). Так открывает св. Апостол Павел смысл Воплощения.

Бог является в сотворенный Им мир из плоти и крови, чтобы вывести тех, кто этого захочет, из нереального мира, созданного мыслью лжеца, из мира, в котором воцарилась тотальная смерть. Он постоянно является и после своего Воскресения и Вознесения, является во славе Своей тем, кто верует в Него и постоянно жаждет единения с Ним.

К тому времени, когда я поняла, что мир другой и что я не должна больше задерживаться в державе смерти ни на минуту, Бог показал мне в той степени, в какой я могла это

воспринять, власть и бессилие державы смерти. Оказалось, что власть ее держится, по сути дела, ни на чем. На моем согласии признать ее властью. Я не могла тогда еще это осмыслить. Но я уже могла увидеть, что вся сила, вся громада, вся мощь окружающего меня ада держится только на одном: на моем согласии принять ложь за правду. Я должна была тогда понять, что вся мощь этого ада сооружалась ложью только затем, чтобы ложь победила правду. Чтобы одна мысль победила другую, потому что мысль нельзя победить мощью сооруженного ада, а только другой мыслью, если я захочу ее добровольно принять. Познание этой простоты требовало покоя мысли и сердца, но покой ежеминутно взрывался. Моя душа не умела входить в покой, потому что ее главной работой была подготовка к побегу. Но до побега было еще далеко. Работа шла исподволь, и сознание словно бы не успевало за душой. Тогда Бог и начал открывать моему уму сущность происходящего. По-видимому, те, кому было поручено сокрушить мою жизнь, не могли сыскать никаких оригинальных способов доказательства своей мысли. Скорей всего, этих способов вообще не было и нет, потому что мысль, воспринятая ими от *имеющего державу смерти*, была проста, как просты угрозы и намерения, целью которых было пробудить страх гибели. Во всяком случае, мысль моего обвинителя всегда была однообразна и монотонна, он не искал доказательств своей правоты, он хотел одного: чтоб я объявила правду ложью. Эта целеустремленность к тому, что впоследствии было определено мной для самой себя как «антилогика», эта всепоглощающая жажда лжи и ненависти к Богу были, конечно же, прямым доказательством бытия Божия. *И бесы веруют и трепещут*, — свидетельствует св. Апостол Иаков. Так оно было, так оно и есть. Бог показал мне свою правду, поставив лицом к лицу с ложью.

Бытие Бога подтверждалось жаждой победить Бога, победить Истину ложью. Для этого и была сооружена вся громада, вся власть и мощь окружавшего меня ада.

Если Бога не было, зачем нужно было бы Его опровергать?! Разве опровергают то, чего нет? Разве нужно свидетельствующих о своей вере в Бога сажать в темницы, предварительно оклеветав их, если Бога нет?! Кому может нанести вред тот, кого нет? Но несуществующий мир, держава смерти неизбежно влечет тех, кто добровольно жительствоует в ней, к небытию.

К небытию всех. И тех, кто хочет жить в этом нереальном мире, и тех, кто задумал побег. Их надо во что бы то ни стало «вобрать», втянуть в этот вакуум... А если они захотят все же совершить этот побег, надо гнаться за ними по пятам, чтобы не упустить ни одного.

Вспомни, мой ангел, эту постоянно повторяющуюся ситуацию из библейской книги «Исход», открывающую главенствующие смыслы человеческой жизни.

Бог хочет вывести Свой народ, человечество, каждую душу из рабства, из нереального мира, избавив от господства того, кто поставлен властвовать над народом Божиим. «Кем поставлен? — наверное, спросишь ты. — Богом или тем, кто имеет державу смерти?!» Богом, думаю я, ибо и бесы не могут, как мы знаем из Евангелия, войти даже в свиней без Божьего повеления. Бог хочет, чтоб маленький, ничтожный человек, «обложенный плотью» (я — червь, говорит о себе прославленный своей кротостью Псалмопевец), смог противостоять громаде Фараона, мощи его войск и грохоту его колесниц. Он должен совершить побег. Ему пришла пора покинуть державу смерти.

Каждая минута жизни в этом веке дана для побега из рабства. С тех пор, как Адам по своей воле уступил сатане, поверив его лжи, человечество — весь Адам — и каждый человек облекся во тьму, — пишет преп. Макарий Великий. «Враги обманом восхитили славу человека и облекли его стыдом. Похищен свет его, и обличен он во тьму. Убили душу его, рассыпали и разделили помыслы его, совлекли ум его с высоты, и человек-Израиль стал рабом истинного Фараона, и он поставил над человеком приставников дел и досмотрщиков — лукавых духов, которые понуждают человека волею и неволею делать лукавые дела его, составлять брение и плинфы. Удалившие человека от небесного образа мыслей, низвели его к делам лукавым — вещественным, земным, бранным, к словам, помышлениям и рассуждениям суетным; потому что душа, ниспав с высоты своей, встретила человеконенавистное царство и жестоких князей, которые понуждают ее созидать им греховные грады порока» («Добролюбие», т. I, с. 161).

Однако уйти от Фараона не так-то легко. Речь идет не о тайном побеге. Фараон должен отпустить Божий народ,

человека, человечество для служения Богу. Бог хочет, чтобы намерение совершить побег стало известно всем.

Фараону нужен народ Божий, он строит Фараону «грады порока». К тому же Фараон не хочет уступать ни в чем, не хочет он уступить и главное: власть над душами и мыслями.

Фараон всегда один и тот же. У него разные имена, он облачен в различные доспехи, т.е. в различные формы, зависящие от исторических, социальных, национальных и прочих временных сюжетов. Фараон — это сущность, но не форма. Сущность богоборческая и богохульная. Человек, позволивший мысленным силам создать в себе сущность Фараона, всегда ненавидит Бога и Его народ и всегда стремится властвовать над душами. Бог постоянно ожесточает сердце Фараона, чтоб более жгучей стала жажда покинуть его державу для тех, кто хочет войти в реальный мир, сотворенный Богом.

Бог ожесточает сердце Фараона, чтобы более жгучими становились скорби. Мир тотально поработен князем мира сего. Поработен им и сам Фараон, воспринявший от князя мира сего мысль о необходимости властвовать над народом Божиим. Бог ожесточает сердце Фараона, чтобы явить славу Свою, заставив Фараона уступить велению Бога. Он ожесточает сердце Фараона, потому что Фараон осужден. Ненависть гонителей есть свидетельство их обреченности. Ожесточение сердца — наказание Господне. Фараон осужден, и Бог не дает ему проявить милосердие.

Поэтому Фараон, вынужденный Богом отпустить народ, решает оставить себе детей, чтобы властвовать над их душами и мыслями и чтоб дети сооружали для него «греховные грады порока». Но Бог не позволяет и этого Фараону. Тогда он хочет забрать имущество, но и это ему не удастся. *Господня земля и что наполняет ее...*

Фараон не отпускает по своей воле ни одного, не отпускает самого никчемного, не приносящего никакой пользы державе Фараона, а когда Бог принуждает его отпустить, гонится по пятам, надеясь, что кто-то вернется назад.

Бог ждет. Он идет впереди. Он указывает путь. А Фараон наступает на пятки.

Наконец Бог предаёт Фараона заслуженной участи. На его место восседет другой...

Мы должны с тобой помнить, что Фараон свободен так же, как и мы, избирающие жизнь или смерть. Бог не нарушает свободы Фараона ни тогда, когда Фараон не хочет отпустить народ, ни тогда, когда, отпустив его, гонится за ним по пятам...

Зачем я вспоминаю все это? — наверное, спросишь ты.

Я должна выйти из этой болезни. Это тяжкая форма отравления. Отравления ложью. Исцелиться от этого сложно, порой кажется, что это невозможно. Эпидемия почти тотальна...

Ведь мало совершить побег, надо изменить сознание. Сорок лет водил Господь свой народ по пустыням, чтоб человек, совершивший побег, смог научиться жить в реальном мире. Многие так и не смогли. Они хотели вернуться к Фараону, в Египет, в рабство. Им легче было жить в державе смерти. И потому Господь сказал: *они не войдут в Мой покой*. Не войдут за неверие, — уточнил св. Апостол Павел.

Нам надо туда с тобой войти. Во что бы то ни стало. Пройдя через Чермное море, несмотря на погоню, блуждая по пустыням в поисках «обительного града», проехав через Усть-Кан и пройдя сквозь печи, в которых сжигают книги, зовущие к Свету...

Мы должны пройти сквозь эту тьму египетскую, как проходит свет, никого не проклиная, не уставая ждать посещения Божественной Любви, чтоб удержать Ее в себе и отдать другим.

Я буду надеяться на то, что ты поймешь меня. Я буду надеяться на нашу встречу. Я буду верить в то, что Бог твои печали преложит в радость. Я прошу твоих молитв. Храни тебя Христос.

Зоя

*Усть-Кокса,
2 марта 1987 г.*

*
* *
*

Здравствуй, моя радость! У нас неожиданно выпал снег. Весна остановилась. Мы привыкли к таким перепадам. В этом есть свой смысл.

Перемены внешние и внутренние всегда воспринимаются нами как тяготы, но без них нет движения к завершению.

Этот мир завершается. Завершается со времен апостольских. Уже через несколько лет после смерти Спасителя, даровавшего возможность победить смерть, Апостолы свидетельствуют о близком конце мира. Они пишут о Церкви: *образ мира сего переходит* (I Кор. 7, 31); *впрочем, близок всему конец* (I Пет. 4, 7) и т.п. Века, прошедшие с тех пор, — мгновения. Ученики Христовы мыслят во времени, преодолевая время. Сколько веков Он оставил человечеству до завершения этого мира?

Движение к концу — всего лишь цепь перемен. Конец должен иметь начало. Начало созревает в цепи перемен. Оно вызревает в душах тех, кто принял и осознал сокрытое в этом веке начало будущего века.

Ты засыпала меня вопросами. Я рада. Но смогу ли я ответить на них? Вряд ли. Ты получишь на них ответ непременно, если ответ будет тебе необходим. Независимо от того, смогу ли я ответить тебе.

Думая над твоими вопрошаниями, я вспомнила, как на усть-канской площади капитан милиции спросил меня: «Как это с вами случилось?»

Этот разговор произошел через несколько месяцев после того, как меня привезли в Усть-Кан. По-видимому, Усть-Кан уже привык ко мне и к моему одиночеству. И хотя люди, живущие в суровых условиях усть-канской пустыни, куда менее общительны, чем горожане, они все же иногда заговаривали со мной. Чаще всего их побуждало к тому любопытство. Вот и капитан милиции смотрел на меня с нескрываемым любопытством: «Вы православная? Не может быть!»

В Усть-Кане давно уже нет храма. Иначе меня бы не привезли сюда.

«Зачем эта дорога, если она не ведет к храму?» — так кончается фильм «Покаяние», который я недавно увидела. В фильме не было ответа на этот вопрос, но в самом вопросе уже таился ответ на него. «Как это с вами случилось?» — спросил капитан. «Как это с вами случилось?» — спросил конвоир на этапе. «Как это с вами случилось?» — спрашивали меня в камерах и на этапах. Охранники и заключенные. Разве сейчас еще веруют в Бога?

«Миром правит не Бог, а сатана», — сказал мне в «воронке» парень, которого вместе с другими везли в лагерь строгого режима.

Я задохнулась. Я не знала, что ему сказать. Вести богословский спор в «воронке» не было возможности. Да и что могут дать богословские трактовки этому парню? «Мы — бандиты, мамаша», — сказал мне парень. У него не было никакого любопытства ко мне. И никакой хитрости. Он не поверил мне, он говорил со мной почти так же, как следователь на первых допросах.

«Как же это с вами случилось?», «Любопытно!», «Бога — нет», «Миром правит сатана», «За веру не сажают, у нас попы разрешены», «Молились бы себе тихонько, и никто бы вас не посадил» и т.д. и т.п.

Это любопытство свидетельствовало об исчезновении и христианства.

Об исчезновении христианства свидетельствовали газеты, журналы, кино, телевизор. А об исчезнувшем христианстве свидетельствовала культура. Но более всего об этом свидетельствовали мы сами, те, кто считал себя христианами. Свидетельствовали тем, что не замечали исчезновения того, что исчезнуть не может.

Сразу объясню тебе, что это мое личное переживание. Оно отнюдь не универсально и может быть только личным ощущением, я его нашла в себе. Когда я обрела начатки веры, я думала иначе, я была убеждена, что начинается расцвет христианства, что вот-вот вся Россия и вслед за ней весь мир придут ко Христу. Моя душа жаждала этого расцвета, и я считала, что эта жажда присуща всему человеческому роду. Я писала, говорила, гневалась на тех, кто не понимал моей жажды, кто сомневался в том, что возможен этот желанный расцвет...

Я не слушала возражений. Христианство не могло исчезнуть, оно могло только процвести. В моих упованиях я возлагала особую надежду на культуру, она должна была наконец сбросить с себя лживые одежды, напыленные для прельщения ее красотами, она должна наконец отказаться от лукавства, от двоедушия, от обслуживания человека, ищущего в ней расцвета ума и наслаждений для чувств, подобных наслаждениям острыми яствами и тающими во рту пирожными.

Я потратила на эти споры с культурой и ее горячими защитниками немало сил. Я заблуждалась в своих упованиях. Культура пережила саму себя, она бессильна не потому, что не хочет вернуться к своим истокам, к культу, к утверждению подлинных начал и смыслов жизни. Она бессильна потому, что не может вернуться. Она утратила язык. Утратила Слово. И создала подмены — свой язык.

Об исчезнувшем языке свидетельствует только тоска по смыслам бытия, тоска по тайне, по смыслам вещей, чувств, явлений... Тоска по Слово так сокрыта, так упрятана, так засимволизована, что ее не поймешь, она словно бы мост куда-то, куда нет входа... Куда же? К исчезнувшему христианству, обещавшему Вечность? К мечте о нем? К надежде? Но разве сама тоска по смыслам не есть указание на то, что смыслы исчезли? Разве можно на языке, заменившем смыслы, говорить о смыслах?

Как это с вами случилось? Как случилось, что, напившись тоской по вечным смыслам, человек пошел по тонким, хрупким мосткам, вот-вот готовым треснуть под его ногами, по ним можно было пройти только один раз, не оглядываясь. Христианство исчезло, но не исчез Христос. Вот так это и случилось. Пойди объясни капитану милиции, что это значит...

Можно подумать, что исчезновение христианства связано с историческими или политическими сюжетами. Бога объявили вне закона, а веру в Него пережитком сначала одного, потом другого, третьего и т.д. Для того чтобы «пережиток» не доставлял особых хлопот, составили реестр того, что ему позволялось иметь. Вера в Бога заменилась «верой в ничто». Верой в сны, в опасность черных кошек, перебегающих дорогу, в приметы, гадания, суеверия, верчение блюдца. Человеку любым способом нужно насытить жажду тайны. Мифы позволялись, сказки остались, крашенные яйца даже поощрялись, устные рассказы о чудесах высмеивались.

«Как это с вами случилось?» — спросил следователь на первом допросе. Может быть, он поставил перед собой задачу разгадать загадку. Он был уверен, что разгадать ее ничего не стоит. Он перечислил заготовленные причины. Неутоленное честолюбие? Корысть? Личное и общественное поражение? «Дела» не было, и разгадка могла быть выигрышем.

Христианство исчезло. В том виде, в каком оно обнаруживало себя, исполнение заповедей Христа оказывалось необязательным, все заботы адептов советского христианства сводились к тому, чтобы скрыть Христову Истину и избежать креста. И заповеди становились анахронизмом. Поэтому вопросы были законны. В регламенте и реестре исчезнувшего христианства не было таких пунктов, как возможность духовного творчества, выражающегося в проповеди веры. Вопросы были законны. Но на них не было ответа.

Христианство исчезло не потому, что оно было кем-то регламентировано, не потому, что Бог был объявлен вне закона, а вера — пережитком.

Все было наоборот, в христианстве все парадоксально с точки зрения мира. Вера в Бога заменена верой в ничто, потому что исчезло христианство. Бог был объявлен вне закона, потому что исчезло христианство. Никакие исторические и социальные причины, никакие политические системы не могут побудить христианство к исчезновению. Оно неподвластно мирской власти, так как мирская власть, как все, что есть в этом мире, — от Бога. *Нет власти не от Бога* — это, пожалуй, единственная цитата из Нового Завета, которую не опровергает мирская власть, не признающая Бога. Вслед за этим утверждением есть указание на то, что начальствующий — Божий слуга, и потому следует быть покорным властям, поставленным служить Богу. Но это указание мирской властью не признается, власть есть власть и ничьей слугой быть не может. Даже если власть дана от Бога...

И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем (Отк. 13, 7). Власть дана многоголовому зверю, на головах которого написаны *имена богохульные*. В этой главе Откровения св. Иоанн Богослов дает описание зверя, борющегося с христианством во все века существования мира. Ему дана власть — *нет власти не от Бога* — победить святых и покорить человечество. Все? Нет, только тех, чьи *имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира* (Отк. 13, 8).

Нам открываются смысл и назначение земных властителей, на главах которых начертаны *имена богохульные*, нам открываются страшные судьбы человечества.

Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых (Отк. 13, 10).

Зверь уступает место зверю. Согласно идее преемственности многоголовой власти, данной от Бога. Повидимому, речь идет о духовной преемственности власти зверя, о верности одним и тем же принципам. Для того чтобы они были усвоены всем человечеством, зверю дается власть обольщать живущих на земле (13,14). Они должны поклоняться образу зверя. Поклонение — это не только признание власти, это еще и духовное приобщение к власти. Поэтому требуется поклонение имени зверя, или числу имени его, *ибо это число человеческое шестьсот шестьдесят шесть* (см.: Отк. 13,16—18). Зверь имеет число человеческое. Это человекозверь. Его тайна сокрыта в числе. И открыта в приметах. Цифры — знаки этого мира, знаки человеческие, форма, облекающая, укрывающая до поры до времени сущность зверя. 666 — три шестерки — безликая форма. Форма может быть произвольна, сущность же, увиденная св. Иоанном Богословом, неизменна. Она не принадлежит никакому времени и никакому имени. Ей дана или не дана власть победить всех живущих на земле. И убивать всякого, *кто не будет поклоняться образу зверя*. Ей дана или не дана власть *победить святых*...

Возможно ли рассмотреть в этой трагедии человечества частные приметы ее? Ущербность веры, возникающую от навязанных убеждений в незаконности Бога, Его «вторичности» в жизни этого мира, Его гонимости, Его якобы подчиненности властям мира сего? Возможно ли рассмотреть в этой трагедии человечества причины исчезновения христианства, типы сознания, бегущего от веры, как от самоубийства, и ищущего веры как единственной надежды на спасение? Кто-то записан *в книге Агнца, закланного от создания мира*...

Богом дана власть зверю вести войну со святыми и победить их. Победить для того, чтобы быть самому побежденным, быть ввергнутым в озеро огненное. Зверю дана власть победить тех, чьи имена не написаны в книге жизни. Кто они? Кто эти святые? Те, кто изменил Агнцу. Может быть, это мы, называющие себя христианами и свидетельствующие своими жизнями об исчезновении христианства?

Может быть, это те, кто дал начертать на своем челе и на правой руке имя зверя. Зверю дана власть победить не всех. Но он хочет превзойти данную ему от Бога власть. И потому второй зверь пользуется не только пленом и мечом. Он прельщает и обольщает. Ему дана более страшная привилегия тем, что он может *вложить дух в образ зверя*. Значит, св. Иоанн увидел, как зверь покоряет себе не только плоть, не только душевные силы, но и ум. Может быть, поэтому печать зверя кладется на чело и на правую руку. На мысль и на действие. Значит, зверь лишен только власти действовать на дух человеческий, на образ Божий в человеке, все остальное отдано ему. Ему дано прельщать и обольщать. Обольщать новым христианством взамен исчезнувшего. Но, видимо, только тех, кто не записан в книге жизни, кто изменил Агнцу.

Что ты думаешь об этом? Напиши. Конечно же, я не могла ответить на твои вопросы. Так, как мне хотелось бы. Это очень сложно. И очень больно. За цифрами скрывается тайна антихриста. Тайны открываются смиренным, — говорит Дух Святой. Господь сказал: *Не бойся, малое стадо. Отец благоволил вам дать Царство*. Малое стадо. Это сколько? Двое, трое, собранных во имя Его? Почему так мало? Но разве число что-нибудь значит? А три шестерки, похожие друг на друга, — это много или мало? Может быть, это и есть ничто? Во всяком случае, это не больше, чем двое или трое, собранные во имя Его, ведь Господь один победил весь мир. Да сохранит Он тебя в любви к Нему. Молись Ему обо мне. Обнимаю тебя.

Зоя

Усть-Кокса
12 марта 87 г.

*
* * *

Здравствуй, мой милый друг! Твое письмо обрадовало меня. Что-то зреет во мне, — пишешь ты, но что, пока не сознаю...

Наверное, зреют начала будущих жизней. Мне часто думается, что я прожила несколько жизней. Две из них явно обозначены. До крещения и после. Но в этих двух жизнях

вместилось еще несколько. Говорят, телесный состав человека меняется через какие-то временные циклы, что-то исчезает, что-то создается заново. Что же происходит с душой? Ее жизнь стремительна, так несутся вешние воды в горных реках. Но состав этих вод подвержен ли изменениям? Тайна души раскрывается только отчасти и только тогда, когда ум может прозреть перемены в ней... Мы только чувствуем, что она куда-то неудержимо стремится, куда-то порывается убежать...

Моя последняя повесть называлась «Побег». Я начала писать ее, кажется, за полгода до ареста. Еще до рождения Филиппа, моего старшего внука. Его приход в этот мир на некоторое время остановил работу над «Побегом». Помнится, я писала в коротких промежутках между его кормлением и прогулками. Зоя недомогала, и я взялась заменить ее. Я привязалась к этому крошечному существу, восхищаясь каждым его проявлением. Он был послан нам Богом перед катастрофой, изменившей мою жизнь и жизнь моих близких. Урывками, положив бумаги на стол, где мы его пеленали, я пыталась продолжить «Побег», записывая по 2–3 фразы... Рукопись забрали на обыске, когда пришли за мной. Я недолго жалела о ней, хотя эта вещь должна была вместить новое содержание, иной комплекс идей, чем те, которые владели мной при создании моей первой повести «Благовест», повести «Безумный старик», романа «Начало» и «Рассказа о погребении (Крест для прокурора)».

Эти вещи были попыткой вписать христианство как новое сознание, как поиски иного бытия в «контекст мира», навязывающего свой образ мыслей и образ действий, диаметрально противоположные евангельскому сознанию. Эти два сознания сосуществовать не могут: *не можете служить двум господам*, — говорит Господь.

Человек узнал о Христе, будучи погруженным в мир, который Его не принимает. И теперь он, сжигаемый жаждой веры и истины, мечется меж миром и Христом. И пытается разорвать порочный круг, но, не имея на это сил, решается соединить несоединимое, «вести Христа» туда, куда, как я понимаю теперь, Его невозможно ввести.

Я пыталась в тех своих вещах (так же как и в первых своих «Заметках неопита», названных «Лестница страха», и

цикле статей «Возвращение блудного сына») заявить о рождении нового сознания, сюжеты были вспомогательным средством для исповедания веры и проповеди веры. Органичным ли было это образование, не мне судить, сейчас у меня нет даже возможности прочесть это: все написанное «выброшено в пространство», мной не контролируемое, живо ли это или предано огню — я не знаю. Это отдано мной Богу, как и вся моя жизнь.

Я успела написать всего две-три главы, повторяю, что не жалею об их утрате. Наверное, потому, что я поняла следующее: тема была неисчерпаемой, и вряд ли я была готова к ее исполнению, а во-вторых, «идея побега» — главная идея человеческой жизни, и если Бог даст силу и возможность, ее никогда не поздно осуществить. И здесь я хочу отвлечься и рассказать тебе о своем понимании воплощения в духовном творчестве идей и тем, владеющих душой и умом. Все чаще я возвращаюсь к мысли, что творчество делится на душевное и духовное при их взаимопроникновении. Мы знаем, что Апостол Павел отличает человека душевного и духовного. *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (I Кор. 2, 14–15). Далее в этом же Послании св. Апостол Павел вновь обращается к этому разделению: *Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное... Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею* (Быт. 2, 7), *а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное* (I Кор. 15, 42–46). Ты видишь, как св. Апостол Павел разворачивает эту мысль о непреходящем для воскресения преображении душевного тела в духовное? Тление, уничтожение, немощь — вот определения душевного тела, душевности. Душевное подвержено смерти, оно преображается, приняв смерть. Духовное же умереть не может, оно рождается в смерти душевного. Сеется, значит, по-видимому, в этом контексте — хоронится, погребается. Основной признак душевности — чувственное восприятие окружающего мира, диктующее определенный статус пребывания в этом мире,

участие в его жизни. Это эмоциональное восприятие всего видимого и невидимого. Духовное — это сверхчувственное восприятие сотворенного мира, созерцание сущностей, корней, проникновение в глубины вещей и явлений. В становлении этого восприятия, как говорят св. Отцы, существует как бы своеобразная лестница. Переход от одной ступени к другой — ввысь — зависит от «выключения» страстей и чувств, желаний, вплоть до смерти, *душевного тела — мертвости Господа Иисуса* (II Кор. 4, 10). Это восхождение связано с непрестанной борьбой за мертвость, борьбой с дьявольской ратью, ибо они побеждают нас, воздействуя на душевное тело.

Духовное творчество неисчерпаемо, у него, по сути, нет границ, канонические границы отдельных жанров (например, церковной поэзии, иконографии и различных форм свидетельств) существуют лишь до тех пор, пока они не мешают свободе выражения духовного опыта, питаемого благодатной силой Бога. Эта сила всегда созидает новое, в отличие от душевной культуры, в лучших своих образцах свидетельствующей о новых приметах не раз уже описанных душевных состояний. Калейдоскоп новых примет, знаков, образов, новые варианты старых сюжетов.

Но возможно ли духовное творчество, если душевное тело еще не предано смерти? Думаю, что в христианстве, как ином бытии, всегда идет напряженный процесс умирания тленного, уничиженного, немощного. Воскресение — грандиозная работа, завещанная человеку Богом, на нее ему и дана жизнь; время размерено Богом так, чтобы успеть сделать эту работу (при всех искушениях, отвлекающих от нее) или отказаться от нее наотрез. Поскольку этот процесс неостановим в христианстве, то духовное творчество столь же необходимо для воскресения, сколь воздух необходим для жизни тела. Несомненно, душевное не умирает само по себе, оно не может вдруг уйти, уступив место духовному. Сеется в тлении, уничижении, немощи, — говорит Апостол. Сеется в муках смертных. Распинается, возносится на крест мукой человеческой, согласной с волей Божественной, ради воскресения того, что не подвержено смерти. Это и есть христианство, закваска мира, соль земли. Христианство, которое не может исчезнуть, хотя оно и исчезло из глаз мира сего. Это — изменение ума, взошедшего на крест. Без такого изменения невозможно

исполнение первых двух заповедей Спасителя о любви к Богу и любви к ближнему. Значит, невозможна и духовная деятельность, плодом которой становится и духовное творчество. Но только в духовном творчестве человек может реализовать дарованные ему свободу и любовь. *Кто не собирает со Мною, тот расточает.* Собрание Божественных идей в себе есть начало духовной жизни, начало творчества. Человек умирает для себя, чтобы жить с Богом, собирая с Ним самого себя, он отвечает на любовь Бога и своим ответом участвует в домостроительстве Бога. Это — умножение любви в мире через подвиг самособирания, а затем самоотречения в духовном творчестве. Конечно же, идеи, порождаемые Божественной любовью, не могут исчезнуть. И независимо от того, запечатлены они в вещественной форме или нет, они остаются в духовном «космосе идей».

В многочисленных пророчествах огня, «огненной гибели» человечества, всего, что создано им, в пророчествах, пронизывающих Ветхий и Новый Заветы, всегда указывается на то, что в *огне открывається* то, что подлежит уничтожению, и то, что *устоит, ибо огонь испытает дело каждого.* Форма, вещество — лишь тленные облачения идей, которые не могут быть сожжены, если они являются отражениями Божественной любви, принятыми душами, жаждущими ответить Богу на Его любовь. Все прочее сгорит, и пусть сгорит.

Но пора вернуться к «Побегу». Жалость по поводу его утраты мучила меня недолго отнюдь не потому, что я надеялась на то, что идеи, которые я задумала облечь в некоторую форму, не могут сгореть и войдут в «космос негибнущих идей». Дело было, по-видимому, в другом. Может быть, побег должен был стать моей личной судьбой...

Героем повести был врач-психиатр Калмыков. Она начиналась так: «Калмыков решил умереть».

Нет, Калмыков не собирался покончить с собой. Он решил совершить побег из этого мира, он решил умереть, чтобы остаться в живых.

Смерть — это тоже в некотором роде побег. Душа покидает мир, а тело прячут в землю.

Калмыков решил умереть, чтобы воскреснуть. Его душа изнемогала, он понял, что в этом мире не может остаться

живым, потому что эта реальность не может вместить другую Реальность — вечное бытие, которого жаждала его душа.

Когда же он узнал эту жажду? Наверное, еще не тогда... когда понял, что душа человеческая бессмертна, и еще не тогда, когда допустил возможность воскресения из мертвых. Эта жажда возникла в нем, по-видимому, тогда, когда он понял, что невозможно вписать христианство в контекст окружающего его мира, что христианство исчезло и он должен его найти. Прежде всего в себе. Он решил умереть, чтобы воскреснуть, он решил исчезнуть, как исчезает христианство, когда оно не может вписаться в контекст окружающего мира, выталкивающего его из себя. *Вот идет князь мира сего и во Мне не имеет ничего*, — сказал Господь незадолго перед тем, как за ним пришла стража. Слова эти понять мало, их необходимо вместить. Они не только подводят итог земному бытию Спасителя, они выражают смысл этого бытия, смысл пребывания в мире, в котором господствует князь мира сего, не имеющий при всем мнимом господстве никакой власти над душами тех, кто до исхода своего должен пребывать в этом мире. Князь мира сего не имеет ничего во Христе. Не может иметь. Но он хочет иметь, раз Господь говорит эти слова. Князь мира сего, *имеющий державу смерти*, не имеет ничего в Том, Кто победил смерть. Это — разные порядки бытия, бытие смертное и бытие, преодолевающее смерть как наказание за грех. Бытие видимое и невидимое. Бытие души и бытие духа. Сатана не может, не должен, не имеет ничего, ни одной уступки, ни одного «да» в том, кто во Христе. Кто во Христе, тот *новая тварь*. *Новое* творение знает иное бытие. Этот духовный опыт присущ каждой душе, жительствующей в Царстве Пресвятой Троицы, в царстве Непокколебимом.

Калмыков, видимо, предузнал, что обрести этот опыт возможно только тогда, когда он совершит побег.

Я ненавижу ложь, — сказал себе Калмыков, герой ненаписанного «Побега», — я буду бежать от нее до тех пор, пока не упаду замертво. В тех трех или четырех написанных главах он не успел осознать видимый мир как ложь, как цепь сатанинских обманов, искажений, навязанных уму. *Держава смерти...* Мир сей есть держава лжи. А смерть — расплата за жизнь во лжи. В тех первых главах Калмыков спешит на прием

в поликлинику и чуть не попадает под гильотину — в метро на эскалаторе авария, эскалатор превращается в гильотину и втягивает несколько жертв под нож.

Калмыков успел проскочить и остаться невредимым. Он узнает об этом только на следующей станции, случившееся ужасает его. Наверное, он ужаснулся тому, что мог умереть, не успев совершить побег.

Он хотел умереть, но близость смерти потрясла его. Он хотел умереть, оставаясь жить. По-видимому, если бы я записала до конца этот сюжет с Калмыковым, то вместо побега был бы записан «бег на месте».

Все уплотнилось в его жизни после встречи с гильотиной, казалось, обострились все смыслы его жизненной драмы. Все побежало вскачь и вовне, и внутри, все связи натянулись и напряглись. Многолетний разрыв с женой, к которому они оба уже привыкли, оказалось, изменил не только его судьбу, но и судьбу его детей. Сыну пришла пора идти в армию, но он надеется ее избежать, боится гибели в Афганистане. Он надеется на помощь отца.

Дочь Калмыкова внезапно объявляет ему, что отказывается от свадьбы и всю оставшуюся жизнь посвятит ожиданию Христа, Его второго пришествия. Отношения с его сослуживицей, главврачом той поликлиники, где принимает Калмыков, стали невыносимыми. Связь эта была делом прошлой жизни, но она мешала жизни настоящей. Она предлагает ему дать ложное заключение, чтобы упрятать в психбольницу человека, который мешает кому-то, кто обладает властью.

И все же не это побуждает его к побегу. Не это. В последний вечер перед побегом сын привел его в дом к своему знакомому поэту. «Поэт видит чудищ», — сказал Калмыкову хозяин дома, когда они глядели на гигантский ночной город. Поэт намекал на видение тайн. Но чудища наполнили и его дом. И лучше Калмыкову было бы не видеть их. Он бежал не только от распада, от чудищ, от лжи, от ада, наступающего на душу.

Он должен был умереть, уйдя из истории, из времени, из видимого порядка бытия. Для чего же?

Для того чтобы отдышаться и все начать сначала. Разглядеть тьму в себе и вокруг себя. Умереть для тьмы и

воскреснуть для Вечного света. Он надеялся, что перед ним развернется небо.

Красивая мечта? Томление духа? Необходимость.

На другой день он сел в поезд и оказался в городе, где жила его пациентка. С ее помощью он нашел себе жилье.

В полубарачном помещении, в каком-то общежитии, промучившись на раскладушке всю ночь без сна, он с ужасом понял, что для того, чтобы воскреснуть, надо умереть.

Он должен был оправдать свой побег перед самим собой. Он понял, что, скорее всего, его романтическая мечта о побеге будет развенчана и поправа действительностью наступающего дня.

Под утро в дверь постучали. Он открыл. Это был странник. Но разве теперь есть странники? Конечно, есть, несмотря на строгий паспортный режим. Только они редко ходят пешком. Они странствуют в самолетах, поездах, автобусах, на попутках.

Странник, постучавшийся к Калмыкову, был, как оказалось впоследствии, беглым монахом. Его звали Ардалион. Так звали одного мученика, бывшего лицедема.

Ардалион просидел несколько часов на стуле спиной к Калмыкову, и только когда они сели пить кипяток на раскладушке Калмыкова, они начали разговаривать.

Ардалион был так же, как и Калмыков, беглецом. Он бежал из монастыря. Видимо, душа его жаждала совершить побег, видимо, монастырь, который он покинул, был для нее тем миром, который (как и для Калмыкова) не мог вместить в себя Христа. В мире непрестанно продолжается бегство душ...

Ардалион, так же как и Калмыков, был сжигаем жаждой расторгнуть узы ада, узы смерти, выйти из времени, из «смертного потока вещества» для того, чтобы найти исчезнувшее христианство.

Последней фразой ненаписанного «Побега» была фраза, которую сказал Ардалион Калмыкову: «Бывает так, что Дух Святой побуждает тебя умереть».

В переводе с подлинника эти слова преп. Исаака Сириянина звучат так: «Некто из святых сказал, что другом греха делается тело, которое боится искушений, чтобы не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему Дух Святой побуждает его умереть».

Ты, наверно, уже устала читать это письмо. Поэтому я на сем и заканчиваю. Постараюсь в ближайшее время написать тебе еще. Храни тебя Христос. Молись обо мне и Феликсе.

Зоя

*Усть-Кокса,
18 марта 87 г.*

Мой добрый ангел! Я не ожидала, что ты так быстро ответишь мне. Письма идут сюда то неожиданно быстро, то непомерно долго. Ты услышала мою печаль и даже заметила нечто похожее на уныние... Это касается моего замечания об «исчезнувшем христианстве». Как я догадалась, ты связываешь это замечание с моим особым положением: ссылка, отторгнутость от всего близкого... «Слишком круто сказано», — замечаешь ты.

Я рассталась наконец с романтическим восприятием христианства. Раньше я боялась утратить чувства неопита — все Апостолы были неопитами, — уверяла я, но неопитский восторг, на крыльях которого летала моя душа, уступил место другим чувствам и понятиям. Это отнюдь не значит, что неопитская ревность совсем покинула мою душу. Не приведи, Господи, это было бы для меня тяжким искушением.

«Что же ты называешь христианством?» — спрашиваешь ты. Смогу ли я ответить на этот вопрос? Не знаю. Христианство — не позиция, не мировоззрение, не диссидентство (т.е. инакомыслие), не моральный кодекс и даже не свод нравственных идеалов.

Все эти модификации христианства знакомы мне, их знает мое сознание по опыту приближения к ним.

«Христианство — это океан», — сказал мне один францисканский монах. Это должно было стать ответом на один из моих вопросов. Но в словах францисканца я скорее услышала изумление перед глубиной и непостижимостью того бытия, в которое погружалась его душа, вступившая на путь единения со Христом.

Напряженным поискам христианства были отданы все мои дни в тюрьме и здесь, в ссылке. Но и это было

только началом. Иногда я понимаю, что конца этим поискам не будет. Они закончатся для меня с моим уходом из этой жизни.

Да, христианство — не позиция, потому что это — вера, которая соединяет со Христом. Да, христианство — не моральный кодекс, не диссидентство, не свод нравственных императивов и не мировоззрение. Это — иная жизнь, жизнь веры. Это — бытие сердца и ума, бытие внутреннего человека в ином, невидимом мире, когда внешний человек пребывает еще в пространстве и времени, то есть в видимом мире. Потому-то Господь и говорит, что Его учеником может стать только тот, кто захочет отрешиться от себя и от своего, от того, что он имеет в этом мире. Отрешиться, чтобы войти в непостижимое, в невидимый Океан, в нем размещен наш маленький мир, крупинка, песчинка, трепещущая в Божественной деснице.

Душа скитается по мракам бездн, пребывая в «духовном космосе» в неведомой полноте бытия, независимо от того, знает ли ум о жизни души или пока не знает... Да и можно ли определить это словами? Есть ли на языке этого мира понятия, которыми мы могли бы описать этот Океан?

Перед лицом зверя, в аду, в печи, отдавая все, что у тебя есть, отдавая себя, свое, отрешаясь от всего, что ты любил и любишь, ты подходишь к огнедышащему Океану. *Кто близ Меня, тот близ огня...*

Вера есть уверенность в невидимом и осуществление ожидаемого (Евр. 11, 1). «Что-то есть», — чаще всего говорят мечтательно о вере те, кто размышляет: а не войти ли им в христианство? Что-то у кого-то было. Кто-то что-то знает. Не уверенность в невидимом. А предположение о возможности невидимого. Сны и черные кошки, вертящиеся блюдца и прочие чудеса. Сколько пройдет времени, пока ум, сознание (не душа, душа это знает), обретет уверенность в невидимом.

Уже в первые дни в тюремном аду я начала с особым упорством «выпрашивать Царство». Я уже писала об этом. До тюрьмы у меня не было такой дерзости. Я старалась приблизиться к христианству, к православию, я хотела научиться идти путем, заповеданным нам, православным, Отцами Церкви. О, как темна, как неразумна была моя душа!

«Это нам не по зубам!» — говорил мой духовник, узнав, что я читаю Отцов Церкви. «Сейчас не время преподобных», — говорил мне другой священник, тоже называвшийся моим духовником. «Отцы устарели», — говорил третий, узнав о моем интересе к «Добротолубию».

Православие устарело. Христианство исчезло. Нам христианство не по зубам.

Теперь я вижу странную, но прочную связь между теми, кто должен жить православием, однако считает, что в настоящий «момент истории» нам не до православия, и теми, кто на деле истребляет православие, уничтожая записанное в книгах Предание, уничтожая Книги, уничтожая «Надежду», целью которой была проповедь православия. Какая странная связь между ненавидящими Бога и теми, кто считает себя служителями Его!

«Это гордыня, прелесть, это — тщеславие», — шептали вокруг. «Зачем Отцы?!», «Все это устарело», «Мы спасаемся другим — скорбями».

Я думаю, что ни один из тех священников, а они, конечно же, выражали не собственное мнение, они выражали церковное сознание нашего времени, столь определенно заявившие, что нам, православным, православие сегодня «не по зубам», — не знал, что такое православие. Не знали и знать не хотели. По-видимому, их устраивало другое христианство. Однако же путь святых Отцов нашей Церкви и то христианство, суть которого они раскрывают в своих творениях, свидетельствуют о том, что это никому не под силу без благодати Св. Духа. Но благодать, свидетельствуют Отцы, неизменно сопутствует тем, кто настойчиво ищет ее. *Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него* (Лк. 11, 13). Но как же просить Духа Святого и получить Его, если ты не хочешь идти путем, заповеданным Церковью, считая, что он тебе «не по зубам»?!

«Тщеславие», — говорят священники. «Тщеславие», — говорят те, кто называет себя христианами. Другое время, другое христианство. Без преподобных.

«Дай мне Царство!» — кричу я в тюрьме, забыв, что мне говорили мои духовники. У меня нет другого пути, у меня нет другого христианства. *Ищите же прежде Царства Божия*

и правды Его, и это всё приложится вам (Мф. 6, 33). Тщеславие. И следовательно меня в том же подозревает.

Они правы. Я не спорю. «Дай мне Царство! — кричу я. — Дай мне веру как осуществление ожидаемого! Я хуже всех, я хуже тех, кто осуждает меня, они даже не знают, только Ты знаешь, как я ничтожна и как я мерзка перед Тобой, но дай мне Твое Царство!»

И снова я должна спросить себя: зачем я пишу это? Я борюсь за христианство. «Против кого?» — спросишь ты меня. Против лжехристианства, — не побоюсь ответить я тебе, — оно торжествует сегодня в мире, оно может восторжествовать во мне и в тебе. «Тщеславие», — скажет мой следователь и мой обвинитель. Пусть говорит.

Я ишу христианства, я выпрашиваю его у Бога. Уверенность в невидимом — начало. Это еще не вера, начало веры. «Конечно, что-то есть». Моя соседка по нарам, узнав, что я верующая, шепчет: «У меня есть молитва: помяни, Господи, царя Давида и его бабушку Степаниду».

Я переписываю для тех, кто просит, молитвы и псалмы, несмотря на то что начальник тюрьмы, узнав об этом, угрожает мне. «Что-то есть», — говорят те, кто просит переписать молитвы. Чаше всего они не понимают, о чем говорят слова молитв, но сам факт молитвы, сама бумага с переписанным псалмом — сакральна.

Душа жаждет христианства. Она хочет подойти к Океану Света и Любви, но скована кандалами. «Я тебе покажу, — говорит мне начальник пересыльной тюрьмы, — у нас Церковь отделена от государства!» Значит, пусть убивают, воруют, грабят, пусть извергают черную матерную брань, лишь бы не молились.

«У нас попы разрешены», — говорят мне те, кто не хочет молитв. Может быть, они не верят «разрешенным попам»? Разрешенные попы не ходят в тюрьмы и лагеря. Это нам не по зубам...

Я выпрашиваю веру. Уже не только уверенность в невидимом, Бог уверил меня в этом. Я выпрашиваю возможность взойти на следующую ступень лестницы веры, может быть, она даст мне возможность приблизиться к Океану Света. Я выпрашиваю осуществление ожидаемого. Но рано,

рано просить осуществления Царства. Оно внутри вас, — говорит Господь. Но нужно пройти через плен.

Скажи мне, почему Господь так настойчиво требовал от своего народа, чтобы он шел в вавилонский плен? Он требовал смиренно принять наказание. Он угрожал смертью тем, кто не пойдет в плен, и обещал жизнь тем, кто послушает Его повеления. С раннего утра увещевал пророк Иеремия преступный, грешный, жестоковыйный народ, призывая идти в плен к Навуходоносору.

Понять это невозможно, принять необходимо. *Ибо только Я знаю намерение, какое имею о вас, говорит Господь, намерение во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду* (Иер. 29, 11). Чтобы обрести будущность и надежду, надо идти в рабство? Только рабы знают истинную цену свободы.

Это происходило и происходит в истории и вне ее. В истории и в метаистории, «поверх» истории. Моя душа, конечно же, знает вавилонский плен, как знает его твоя душа. Плен выстраивает отношение к плену. Раб свободен в Господе, — говорит Апостол. Или не свободен. Плен — это «сито», через которое должны быть просеяны души, пшеница Господня, ее встряхивает в сите сатана. *Сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, — говорит Господь Симону, — но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя»* (Лк. 22, 31–32).

Три отрока в Вавилонской печи остались свободными, будучи опалены нестерпимым огнем. Они не стали бы столь свободными, если бы не узнали огонь Вавилонской печи. Значит, плен — это милость?

Путь к свободе лежит через тюрьму, — сказал один из узников совести, скончавшийся в лагере. Он сказал это на суде. Учини, Господи, душу раба Твоего Алексея в селениях покоя...

Путь к свободе лежит через рабство. Или нет. Это — выбор. И чем пышнее будет расцветать и развиваться новое христианство, которое сегодня увлекает людей, не только в нашем Отечестве, но и во всем мире, тем жарче будет огонь в печи для тех, кому Господь по Своей великой милости позволит войти в эту печь, в этот плен к огню, чтоб сожжена была рабская привязанность к себе и ко всему, что дает этот мир для утверждения себя и своего.

Лжехристианство — отнюдь не новое явление в жизни этого мира. Оно утверждалось, питаясь ересями, распрями, всяческими расколами, схизмами. Лжехристианство началось вместе с христианством. И восстанут лжехристы и прельстят многих, — предупреждает Господь (Мф. 24, 24). *И многие последуют их разврату* (надо полагать, «мысленному разврату» лжеучителей от христианства), *и через них путь истины будет в поношении*. Это написано на заре христианства (II Пет. 2, 2).

Сегодняшняя форма псевдохристианства характерна очевидным отступлением от евангельского откровения о христианстве и Церкви, так же как и прочие, известные в истории христианства типы *поношения истины*. Это некая ре-ви-зия Евангелия, приспособление его к моменту истории, измена кардинальным основам евангельской жизни путем подмены их.

Понятно, что приспособление псевдохристианства к «моменту истории» в жизни того или иного общества формирует определенный тип сознания.

Сознания, позволяющего для себя сделать «поправки» к Евангелию, выбирая из него то, что кажется выполнимым для данного периода в жизни общества. В самом этом акте приспособления, компромисса ради «выживания христианства» уже посеяно дьяволом семя смерти. Это поношение евангельской истины. Евангелие открывает непоколебимую целостность христианства, христианское сознание в его евангельском смысле не может опустить ни одну йоту из Закона, данного Богом для спасения души. Этот максимализм есть проявление Божественной любви к падшему человеку. Измена единой йоте грозит духовной смертью.

По плодам узнаете их! — дает совет Господь, зная, что *восстанут лжепророки и прельстят многих*. Плоды лжехристианства, так же как и псевдодуховности, скрыть невозможно, сколь бы ни рядились они в верность обрядам, аскетизм и во мнимое благочестие. Ибо дьявол, как известно, не брезгует ничем — ни постами, ни бдениями, ни долгими молитвословиями, ни доброделью. Но цель этих действий обнаруживается в плодах. В стремлении уцелеть, в самозащите, самоутверждении, в малодушии, во лжи. Грех однообразен. И плоды псевдохристианства однообразны. Поэтому они легко узнаются на всех уровнях и во всех сословиях. И у иерархов

Церкви, у мирян и монахов, у клириков, у простолюдинов и у «культурной элиты». Одно и то же. Вместо любви к Богу и ближнему до креста — страх креста, вместо отвержения от себя, своего мира — утверждение себя в мире, вместо милосердия — осмотрительность и равнодушие, вместо доброго пастырства, отдающего жизнь за овец *словесного стада*, — наемничество и трусость, вместо сострадания к узникам — осуждение и презрение к ним.

Но, пожалуй, хватит продолжать этот позорный перечень признаков нашей духовной смерти. Очевидно только одно, что тот вид лжехристианства, который мы наблюдаем сегодня, а именно так называемое новое христианство, или «обновленчество», посеянное князем мира сего на нашей почве, есть безумие перед Богом. Теперь, когда завершено его создание, когда оно упрочилось и признано властями века сего, так как вошло наконец в пору своей зрелости, плоды его предстали во всем своем безобразии. Пред очами тех, кто хочет видеть.

«Я посетую вас по плодам дел ваших, — говорит Господь, — и зажгу огонь в лесу вашем, и пожрет все вокруг него» (Иер. 21, 14).

Господь открывает нам глаза, показывая плоды. Зачем же? Почему сегодня так очевидно безобразие лжехристианства? Почему именно сегодня стали невыносимы для нас ложь и безумие перед Богом?

И сказал Господь Аврааму: *пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе* (Быт. 12, 1).

Авраам послушался Бога и стал *отцом веры*. Он знал осуществление ожидаемого. Легко ли ему было? Легко ли оставить все и выйти из родства своего, из земли, из мира, решиться на долгое странствование по чужим пространствам для того, чтобы обрести желаемое — землю обетованную? В поисках «обительного града» проходят годы и годы, вся жизнь. Этот мир — пересылка, и надо тащить себя, свою ношу по этапам...

Душа рвется из плена. Но разум медлит. Он хочет вернуться в Египет, в плен, там сытно, и безопасно, и привычно. *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12, 2), — учит св. Апостол Павел.

Преобразуйтесь познанием воли Божией, познанием реальности, познанием того, что видимо, и того, что невидимо. Познанием плодов...

Господь говорит Своим ученикам, тем, кто войдет в христианство, вы — соль земли и свет миру. Соль, предохраняющая мир от гниения, от распада, от энтропии. Свет, разгоняющий тьму и ужас безысходности жизни в этом падшем мире.

Ум должен узнать то, что знает душа. Ум должен соединиться с сердцем, они должны быть едины. Для познания Истины. Тогда плоды лжехристианства будут не только явны, они перестанут нас ужасать. И нам станет ясно, что неохристианство процветает сегодня именно потому, что оно — не соль земли и не свет миру. Оно отказалось от любви и жертвы, заменив жертву собой жертвой отдельными удобствами или преодолением отдельных недостатков, терпением их в себе и ближних, терпением порочных навыков, страстей и т.д.

Князя мира сего, специально занимающегося извращением христианства, его ревизией, вполне устраивает подмена креста Христова, жертвы собой компромиссом с собой, с миром и с Богом. Ведь подмена никогда не даст веры как осуществление ожидаемого, веры как духовного таинства в единении и любви с Христом.

Св. Апостол Павел дает определение веры в Послании к Евреям перед тем, как показать, как действовала вера в тех, кто побеждал верой мир, дает описание *плодов веры*.

Вся эта глава раскрывает, что такое вера и ее осуществление в видимом и невидимом мирах.

На первом же допросе я попросила у следователя Библию, чтобы переписать эту главу. Я унесла свои записи в камеру. Но читать и знать тексты мало, надо получить возможность от Бога их осуществить. «Сергианство» читает и почитает тексты, однако же не имеет духовной силы их исполнить.

Компромисс лишает духовной силы, взамен он обещает комфорт и удачу, относительные, конечно. Удачу и там, и там. И в мире, и в христианстве. «Вели бы вы себя хорошо, стали бы епископом», — сказал митрополит Ювеналий христианину, отсидевшему восемь лет в лагерях за бескомпромиссное исповедание веры. Митрополит выразил в этих чудовищ-

ных по цинизму словах принцип неохристианства, то есть «сергианства». «Евангелие Евангелием, а жизнь есть жизнь», — любил повторять эту сентенцию, по смыслу очень близкую к словам митрополита Ювеналия, мой знакомый священник. Дьявол однообразен, плоды греха и лжи однообразны.

Да, компромисс обещает хоть малую удачу христианству в этом погибающем мире. И мы не можем пренебречь этой удачей, — уверяет себя «новое христианство». К тому же мы достойны удачи, ведь мы соль земли. Мы — свет миру, мы — сливки общества, мы не язычники, мы будем просвещать мир собой, каждый из нас несет свет, мир болен, и мы будем исцелять мир своим присутствием в нем. Но для этого мир должен принять нас, признать нас за своих, мы не хотим быть людьми «второго сорта», иначе он нам не поверит, он должен увидеть, что мы такие же, как и все, только лучше, чище, светлее, честнее, тем более мы обладаем тайной спасения, мы будем жить вечно, а мир погибает. Но, если мир захочет, он может, несмотря на всю свою ненависть ко Христу, быть спасенным, если он станет таким же, как мы. Для этого мы и будем сотрудничать с ним, спасая его. Однако для этой миссии важно никого не раздражать, никуда не торопиться, ничего не провозглашать, ничем особо не отличаться, быть такими, как все, чтоб не прослыть экстремистами. «Сидели бы себе тихо и молились», — отечески увещевал меня начальник Лефортовской тюрьмы. Сидели бы себе под кроватью и молились, чтобы никто не видел. Или ходили бы, на худой конец, в церковь. «Как моя бабушка, она — верующая», — говорил мой следователь. «Моя бабушка — верующая», — сказал мне еще один сотрудник того же ведомства, когда приехал ко мне в ссылку. По-видимому, у них у всех бабушки — верующие. И они хотят, чтобы мы веровали так, как веруют их бабушки... Одним словом, «мы исправим подвиг Твой» (Великий Инквизитор), «вели бы себя хорошо, никто бы вас не посадил», «вели бы себя хорошо, были бы епископом»!

Всякая болезнь от Бога, как и всякая власть от Бога. И всякий плен от Бога.

Ум забoleвает невозможностью видеть сущность вещей и явлений, забoleвает неведением.

Он забoleвает забвением. «Мир возлюблен Богом», — говорят те, кто хочет спасти мир современным христианст-

вом. Бог так возлюбил мир, что мир был спасен. Да, Сын Божий спас мир крестом. Жертвой. «Се бо придет крестом радость всему миру», — поет Церковь. Христос спасает нас, утверждая, что только крестом, жертвой мы можем спасти свою душу. Показывает путь и открывает *смысл воскресения* Своего и нашего.

Православие открывает главные смыслы бытия, смыслы Воплощения, Креста и Воскресения. Оно раскрывает смысл жертвенной любви к миру. Истинной любви. Бог так любит мир, что самых возлюбленных детей Своих, самых чистых, самых мужественных, самых прекрасных учеников Своих, отдает на страшные муки, на издевательства, попускает лгать и клеветать на них ради того, чтобы они свидетельствовали своими муками и смертью о том, что князь мира сего побежден верой в Господа. Ради того, чтобы подвигнуть хоть одного к истинной вере, к поискам Истины, к жертве и любви, которая возведет на муки следующего, чтоб не иссякала жажда Истины и Воскресения. Что же общего имеет с этой любовью к миру, с этим христианством лицемерное и себялюбивое обновленчество, услужливо хлопочущее о своем благополучии, комфорте и безопасности, получая их как плату за мнимую любовь и подлинный страх?

Да сподобит нас Господь силы и любви к Нему, чтобы выйти из этой бездны лжи невредимыми. И хватит об этом.

Исчезнувшее из глаз этого мира христианство не может быть не узанным теми, кто ждет встречи с ним. Оно не может быть в поражении ни перед миром, ни перед лжехристианством, как бы ни было малочисленно подлинное христианство по сравнению с псевдохристианством. Оно не боится стать человечеством «второго сорта». *Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков... мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.* Это — из первого Послания к Коринфянам (4, 9—13), во втором Послании к ним же св. Апостол продолжает раскрывать сущность служения христианства: *Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в*

трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицании и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем (II Кор. 6, 3—10).

Этот гимн христианству дает описание сущности христианства как нового *духовного человечества*, получившего силу от Христа побеждать своей верой мир. Оно не может быть в поражении, потому что перед ним открыты врата Царства, ибо свершилось для него осуществление ожидаемого.

Моя вера должна победить мир, — поняла я, встав лицом к лицу с ложью и насилием, со злобой и ненавистью к Богу. Иначе мир победит меня. *Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?* (I Иоан. 5, 5.) Неужели для веры возможна и достаточна такая простота? О, как много скрыто в ней!..

Но что же это такое — победить мир? У веры нашей нет снарядов и ракет, она не наступает. Это действие в другой Реальности, сотворенной Тем, Кто сотворил и нас, даровав нам способность пребывать в этой Реальности. Он ждет от нас этого действия и дает нам победу над миром, который Он держит в своей деснице. *Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь* (Рим. 11, 36).

Это победа над отдельностью от Него, а значит, над одиночеством и беззащитностью трепещущей плоти, а значит, победа над страхом смерти, ибо в той Реальности смерти нет, а есть вечность. И это — победа веры, победа Бога, снявшего покров с ума не сразу, а после долгих мытарств, молений, обетов. Это — приобщение к любви, творящей все из ничего. Это тайна, недоступная лжеименному разуму, разуму, закрытому покрывалом тьмы.

Покрывало тьмы — возмездие за грех, за нераскаянный грех, за ложь, за себялюбие, за псевдохристианство, это — смерть при жизни.

Моему следователю нужен пустяк, он хочет малого. Возможно, он ему и не пригодится. «Поклонись мне, — сказал

сатана Христу, искушаемому в пустыне, — и я Тебе за это дам все царства мира».

Сатана, как обычно, лгал, все царства мира ему не принадлежат.

Господня земля и что наполняет ее. Сатане принадлежат только мысли и дела тех, кто предназначает ему их. Он знал, что Христос ему не верит. Но ложь — это *тип бытия*. Поклонись лжи. Поклонись мне, как лжи.

Путь ко Христу, как мне думается, начинается не тогда, когда человек хочет обрести спасение здесь и там, а тогда, когда он начинает осознавать свою любовь к Христу. Жажда любимого Бога отвращает от всякой лжи.

Тайна этой любви непостижима. Она открывается в печи. Тем, кто не добивается любви ко Христу, Он не посылает огненных искушений...

Моя вера должна победить мир.

Вера твоя спасла тебя, — несколько раз приводятся в Евангелии эти таинственные и дивные слова. Вера твоя обладает спасающей силой, именно она спасает, не Я, — говорит Господь, — а твоя вера в Меня. *Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?* — вопрошает св. Иоанн Богослов. Что за чудо в этой тайне! Что за сила в этой простоте! Вера — это мысленная сила, — говорят Отцы. «Вера есть сила, подающая преестественное, непосредственное и совершенное единение верующего с веруемым Богом» (преп. Максим Исповедник). Преестественное единение, начинающееся еще здесь, на земле. Осуществление ожидаемого, творящая спасение и воскресение сила. Она почитает за прах и дым все видимое, — утверждает преп. Симеон Новый Богослов. Она передвигает вещество во вселенной, горы движутся в море, воды становятся сухой.

Я стояла лицом к лицу со злом, которого Бог не создавал, это было зло, возникшее в безбожной пустоте. Это была безысходная беда души, отпавшей от Источника жизни, выбравшей мир и смерть, мир и его князя, щедро платившего пустотой за ненависть к Богу. Мой обвинитель был жертвой тотальной эпидемии, она была не только заразительна; тот, кто породил эту эпидемию, требовал от заразившихся максимального распространения этой болезни.

Укрыться от этой ненависти, не отравиться ею до смерти можно было, только победив ее любовью. Любовь можно было обрести в Царстве Бога, в осуществлении ожидаемого.

Надо было снова и снова начинать путь к Царству.

Прости меня за многословие. И за празднословие.

Я постараюсь в ближайшие дни продолжить наш с тобой разговор, столь важный для меня.

Храни тебя Господь наш Иисус Христос.

Твоя Зоя

Усть-Кокса,
2 июня 1987 г.

Несколько дней я никак не могла приняться за письмо к тебе. Чувствую настоятельную потребность завершить описание переживаний и размышлений об «исчезновении христианства».

Парадоксальность этого утверждения испугала тебя, и я пыталась в предыдущем письме несколько смягчить категоричность этого утверждения. Впрочем, категоричность самого христианства, его максимализм, столь пугающие мир, являются не только защитой его от мира, но и силой, которой оно побеждает мир.

Боюсь опять быть непонятой. Слова в наше время оказываются вместилищем не только истинных смыслов, но и очень часто ложных. Антисмыслы, подмены смыслов, полуложь — детище сатаны, плоды компромиссов с ним, «творцом ложных смыслов».

Для нас важно возвращать словам их христианский и, евангельский смысл. Что такое мир, так мучающий христиан, столь возлюбленный Сыном Божьим, столь возлюбленный и одновременно ненавидимый нами? Временное пристанище, наш дом, наше земное отечество и безраздельная вотчина князя мира сего? *Ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (Иоан. 14, 30).

Князь, правитель, устроитель порядков в мире хочет узурпировать Христа, приспособить к себе, примирить с

собой. *Но во Мне не имеет ничего*, — отвечает на эти намерения Христос с категоричностью. Но, может быть, князь мира сего, *имеющий державу смерти* в смертном мире, и сам мир, как наше временное пристанище, как наш дом и отечество земное, могут быть независимы друг от друга? Нет. Эта независимость невозможна. Это — уловка. Уловка князя мира сего, — повторяю я вновь, — петля, извечный обман, сеть, раскинутая повсюду, сокрытая в каждой капле смертного вещества. Привязанность ума и сердца к видимому, к *немогущим и бедным вещественным началам* бытия (Гал. 4, 9), привязанность, внушенная *имеющим державу смерти* и тщательно им охраняемая.

Мир — это то, что живет для себя, а не для Бога. Мир — это то, что отделяет от Бога и от Его заповедей даже тогда, когда признает бытие Божие. Мир — это тип бытия, сооруженный «лжеименным разумом», это плен у видимого. Это то бытие лжи, уловка князя, иллюзия отдельности, иллюзия свободы, ложная модель независимого бытия в видимом мире, модель, внушенная уму сатанинскими искажениями.

Христианство может быть в плену у этого мира и стать лжехристианством или победить этот мир своей верой.

Крестом Господа для меня мир распят, и я для мира — эти таинственные слова св. Апостола Павла из Послания к Галатам (6, 14), конечно же, являются для эллинов безумием, а для иудеев соблазном. Для меня мир распят, говорит св. Апостол Павел, отдавший жизнь, чтобы свидетельствовать умершему для него миру о Христе. Христианство исчезает из этого мира, чтобы спасти его. Поэтому Господь посылает христианству плен и ждет, когда оно совершит побег.

Я повторяю одно и то же, по-видимому, в тщетной попытке уточнить то, что уточнить нельзя, а можно только вместить или не вместить, то, что открыто Христом в Евангелии и подтверждено опытом св. Апостольской Церкви. Но мы призваны повторять одно и то же, свидетельствуя о любви Божией, дарующей каждому из нас опыт познания открытого нам. Вы будете свидетелями Мне, — говорит нам Христос, — вы будете свидетельствовать о том, о чем уже засвидетельствовано до вас. В каждом «новом» опыте, подтверждающем «старый опыт», есть необходимая новизна. Церковь вечно

обновляется. Христианство — это всегда начало, «закваска». Но постоянная новизна его не в приспособлении к миру сему, а в осуществлении каждой личностью в ее уникальном опыте уже обещанного, ожидаемого. Осуществление ожидаемого не может быть сокрыто, но время созревания видимых и невидимых плодов в каждой душе устанавливает Бог.

В последнем письме я не смогла ответить на вопрос, который сама же поставила тебе и себе: почему же именно сегодня столь очевидным стало безобразие лжехристианства, так называемого «сергианства»? Почему такие горькие плоды явил нам Господь в тех, кто считал себя спасителями христианства?

Я прервала то предыдущее письмо не только потому, что не имела больше сил продолжать его, Господь внезапно сжалился надо мной и утешил меня радостью.

После долгих лет, уместившихся в некоем сжатом «всплеске бытия», после мучительных и неутешных слез по поводу утраты надежд на единство и любовь, после того, как жестко написался реестр потерь и смыслы превращений, после того, как плоды безобразия — утраты «образа неизреченной славы» — были обозначены в моем измученном бесплодными поисками уме, я ощутила радость. Но попробую написать о ней чуть позднее.

«Слава Тебе, Ты отринул от Себя лжецов», — было записано еще в усть-канской ссылке после тяжелых приступов тоски. Тоски по Истине. «Слава Тебе, что Ты разделил нас...»

Это было в тот страшный год, когда забрали Светова и в день его ареста родился Тимофей — «тюремный мальчик», как прозвали его в нашей семье. В тот час, когда уводили деда из дома, раздался его слабый крик: нашу дочь, потрясенную случившимся (за полчаса до родов она позвонила домой и узнала, что там идет обыск), Бог наградил сыном.

Наши благодетели, верные своему «гуманизму», скрыли от меня телеграмму, извещавшую о рождении внука, в моем барачном жилище шел обыск.

Ничего, кроме акафистов и моих выписок из творений св. Отцов («Добротолубия»), не привлекло их внимания. Им нужно было хоть что-то унести, надо было оправдать командировку и выполнить задание. Вот они и унесли единственное мое сокровище — акафисты и тетради с конспектами, унесли

то, чем питались мое сердце и ум... Тотчас после их ухода я принялась собирать мешок для этапа. Но это — наши будни, и не о них теперь речь.

В этот год моей жизни почти исчезло время. Не было дня и не было ночи.

Вероятно, они были не нужны. Они могли бы понадобиться как покров, укрывающий мою иную жизнь, но я была одна, наедине с собой и с Богом.

Если бы в мое одиночество могло проникнуть извне чье-то утешение, сочувствие, обещание, надежда, чья-то вера в милость и благо совершающегося, тогда завеса стала бы осязаемой, она бы стала или укрытием, или мукой. В одну из ночей я поняла, что мне не нужен мир, не нужны его день и ночь как покров. У нас не было отныне ничего общего, Бог развел нас в разные стороны. Я должна была отныне жить вне всего, что окружало меня, что поглотило в своей пучине тех, кто нужен был моей душе. Я не отойду от Тебя, пока Ты не пошлешь мне утешение, — говорила я Богу. И Он слышал меня.

Церковь молчала. Может быть, она уже была погребена в пучине того дня, который мне не нужен. Может быть, она слишком долго томила там, в плену, и металась, опутанная днем, которого не было и нет. Иначе непонятно, почему никто из пастырей Церкви не приехал ко мне. Ведь мои окна были обращены и ночью и днем туда, в мир, и в них можно было постучать.

Не отвечал на письма наших детей патриарх всея Руси Пимен, молчали епископы, священники, молчали миряне, только редкие письма от самых близких доходили ко мне. Молчал и тот, кто решился продолжить «Надежду», но не решился поставить свою подпись. Он называл себя не то «верующими Советского Союза», не то «христианами России». Не помню. Я лишь однажды увидела его анонимную «Надежду» в руках сотрудника госбезопасности, который держал ее как улику и хотел все того же. Того, что хотели от меня все пять лет моего заключения: назвать правду ложью. На сей раз мне предложили сделать это через Агентство печати «Новости». Мне было сказано, что некие враждебные голоса утверждают, что я являюсь корреспондентом (!) этой анонимной «Надежды». Абсурдность этого утверждения была, впро-

чем, ничуть не более абсурдной, чем все прочие обвинения, которые сокрыты в «уголовном деле 'Надежды'». Тот, кто его «стряпал», прочесть «Надежду» не мог в силу своей неподготовленности к такого рода Христианскому чтению и потому мог предположить, что возможно быть «корреспондентом» духовных текстов св. Отцов и пастырей Церкви, созданных задолго до того времени, как мы окажемся в положении следователя и обвиняемого.

Да, священник*, составивший «Надежду» и не решившийся поставить свое имя, молчал. Молчал и лжесвидетельствовал на мои призывы обнародовать свое имя или изменить название Христианского чтения. «Надежда» не может быть анонимной в условиях, когда за нее преследуют и сажают в тюрьму, христиане не могут прятаться за спинами заложников, это не изменит судьбы Светова и моей, но это изменит судьбу твою, — писала я ему**. Да и возможно ли «анонимное исповедание» веры, на что же надежда, — спрашивала я священника В.Шибаяева, — если нет сил назвать свое имя? Я рада продолжению жизни «Надежды», но то, что произошло, немислимо для священника. Благодать священства — не пожизненная рента, она отдана в рост, в долг, возможно ли так попираТЬ заповеди Христовы?!

В ответ на мои просьбы я слышала ложь.

Страх не только мучил его нещадно, страх, по-видимому, раздавил его.

Сначала я не понимала, что прикасаюсь душой к какой-то страшной тайне. А когда поняла — ужаснулась и простила его. *Страшно власть в руки Бога живаго...*

«Молиться за людей — кровь проливать», — говорил старец Силуан.

«Научи меня молиться, — прошу я Господа в устьканской пустыне, ужасаясь лжи моего собрата по вере. — Научи! Тогда я, может быть, перестану вспоминать».

Престольный праздник в храме у Ильи Обыденного. Нечаянная Радость. Служит патриарх Пимен. Говорят, «Неча-

* Владимир Шибаяев, эмигрировавший в 1988 году в Швейцарию.

** После того как издательство «Посев» объявило о том, что намерено продолжить публикацию «Надежды», был арестован Феликс Светов, а на другой день после его ареста у меня в ссылке был произведен обыск.

янная Радость» — самая любимая икона патриарха. Может быть, он испытал нечаянную радость и заступление Пречистой Владычицы нашей? Может быть, он был оставлен людьми и его гнали за Христа, а Она Своим покровом, нежностью и любовью закрыла его, когда дня и ночи не стало?

Храм был полон. Это было, кажется, за полгода до моего ареста.

Я уже пять лет не видела храма. Последний раз я увидела кресты из окошка маленького «воронка», когда они склонились надо мной. Меня везли в тюрьму после суда...

В тот день, день Нечаянной Радости, я должна была причаститься Святых Тайн. Накануне мой духовник исповедал меня.

Храм был полон. Народ пришел на службу патриарха.

«Святая Русь», — с умилением вздыхают иностранные гости, видя такое стечение народа. «Святая Русь», — говорят заезжие архиереи. «Жива Русь», — плачут старые эмигранты, они пьют чай из тонких стаканов, и слезы прожигают стекло. На Западе — пустые церкви и, наверное, нет тонких стаканов. Там пустые церкви потому, что церквей ровно столько, чтобы можно было молиться и подойти к Царским Вратам, когда ты хочешь причаститься Христовым Тайнам. Но в России очень мало церквей, потому они полны молящимися. В Москве было «сорок сороков» и теперь, говорят, только сорок храмов...

Нет, мне не пробиться ко Христу. Плотная толпа преградила мне путь. На меня гневаются те, кто особо раздражен моей наглостью, тычут кулаками в бок и спину, упрекая в невежестве и нахальстве. «Ишь чего захотела — причаститься у патриарха! — слышу я насмешки. — Ты что, с печки свалилась и не знаешь, что патриарх не причащает? Придешь в другое время!»

Как не причащает? Тогда зачем он служит литургию?! Зачем он здесь?!

Уже кончается Евхаристический канон. Мне не пробиться, не успеть, предо мной стена восторженных почитателей патриарха. Но мне нужен не патриарх, мне нужен Христос. И я бросаюсь к выходу, бегу по улице и успеваю вбежать в боковую дверь, и оказываюсь как раз перед иконой «Нечаянная Радость». Но, увы, в эту минуту патриарх вносит Чашу обратно в алтарь, так и не причастив никого.

Это — спектакль, — вижу я. Я стою близко и вижу патриарха и его иподиаконов. Молодцы хоть куда, охрана патриарха. У них неподвижные лица, розовощекие бравые молодцы!

Как только патриарх со своими молодцами покидает храм, какой-то младенец и я вместе с ним получаем Нечаянную радость — священник выносит Чашу из боковой двери...

«Ах, Святейший! — говорит одна моя милая знакомая. — Когда он служит, мне становится дурно, мне кажется, я вот-вот упаду в обморок... Столько благодати...»

Распни Его, распни! — кричала толпа прокуратору Иудеи.

«Вам предьявляется интервью Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена», — говорит мне мой следователь, показывая интервью, напечатанное в ЖМП (Журнал Московской Патриархии). Патриарх убеждает какого-то западного интервьюера, что у нас нет и не было никаких гонений на веру. По-видимому, патриарх считает, что обетования Христа отменены в новых исторических условиях. И слова Христа: *Если Меня гнали, будут гнать и вас* (Иоан. 15, 20) — не актуальны. Патриарх не верит словам Христа. Он не верит очевидному. Если нет гонений, значит, нет и веры. Если нет христианства, то нет и гонений на него, — свидетельствует патриарх в своем интервью. Может быть, он не знает, что сам гонит Христа своим лжесвидетельством.

На Свердловской пересылке, валяясь под нарами, я вспомнила интервью Святейшего патриарха всея Руси.

Страх надо потерпеть. Но и гнев тоже. Терпение угашает гнев.

Патриарх ничуть не виноват в моей беде. Патриарх свободен, он сделал выбор так же, как и я. Я должна валяться на Свердловской пересылке под нарами. В этом — моя свобода. *Выбирай себе жизнь, чтобы жить*, — сказал Моисей Божьему народу.

Так вот зачем, думаю я теперь, Бог являет нам плоды безобразия — утраты образа Своего в нас. Чтобы мы осознали невозможность насытиться ими и познали свою рабскую лукавую привычку угождать себе, чтобы не быть гонимыми за крест Христов (Гал. 6, 12). Ведь я сама хотела быть обманутой.

Мой духовник обманывает меня, — знала я, когда слушала его воскресные проповеди о любви. Я поняла это, когда оказалась свидетельницей чуждого для христианства, для духа православия молебна.

Мой духовник молился о здравии Ирода в день усекновения головы Иоанна Предтечи. Он получил разнарядку из Патриархии, требующей от священников петь «Многая лета» атеистической власти в дни престольных праздников. Так объяснили мне знакомые с такого рода лицемерием клирики. Их это не удивило, показалось мне. Не удивило, что молитва о гонящих и обижающих, смысл которой выражен в словах одной из таких молитв: «Сотвори из Савла Павла», — была заменена торжественным и громогласным «Многая лета».

Это почти никого не удивило из клириков, да из мирян тоже. Может, они уже переболели? Может, с м и р и л и с ь? Так теперь называют компромисс с князем мира сего.

Но мне, слава Богу, это смирение не давалось. То, что я услышала и увидела, сокрушило меня. Молчать или сказать? Разорвать или остаться?

Говорите друг другу правду, увещевает Апостол, зная, что ложь и любовь несовместимы. Но как сказать правду?

И я молчу. Не смиряюсь, но молчу. Мы все — лжецы и лицемеры, — объясняю я себе, — мы все больны и должны носить тяготы друг друга. Молчать, чтобы вместе погибнуть?

Мне больно, но я молчу.

Мой духовник обманул меня в последний раз, когда обещал приехать ко мне в ссылку. Может быть, он не обманул бы меня, если бы я тогда сказала ему правду? Но он не приехал. Видимо, он боялся, что может лишиться возможности читать с амвона каждое воскресенье проповеди о любви?

Высшая правда победила мелкую правду. 99 овец оказались дороже одной. «Кто мой ближний?» — спросил у Иисуса тот, кто желал оправдать себя. *На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо»* (Лк. 10, 30–31). И левит прошел мимо, но самарянин, чужой, *сжалился. И, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем* (33–34). Так кто же из них троих —

священника, левита и самарянина, был ближним израненному разбойниками? — спрашивает Господь у того, кто желал оправдать себя. Он отвечает: *оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же* (37–38).

Великий Инквизитор был честнее, чем «разрешенные попы», он сказал Христу прямо: «Мы исправим подвиг Твой».

Подумать только — какое прочное единство! Единство пастырей и пасомых, охваченных страхом!

Наши дети кричат о помощи, но им не отвечают. Не молчат только друзья Иова. Они все так же защищают прерогативы Бога, Его власти. Они уверяют, что христианам совсем не обязательно защищать своих братьев по вере, что для этого существует Бог. И всякая защита — «от лукавого», всякая поддержка узников Христовых может только принести вред. «Искушения, искушения, — шепчут они, закатывая глаза. — Это только навредит». Кому же? Узникам вред уже нанесен. Значит, тем, кто защищает их? Или тем, кто их гонит? Другьям Иова всегда мнится, что они защищают правоту Бога. Наверное, они забывают, что правота Бога — это Его любовь. Прав бывает не тот, по слову Бога, кто защищает Его, ибо *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7) и, естественно, в защите не нуждается, прав тот, кто побеждает любовью страх, как проказу, как чуму, как тотальную эпидемию. «Милостивый должен быть выше своей правды» (преп. Исаак Сириянин).

Церковь стоит на крови мучеников, тех, кто исповедовал Христа до смерти, и тех, кто защищал исповедников, умирая за это на кресте.

По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоан. 13, 35).

А если нет любви?

И все же я не могу быть уверенной в этой очевидности. Наверное, это во мне говорит моя обида... Они, скорее всего, правы, я недостойна любви, недостойна, чтобы мне перевязали раны. Я сама никому не перевязывала еще ран, я ни для кого не пожертвовала собой. Почему я должна получить в награду любовь и сочувствие? Разве я достойна их? Составление «Надежды» было моим служением, моим христианским долгом. Оно естественно. Бог дал мне ту самую «единственную мину» в долг, которую я должна была, как каждый христианин, «пустить в рост».

Господь учит нас сознать себя рабами, ничего не стоящими, ибо *сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). О, как легко считать себя ничего не стоящей рабой Божией! Но как недолго живет во мне это благодатное чувство!

Есть высшая правда, борюсь я с собой. Они молятся. Молитвы безопасны. Их не слышат власти, они слышат только молитвы о себе, им громко поют «Многая лета», а о нас молятся тихо. Молились бы тихо, — увещевает меня начальник тюрьмы. Зачем зажигать свечу так, чтобы все видели свет, как призывает Христос, не лучше ли сокрыть ее? Зачем проповедовать на кровлях (Мф. 10, 27), не лучше ли таиться? Зачем доверять словам Христа: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28)? Зачем верить обетованиям Бога о том, что «боязливых» наряду с убийцами, любодееями и чародеями, и неверными, и всеми лжецами ждет *участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Отк. 21, 8). Да и кто теперь верит в эти пророчества, скажут одни, а другие рассердятся: ну, вот, уже и озеро серное... Да разве можно в наши особые времена пастырям полагать жизнь за овец своих, как заповедал Христос (Иоан.10, 9—16)?

Другое время. Мы спасаем Церковь, мы спасаем свой приход...

Мы нужны своему приходу! Зачем?

Христос говорит, что Ему не нужен этот «приход», если приходящие к Нему не посещают узников в темнице и не оказывают милосердия больным, нагим, голодным. Церковь, которая не благотворительствует, не защищает открыто гонимых Христа ради, которая стыдится своих исповедников и боится открыто признать своих мучеников, — не Церковь. С категоричностью и бескомпромиссной жестокостью говорит нам Господь об этом: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня... истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 41-45).

Известно, что не всякая церковь, именующая себя таковой, является истинной Церковью, не всякий христианин, именующий себя христианином, членом Тела Христова,

является им. Но есть ли критерий, указаны ли условия, позволяющие войти в Церковь? Те гневные слова нашего Спасителя, которые я только что процитировала с сердечным трепетом, говорят о бескомпромиссности «критерия» на Страшном Суде. Но есть и «критерий», определяющий принципы бытия для христиан еще в этом мире, до Суда. Надо ли уточнять, что, по сути дела, эти критерии едины? *С Ним шло множество народа* (заметим это множество народа, ибо многие хотят спастись, многие приходят ко Христу); *и Он, обратившись, сказал им: если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 25, 26). *Любовь не ищет своего* (I Кор. 13, 5), и, любя свое, нам трудно полюбить Бога и ближнего, и мы не можем исполнить заповедь о той любви, которая нам заповедована, любви, подобной любви Бога, а значит, не можем стать подобными Ему. Без этого подобия или обожения, как свидетельствуют св. Отцы, мы не можем быть спасенными. Те из нас, кто говорит, что мы можем любить свое так же, как Бога, или не верят Христу, или не в силах еще вместить в себя этот «спасительный максимализм» Божественных повелений. Чтоб войти в Свет, надо стать подобным Свету, изгнав из себя тьму.

Господь требует, как мы узнаем из Откровения Иоанна Богослова, именно этого от членов Тела Своего, Церкви. С гневом отвергает Он *сборище сатанинское*, с гневом говорит о теплохладности, о тех, что называют себя богатыми, т.е., надо полагать, членами Его Церкви, а сами нищи и наги, слепы и ничего не имеют. *Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв* (Отк. 3, 1). Но друзья Иова не слышат смыслов Слова, они защищают Бога и все еще спорят о критериях... И всегда пекутся о смирении, искажая и его истинный смысл. Старец Силуан, по-видимому, как и все праведники, много претерпел от лжехристианства и, определяя то, что отделяет истинную Церковь от лжецеркви, сказал: «Любовь к врагам и смирение Христово». Но может ли быть получена благодать любви к врагам, если нет любви к братьям по вере, к тем, кто страдает в темницах, кто гоним, кто бедствует от нищеты, болезней, насилия и лжи? Возможно ли получить благодать смирения, если она дается за любовь к врагам, а у нас нет любви к

друзьям? Если мы всегда правы, как правы друзья Иова, защищающие Бога от многострадального Иова?

Но что это — наваждение? Откуда же эта слепота и для чего она?

У св. Максима Исповедника есть объяснение этого «неведения», оно было известно и ему, как христианам всех времен за двадцать промелькнувших веков. Он называет это состояние ума, состояние веры «следствием отъятия ниспосланных прежде даров» за гордость, за самоутверждение. Да избавит нас всех Господь от того, что называет преп. Максим «нечувствием к потере добродетелей», ведущей к нечестию.

«Ибо привыкший оказывать неповиновение Богу (преслушанием заповедей) и Самого отречется Бога, когда позовет на то какое обстоятельство (угрожая за верность заповеди смертью), т. к. плотскую жизнь предпочитает Богу и плотские удовольствия в чувствах сердца имеет лучшими всяких Божественных повелений».

Так и тянулись, мой ангел, в этих спорах с собой и воспоминаниях дни и ночи, которых я не замечала. Мне казалось, что они бесплодны и что в безобразии плодов, представшем моей страждущей душе, в безумии перед Богом, увиденном мной, нет исхода.

Спор о Церкви и с самой собой изнурял меня. Он всегда изнурял меня, как и каждого из нас, уверенных в том, что вне Церкви мы, православные, не можем обрести единство с Тем, Кто есть Надежда, Путь, Истина и Воскресение.

Этот спор начался давно. С приходом в Церковь. Тогда же, когда произошел первый разрыв, первый в моей новой жизни разрыв с близким другом, от которого я впервые услышала о христианстве и Церкви. (Через десять лет этот разрыв уже в первые дни после моего ареста завершился предательством пошлейшего свойства — мой старый друг сам пожелал разговаривать с моими гонителями, которых, как оказалось, он почитает спасителями нашего Отечества, но не это является, к счастью, темой моего письма к тебе.)

Я не хочу повторять всех обвинений, которые были предъявлены более чем пятнадцать лет назад Ш. Русской Православной Церкви, членами которой мы захотели стать.

Это была целая цепь разрывов, звено за звеном отрывались со страшной мукой и нестерпимой болью. Полагаю, что боль испытывал и он, наш оппонент. Мы «бились» как воины с тем, кто еще недавно был так дорог нам, через кого Господь позвал нас. Мы защищали Церковь, ее, как он уверял, «продажных епископов» с недоступной нам еще недавно твердостью и последовательностью. Мы отвергли категорически все его утверждения, что на нашей Церкви давно уже «нет благодати». Мы писали книги, спора с ним, защищая Церковь. В одной из моих статей, вошедших в приговор суда, «Есть ли надежда у России?», утверждалось, что епископы, добровольно пошедшие в плен, несмотря на лжесвидетельство, не могут повредить Церкви, ибо народ церковный воспитывает их и покрывает их грех своей верой. Безумие перед Богом было оправдано мной! О, как постыдно легкомыслие, как однообразен отец лжи и как изощрен, чего уж только не сочинит безблагодатный ум! Мне стыдно вспоминать написанное мной в той статье, но, по-видимому, в то время я должна была именно так закончить спор с тем, кто его завел, и с собой, чтобы вернуться к нему в усть-канском изгнании. Там не было храма и мне не довелось встретить ни одного православного. В полной оставленности, в ситуации, которая была определена одним из моих корреспондентов как «желание оторвать тебя от Церкви», и должно было мне испытать жажду истинной Церкви и окончательно отринуть церковную ложь.

Спор этот, так же как и воспоминания, изнурял меня. Так было нужно. Богу было угодно, чтоб боль длилась и длилась. Я должна была потерпеть страх и гнев. Я должна была устать от них и утихнуть. И сказал: *выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы перед Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веянье тихого ветра, и там Господь (3 Цар. 19, 11–13).*

Но путь к Царству сначала преграждает большой и сильный ветер, загромождают разрывы землетрясений и опалает нестерпимый огонь. И только после огня может возникнуть веянье тихого ветра...

Если бы тогда не был начат тот роковой спор о Церкви, наверное, ничего бы не было, не были бы написаны наши книги, не было бы «Надежды», не было бы обысков, тюрем, ссылок... Спор должен был быть разрешен жизнью. Выбирай себе жизнь, чтобы жить, — сказал Моисей народу Божьему. Я повторила эти слова следователю, предлагавшему мне «свобо-ду».

«Дай мне Царство!» — кричу я в тюрьме, зная, что недостойна Царства. Но «путь к свободе лежит через тюрьму». А путь к Царству, понимаю уже я, идет через ежесекундное преодоление сатанинских искажений. В познании себя, Бога, Церкви. Сатанинские искажения побеждаются, по учению св. Отцов, постоянным погружением мысли в Бога и смерт-ной памятью. Путь к Царству — путь н а з ы в а н и й постига-емой реальности, не трактовка ее с точки зрения выгоды, а открытие в созерцании истинных смыслов благодатной силой Духа Святаго (ясно, что выгода — понятие отнюдь не только материальное, но и духовное).

Без покаяния души и сердца, без покаяния мысли путь называний истинных смыслов невозможен. Покров тьмы столь прочно поработает ум и сердце, «превратность» ума становится столь твердой, что для сокрушения ее нужны немислимая энергия и сила страдания, рождающиеся неведомо откуда, из сокрытых от нас источников.

Но на грани жизни и смерти, на краю бездны отчаяния плач о Церкви и о себе, плач об измене Христу, ужас перед чудовищностью и безумием предательства Его неожиданно рождают тихую надежду.

Я спешу записать для тебя череду утрат и надежд, бесплодные скитания моей мысли, стучащейся в мной же воздвигнутые тупики. Я спешу назвать это бесплодие своей мысли, определить его как о с т а в л е н и е. Оставление было, для меня теперь это ясно, наказанием за желание оправдать свой путь.

Наш спор о Церкви был тогда бесплодным, потому что мы спорили в пустоте. Каждый в своей пустоте, потому что каждый хотел оправдать с в о й путь. Каждый ищет *своего*, а не *того, что угодно Иисусу Христу* (Фил. 2, 21). И потому не было мужества мысли и сердца, необходимых для того, чтобы стать

на путь созерцания и называния истинных смыслов реально-сти.

«Есть четыре главных вида оставления Божия. Иное оставление промыслительное, как то было с Самим Господом, иное испытательное, как было с Иовом и Иосифом, дабы явить одного столпом мужества, другого столпом целомудрия. Иное оставление духовно воспитательное, как то было с Апостолом Петром, дабы смиренномудрием сохранить в нем преизбыток благодати. Иное, наконец, по отвращению, было с Иудеями, дабы наказанием обратить их к покаянию. Все сии виды оставления спасительны и исполнены Божественной благодати и человеколюбия». Эти слова преп. Максима Исповедника открыли для меня тот промыслительный смысл разрыва лжехристианства с православием, который явил все безобразия своих плодов.

Духовный разрыв с православием начался не с нами, а значительно раньше, он протекает не во времени и не в пространстве, и ни один день, как и всякое время в любом его измерении, не властен прекратить или покрыть этот разрыв. Он происходит в духе.

Моя душа, измученная горьким плачем о Церкви, воспоминаниями измен моих и чужих, была внезапно утешена другой памятью. Слово бы отошло от нее облако, сковавшее ее темными влагами.

Что это было? В безлюдной усть-канской пустыне проснулись колокола. И я увидела, что каждое дерево — храм, что Церковь наполнила Собой все. Полнота Наполняющего все во всем (Евр. 1, 23). Но кто же может войти в эту Полноту, Тело Христово, в то духовное человечество, восприявшее бессмертие своего Творца, заповедавшего *потерять душу* в мире сем, чтобы обрести ее в Полноте Наполняющего все во всем? Кто достоин войти в эту реальнейшую из Реальностей? Во все времена человеческой истории человек обращает к Богу этот вопрос и получает ответ: *Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом* (3 Цар. 19, 18). *Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток* (Рим. 11, 4). Надо ли пояснять, что семь тысяч, так же как и остаток, символическое число и что оно пополняется и будет пополняться до скончания времен?

Все торжествует Твою победу, Господи, Твоя Церковь благовествует ее в каждой капле бытия.

Оковы гор стали мягкими, как воск, редкие деревья, вбирая в себя небесную голубизну, золотились куполами. Я увидела другой мир, погруженный в Царство. Да придет Царство твое...

Церковь нельзя забрать, и от Нее оторвать невозможно. Она у нас в сердце. Путь к Царству начинается в сердце и не может закончиться в сердце.

Разрыв с православием происходит в духе тогда, когда мы хотим оправдать себя и свой путь. Это — разрыв с Небесной Церковью, уход из обители православия.

Заговор сатаны пошел и неосуществим, но он хочет осуществить его в каждом начинающемся дне и продолжить каждой ночью. Значит, это должно длиться до тех пор, пока для нас не воссияет свет не вечернего дня.

Заговор сатаны пошел, и цель его известна: сломать душу и сжечь совесть. Но в каждом дне, протекающем на определенном для того пространстве, одна и та же цель обрывается своими реалиями.

Разрыв земной Церкви с Небесной ломает душу и сжигает совесть. Но не сразу, конечно. Время оставления Господня нам не дано учесть.

Путь к Царству начинается с преодоления сатанинских искажений, заживления немислимых разрывов в духе. Но человеку это невозможно, возможно это только Богу (Мф. 19, 26).

Но что же значит разрыв с Небесной Церковью? Да и может ли земная Церковь существовать отдельно, вне связи с Небесной, спрашивают все те же друзья Иова. И в чем, как обозначается эта связь здесь, «на земном уровне бытия»?

Она никак не может быть обозначена. Связь существует в духе и истине (Иоан. 4, 24). И обнаруживается в плодах. *По плодам узнаете их.* Духовные плоды до поры до времени невидимы. Но Бог в нужное Ему время являет их непременно. Мир сохраняется именно плодами духа, дарующими силу производить плоды во всех других сферах бытия. Так, мученики и исповедники — земная Церковь — побеждают страх и боль телесных страданий — не своей силой, а силой, дарованной главой Небесной Церкви — Христом. Но побеждают

тогда, когда еще до телесных мук, которыми мир будет убивать их, они силой духа стали мертвы для мира и живы для Небесной Церкви, соединившись с ней в духе и истине.

Земная Церковь не может быть в единстве своих членов, еще живущих на земле, и одновременно в единстве с Небесной Церковью, не может стать Телом Христовым, учит нас евангельское откровение о Церкви и Предание, если живет по правилам, установленным для нее миром, которые духовно чужды Небесной Церкви. Она не может быть единым Телом с Небесной Церковью, если разрывает с Ней, не прославляя открыто своих мучеников, то есть Небесную Церковь, и не находясь в открытом миру единстве со своими исповедниками.

Так что же, могут снова и снова спросить нас с тобой друзья Иова, это — суд, приговор, отвержение?

Бог будет судить Свой народ. Его Слово будет судить. Наш суд не нужен, он ничтожен и бесплоден.

Это — не суд, а ревность о христианстве, об Истине, о Церкви, неутрачивающая боль о попрании правды Христовой. Это отвержение лжи, опощающей то, что опощить невозможно.

Сеющие слезами — радостью пожнут, — утверждает Псалмопевец.

Каждое дерево, как бы ничтожно мало их ни было в усть-канской пустыне, сверкало своими куполами, колокольный звон, что чудился мне в чаше усть-канской земли, погруженной в полноту Наполняющего все во всем, был слишком недолог и тих, но моей измученной разрывами душе было хорошо именно оттого, что в нем было больше тишины, чем торжества.

Я наконец поняла, что преступно было с моей стороны обвинять и требовать силы от тех, кому не было Богом дано силы исполнить завещанное Им.

Не знаю, сумела ли я рассказать тебе о милости Божией, утешающей заблудшие души возвращением к столпу и утверждению Истины. А я хотела именно этого.

Я хотела поделиться с тобой своей радостью и начала издали, чтобы объяснить тебе, почему так важно увидеть сегодня безумие перед Богом в безобразии, явленном нам в плодах лжехристианства.

И это начало, еще одно начало на том же самом пути.

И снова — тот же самый выбор.

Я хотела передать тебе свою радость и свою надежду, которую не может истребить никто.

Прости, если я утомила тебя столь долгими посланиями. Они были важны для меня, может быть, больше, чем для тебя.

Храни тебя Матерь Божия, Заступница наша.

Зоя

Усть-Кокса

8 июля 1987 г.

Я СТРОЮ МОНАСТЫРЬ

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ, ЕСЛИ ИХ ХОРОШО СПРЯТАТЬ

«Лефортовские записки» писались необычным образом.

В тюремных условиях их невозможно было просто воспроизвести карандашом или ручкой на бумаге. А между тем они «осаждали» мой ум.

Тогда я вынуждена была что-то записывать, дабы освободиться от мыслей, атакующих мое сознание, пробовала «кодировать» свои записи, не надеясь на то, что сама смогу их прочесть. Тетради просматривались на еженедельных обысках в Лефортовской тюрьме КГБ. Входя в камеру, две «шмоначки»*, как мы называли их с моей соседкой, лениво просматривали книги и тетради, они знали, что все это непременно будет отобрано при уходе на этап. Более тщательно они искали деньги, лекарства, предметы, которыми можно воспользоваться для самоубийства.

В тетрадях были записи из «Надежды». Пока «Надежда» была моим «уголовным делом», я могла пользоваться ее текстами, выписывать их и уносить в камеру. Оставшееся от

* «Шмонать» на тюремном языке значит — обыскивать.

допросов и дневной прогулки дневное время уходило на чтение Библии и текстов из «Надежды», которые я выписывала на следствии.

Перед этапом все забрали, все до последнего листочка: и выписки из Библии, и мои «закодированные тексты». Спорить было бесполезно.

На пересылках я восстанавливала по памяти то, что было в конфискованных записях, но на обысках мои записи вновь конфисковывали.

Попав в усть-канскую ссылку, я в первые же дни восстановила то, что сохранила моя память.

Через два дня после того, как меня привезли в ссылку, я приготовила для тюрьмы мешок с необходимыми вещами. Я не верила, что меня оставят в покое.

Когда меня поселили в барак (первые дни я жила в сельской гостинице) и я наконец осталась одна, для меня началась та жизнь, о которой я могла только мечтать в тюрьме. В бараке, старом деревянном доме, где жили строительные рабочие, не было ни воды, ни туалета, а зимой и тепла (нужно было топить печь). Но мне не нужен был комфорт, я могла топить печь, носить воду из колодца и пользоваться «парашей». Важно было другое. Я была одна. Я могла сидеть в темноте, погасив свет, и говорить с Богом и с самой собой.

О чем же я говорила с Богом? Я узнала Его любовь и стала жить Его любовью. Он не оставлял меня в самые ответственные минуты ни на следствии, ни на суде, не оставлял в пересыльных тюрьмах и на этапах. Нет, Бог не совершал чудеса, все, что произошло со мной, было чудом. Я не стала лучше, чище, безгрешнее. Я просто стала любить Бога.

С тех самых первых недель в Усть-Кане, когда я начала понимать, что со мной что-то случилось, что я разлюбила то, что когда-то любила, отвыкла от того, к чему была приучена и что составляло основы моего быта, прошло почти десять лет. И теперь, совсем недавно, я поняла, что каждый человек, который будет испытан огнем христианства, так же как каждый, кто попадет в тюрьму, непременно выйдет оттуда другим. Его будут менять сначала страх и себялюбие, страх за близких, мысли о будущем, приговоре, о годах страданий.

Потом он привыкнет к тюрьме, лагерю, ссылке. Он привыкнет к тому, что он — узник.

Однако узник — это уже другой человек. Он не свободен, за ним следят сначала из тюремного «глазка», затем к нему приставляют шпионов, надзирателей и так далее. И тут должно произойти чудо: узник должен стать свободным. Он должен обрести духовную свободу или отказаться от нее навсегда.

Однако духовную свободу может дать только Бог и тогда только, когда Он сам того пожелает.

Отказавшись от нее именно в тех условиях, которые требуют и способствуют выбору: стать рабом или свободным, узник может остаться навсегда узником. Даже на воле, узником у любого из людей, узником у самого себя и своих страстей.

Тюрьма, как всякий плен, ломает нас, она ломает зависимостью от палачей, ломает тем людоедским режимом, который превращает человека в предателя и убийцу. Ты окружен предателями и убийцами, потенциальными и реальными, ты должен умереть для прошлой жизни и родиться заново, иначе ты станешь пластаться по земле, как червь, даже тогда, когда выйдешь на свободу. Тюрьма, которую создал советский тоталитаризм, — это совершенная модель советского тоталитаризма. Она обнажает то, что тщательно скрывали создатели тоталитаризма и их верные слуги.

Сегодня, когда давно отпущены все те, кого мир почтил именем «узников совести», те, кто держался в лагерях и тюрьмах «молодцом», и те, кто уступал дьяволу, изменял Богу «внутри себя», сдаваясь, уставая, падая в бездны собственной низости и слабости, видно, что тюрьма не могла не изменить каждого из нас. Изменить характер, привычки, прежний стиль отношений с людьми. Изменила она и Феликса Светова. Он ослабел духом.

Я заметила это вскоре после того, как он вышел из тюрьмы и нас поселили вместе в Усть-Коксе. Я не буду касаться здесь причин, которые изменили его ум и душу. Он побывал в аду. Тюрьма — это ад, и спустившийся туда неизбежно выходит оттуда другим.

Вернусь к своим «Лефортовским запискам». Я писала их тайком, занавесив шторами окна в бараке, когда была уверена, что милиционер, приходивший ко мне внезапно (ему было поручено КГБ наблюдать за мной), избавит меня от

своего посещения. На маленьких листках под копирку я писала то, что потом обрело форму «Лефортовских записок». Я писала потихоньку, осторожно, много раз переделывая, переписывая начисто, сжигая черновики и сворачивая готовые бумажки с текстом в трубочки для того, чтобы потом сложить их в стеклянные банки и спрятать под пол. Барак, в котором я жила, был старый, пол в сенях проваливался под ногами, туда уходили умирать кошки. Поднимая или сдвигая полупрогнившие доски, я складывала под них банки с моими «трубочками» исписанной бумаги. Банки были пыльные, я прикрывала свои бумажки грязными тряпками, чтобы никто не польстился на них, и когда мой сосед уходил на работу, запирала входную дверь и проверяла, на месте ли мое сокровище.

Иногда сосед тоже начинал копать под досками пола, я догадывалась, что он тоже прятал туда что-то или искал потерянные спяну деньги. Тогда я вынуждена была прятать мои записки в комнате в старой обуви под стельками или в кладовке.

Однажды ко мне пришли с обыском. И снова в моем жилище перелистывали мои тетради, книги, подшивки газет, рассматривали обувь, обыскивали кладовку. Я молилась Божьей Матери и Николаю Чудотворцу.

Следователь и его помощники не нашли моих рукописей.

Перепрятавая их то и дело, я сделала две копии. И однажды нашла, как мне показалось, безопасное место. Старую водопроводную трубу, валявшуюся у барака. Один конец ее врос в землю. Я протолкнула с помощью палки завернутые в тряпки и целлофановый пакет записки и надеялась, что их никто оттуда не достанет. Не смогла я достать оттуда их и сама, когда меня перевозили на другое место ссылки. Благо у меня были копии написанных текстов. Одну из них удалось даже переправить на «материк» — в Москву.

«ОН ОТРЕЗВЕЛ ОТ ОПЬЯНЕНЬЯ ТЬМОЙ»

Эту фразу я не так давно прочла в апокрифах древних христиан.

Она вернула меня к моим мыслям и догадкам о мире, которые все годы ссылке были предметом моих

размышлений. Мир и христианство, могут ли они сосуществовать, или они настолько полярны, что христианство, уступая миру, перестает быть таковым, каковым оно было в апостольские времена, и постепенно превращается в псевдохристианство? И значит, каждое поколение христиан и каждый из нас в отдельности постоянно должен испытывать тоску по тому христианству, которое даровано в Новом Завете и на которое у нас нет сил, если мы не только живем в падшем мире, но и не в состоянии «отрезветь» от опьянения тьмой этого мира.

Собственно, в этой фразе, поразившей меня не только образностью и глубиной своего смысла, нет ничего, чего бы мы не знали из Евангелия и апостольских посланий. Ведь и в начале Библии, тогда, когда мы узнаем, как был сотворен наш мир, тьма и свет предстают пред нами как таинственные силы, две стихии, существование которых столь же слито и взаимозависимо, как день и ночь.

Тьма есть зло. «Весь мир лежит во зле», — говорит Апостол Иоанн Богослов (I Иоан. 5, 19). Не любите мира, — говорит он. Потому что он — во зле лежит. «В дьяволе», — уточнил кто-то из церковных мыслителей. Мир лежит во тьме, и потому дьявол называется «князем тьмы», властителем ее. «Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего», — говорит Господь (Иоан. 14, 30). Он не может, в отличие от нас, стать «опьяненным тьмой», над ним не властен «хозяин тьмы». Господь — Свет Неприступный, Свет Неизреченный, Невечерний, «Свете тихий» поет Церковь на вечерне. Для того, чтобы освободиться от власти «хозяина тьмы», нам надо «отрезвиться» от тьмы и войти в «род неподвижных». Это — род спасенных, тех, кто войдет в Царство Света. «Род неподвижных» — это тоже найдено мной в апокрифах древних христиан. «Этот нашего рода», — говорила Пресвятая Богородица о преподобных Сергии Радонежском и Серафиме Саровском.

Узнавание истинного христианства и проникновение в его смыслы сокрушают сердце. Какое-то время оно радуется, затем его охватывает печаль. Ностальгия по Свету, Который созидает тот самый «род неподвижных», овладела мною задолго до тюрьмы. Несомненно, сборники Христианского чтения «Надежда» собирались для того, чтобы преодолеть тоску по

Богу. «Я вышел на поиски Бога», — писал Александр Галич, внезапно переживший тоску. Он был поэтом и записал свою ностальгию в стихотворении. Я ее утоляла, собирая «Надежду».

«БУДЕШЬ ПОСЛУШНИЦЕЙ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА . . .»

Теперь я знаю, что тюрьма была не только печью, в которой я должна была быть обожжена огнем христианства. Она была школой. Я училась понимать евангельские реалии и должна была узнать: возможно ли исполнить завещанное Богом? Возможно ли невозможное?

На этот вопрос отвечает Христос: «Невозможное человеку возможно Богу» (Лк. 18, 27). Он говорит о необходимости нашей близости с Ним...

Я торопилась записать пережитое, догадки моего ума, тюремные мысли. Я готовилась к тюрьме. Особенно после обыска в моем бараке. Я понимала, что начался «второй круг». Я торопилась завершить работу.

И поэтому в ней так мало описаний моей внешней жизни, в ней нет пространства и почти нет времени. Я записывала только то, что уже прожито, но, как я считала, у меня нет времени углубляться даже в рассмотрение одной из самых дорогих мне идей. Это — тема побега. Она возникла только во второй части книги — в «Письмах из ссылки».

Еще тогда, когда я составляла «Надежду», я не только испытывала тоску по Богу, погружаясь в книги и рукописи, открывающие смыслы христианской жизни, я начинала догадываться, что человечество не просто «опошло христианство», приспособив его к миру, что после создания Церкви и страшных гонений, которые она претерпевала, христианство, как иная жизнь, как тайна, влекущая к особому бытию, начало переживать трагическое разделение. В своих «Письмах из ссылки», включенных в эту книгу, я назвала это «исчезновением христианства».

«Мир другой» — эта мысль, поразившая меня в первые дни пребывания в Лефортовской тюрьме, была брошена мне как веревка, которую бросают человеку, повисшему над пропастью. Конечно же, он — другой.

Мы не можем увидеть его таким, каким он создан. Для этого нужен дар другого зрения. Не имея его, мы видим лишь малую часть «айсберга».

Нет, речь идет не о том, что нам не дано видеть пространство мира на всем его протяжении и бег времени, меняющего внешнюю оболочку мира и человека. Нет, речь идет о сокрытых тайнах и глубинах мира невидимого, но реального и пребывающего с нами и в нас в каждый миг. И в каждой точке нашего бытия.

«Мир другой». Что это было, когда в мой испуганный ум тихо вошла эта простая, казалось бы, ничего не значащая мысль? Предположение? Вера? Знание?

Это было знание, сначала промелькнувшее в моем уме, затем подтвержденное чувством любви, ее внутренним видением, любви, в которую погружен мир. Не только тот, «другой», вечный, из которого истекают любовь и благо, но и тот, в котором я пребывала. Мир моей тюрьмы. Значит, меня зовут туда? В тот, другой мир. Зовут из тюрьмы в свет любви? Как же я должна себя вести, что делать, чтобы стать достойной этого пира веры, любви, надежды? Я не знала этого. Я не должна была еще знать этого, ведь я только на мгновение пришла оттуда, из тьмы...

Тогда-то, в тюрьме, в тот момент, когда я увидела мир, озаренный Божественной Любовью, я начала понимать, что христианство «другое». Иное. Оно — иночество. А законы этого иночества, этого монашеского бытия записаны в Новом Завете.

«Род неподвижных». Что же такое эта «неподвижность»? Неподвижность ко злу? Постоянство в добре и любви, неподвижное пребывание мысли и сердца в Боге? Что еще?

Нет «черного» и «белого», «вольного» христианства. Господь не делит человечество на тех, кто должен исполнять сказанное Им, кто должен пребывать в Нем («Пребудьте во Мне»), чтобы не сгореть, и на тех, кто может быть свободен от условий «союза» с Христом. «Ко всем же сказал (заметим слова «ко всем»): если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9, 23).

Но этого мало, мало отвергнуться себя, нужно, уверяет наш Бог, «потерять душу свою ради Него».

Это безумие. Мы не будем на это обращать внимание, — говорят христиане. Христос, видимо, ошибся, или перевод неточный. Это — образ, говорят христиане. Символ. Христианство символично, — любят объяснять «знатоки» религий.

Этот текст непостижим до тех пор, пока человек не узнает любовь Христа и смысл Его жертвы. И поймет, что Христос требует ненависти к своему для того, чтобы она «расчистила» место для истинной любви. Не животной любви, не плотской, а той, которая является залогом Воскресения и которая подобна любви Христовой. И до тех пор, пока человек не поверит в воскресение как реальность и в вечную жизнь как в жизнь сегодняшнюю, сиюминутную, он не поймет, почему Христос требует от него невозможного. Это станет ясно, когда мир увидится другим, увидится каплей в деснице Бога. А ты или я — песчинкой, малой песчинкой, которую вот-вот унесет ветром туда, куда пожелает Господь. Этот текст непостижим и открывается «ключом веры». Ибо вера и есть «другой мир». И там действуют другие законы. Они основаны на полном доверии к Богу.

Напрасно эти тексты пытается понять «здравым смыслом» тот, кто не обрел еще сокровища веры.

Он отвернется от этих слов. Они предстанут его уму жестокостью, невыполнимой и мучительной. Он не пойдет в христианство, он пойдет в «полухристианство», туда, где есть все, что может показаться христианством: и священник, и храм, и обряд. Только не будет огня. Другого мира не будет. И потому сразу после этих слов Христос просит Своих слушателей прежде, чем идти к Нему, «исчислить издержки».

Уже перед самым арестом я начала «исчислять издержки». Счет был колоссальным, я не могла его заплатить. Но Христос не может говорить пустых слов. Он не может звать туда, куда нет дороги. Тем более что речь идет не об устройстве душевного комфорта, не об осуществлении дерзкой мечты, не о причастности к «тайному ордену избранников» и не о самом низком: о моде на христианство. За Христом идут толпы, шли двадцать веков назад, идут и теперь. Зачем? Кто из этого «множества» может возненавидеть свою жизнь, чтобы стать Его учеником?

Но что это значит — быть Его учеником? «Я не называю вас рабами, я называю вас друзьями», — говорит Он ученикам перед крестной смертью.

Да, я уже понимала, что речь идет о том, что превосходит все, известное мне в этом мире, что превосходит все страхи и муки, всю боль, обиды и поражения. Что это преимущество «рода неподвижного» превосходит все блага мира сего. Это — воскресение, вечная жизнь. Желание ее заложено в каждом, даже в тех, кто не слышал никогда этого зова. Но в том, в ком он услышан, кто разбужен жаждой Бога, жаждой вечного бытия с Ним и в Нем, в Его непостижимой любви, которой можно достичь лишь через крест, в том этот зов не иссякнет.

Я должна расстаться с любовью к этому миру. К своим домашним. «Освободи меня!»

И вот я у старого монаха, которого почитали за прозорливого старца. Я специально приехала к нему в монастырь. Я не первый раз у него. Он знает мою «Надежду» и знает, что меня ждет тюрьма.

Монашество — это форма, — говорил незадолго до моего приезда в монастырь один известный в России священник. Нет, я не соглашусь с ним, в христианстве нет просто формы, в христианстве форма помогает познать тайну. Так каноны св. Церкви не нужны тем, кто живет в другом мире, не будет их и в Царстве Небесном, они нужны на земле для того, чтобы исполнялась воля Бога. Поэтому за нарушения законов следуют наказания. Церковь обязана хранить чистоту своего завета с Богом.

Старый монах слушает мой сбивчивый рассказ. В нем нет ничего нового для него, все привычно. «Будешь послушницей год», — отвечает он и провожает меня. Провожает в тюрьму, подошло мое время, и он это знает, поэтому так горячо молится русским святым, прощаясь со мной...

МОИ МОНАСТЫРИ

«Тюрьма была моим монастырем», — написала я в первом письме из Лефортова на волю, когда после суда получила право на переписку.

Старый монах, провожавший меня в тюрьму, призывая стать в течение года послушницей, сам испытал тюрьму. Он знал, что монахи, избирающие подвижническую жизнь, отказываются от многих удобств, которых лишены и узники. Терпение унижений, пост, непрестанная молитва, мучения плоти, короткий сон, как правило, на земле или на полу, — вот что ищут те, кто решился на подвижничество. Все это, кроме непрестанной молитвы и церковных служб, можно было обрести в тюрьме. Я вспомнила об этом на пересылке, когда мне пришлось спать на голом грязном полу под нарами.

Зачем я живу? — не раз, просыпаясь ранним темным утром в тюрьме, думала я. Чтобы быть свободной в тюрьме? *Познаете истину, и истина сделает вас свободными*, — говорит Господь (Иоан. 8, 32). Значит, можно быть свободной в тюрьме?

Моя борьба за свободу в тюрьме могла начаться только после того, как Бог смиловился надо мной и помог победить страх.

Но прежде чем это случилось, я должна была наконец решиться умереть. «Громкие слова», могут сказать мне. Да, так оно и есть. Но при всей их «громкости» и торжественности, даже некоей напыщенности они крайне просты. Простота их может быть осознана только в роковых обстоятельствах тюрьмы. Чтобы выстоять перед натиском лжи и насилия, пробуждающих ужас в моем уме и сердце, нужно было сказать Богу: спаси меня, и я останусь только с Тобой.

Это был обет.

Я стояла спиной к «глазку», у тюремного окна. У меня не было будущего. У меня было только настоящее. Темное, высокое окно камеры, металлическая дверь, запертая снаружи, и моя соседка, которая всматривалась в мою спину...

Помню, как поразила меня история позднего монашества Константина Леонтьева, русского писателя, философа, дипломата. Предчувствуя гибель на чужбине от страшной болезни, поразившей его, он дал обет принять постриг, уйти от мира. Постриг был принят незадолго до смерти.

Это чисто русская история, русская тоска по Богу. И вера в чудо.

ТРАГЕДИЯ ОСЛЕПШЕЙ СВОБОДЫ

«У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия», — писал русский мыслитель Георгий Федотов, чудом оказавшийся, как и многие другие русские мыслители, философы и богословы, в эмиграции. Они оставили нам богатейшую культуру. Ее нервом, ее любовью, ее плачем была Россия, не только как утраченная родина, но как образ веры, образ мысли и чувства. Странная страна, где постоянно война сменяется миром, где разрывы, цареубийство и братоубийство становятся бытом, а совесть, измена и мука измены открывают миру сатанинские глубины падшей души и высочайшие порывы к покаянию, пробуждая неистощимые источники духовного творчества. Россия всегда была расположена к глубоким и быстрым переменам, была языческой, разбойной, жадной и мятежной, ее властитель, принимая крещение, ослеп от Света христианства и, внезапно прозрев, решил, что возможно крестить в одночасье весь народ. А он бежал за своими богами, топил их и спасал одновременно. Она была монаршей империей, православной державой, одетой в византийские золоченые и парчовые ризы, после того как Византия принесла ей свое православие. А когда пала Византия, то стала ослабевать духовная сила России. И из православного царства, освященного горящими светильниками Святой Руси, она превратилась в атеистическую богоборческую страну-лагерь, страну ГУЛАГа, где каждую минуту не только распинали Бога, но и расстреливали «врагов народа»: пастырей, их паству, их палачей...

Русская революция, называемая то «пролетарской», то «социалистической», была не только политическим переворотом, она, независимо от ее квалификации, была осуществлена как грандиозная античеловеческая акция. Это была «антропологическая революция» по сути своей, ее теоретики и практики поставили своей целью изменить природу человека, не только «построить свой мир», но и «построить» своего человека, способного жить в этом заново построенном мире. Мире, разделенном на касту партийных властителей разного калибра и их рабов.

Это антропологическое преступление, преступление против человечества, совершенное не без активного участия

сатаны, сродни чудовищным опытам гитлеризма, слуги которого в концлагерях пытались исказить природу человека с помощью скальпелей, операций, «пересадок» и «ампутаций».

Главной задачей большевиков было упразднить духовное, нравственное начало, «ампутировать душу», запретить совесть (для этого возводились лагеря и психушки) как тончайший орган различения добра и зла и вытравить из души тоску по Богу, жажду добра и жажду познания смысла своего бытия, познания мира как творения Божия.

Пользуясь категориями, которыми оперируют историки, мы можем определить построенный большевиками ад как крайне жесткую форму рабовладельческого феодализма.

Так называемая «перестройка», то самое детище Михаила Горбачева, которое сегодня редко кто вспоминает без упреков в обмане, кроме многих все же положительных явлений (в частности я имею в виду гласность), обнажила всю зловещую роль большевизма, его политическую и духовную суть. Перестройка оказалась не только мостом через реку истории, а также явным знаком, свидетельствующим о невозможности такого рода «перестройки», и, столь бодро и весело начатая ее «прорабами» во главе с «архитектором», породила целую череду катастрофических разрывов. Они были заложены в идеологии перестройки. Именно в той настойчивости, с которой Горбачев хотел сохранить «социалистический выбор», компартию и СССР, применяя насильственные методы, и высветилась вскоре главная идея «архитектора», а именно — идея «возможности реванша». Она оказалась особенно опасной, породив весьма быстро различные виды большевистского реваншизма. Самыми опасными из них являются реставрация коммунизма, за которую борются коммунисты, спасенные их бывшими товарищами по партии от закона о «люстрации».

Вторым, но не менее страшным губителем России становится нацизм, которому помогают пастыри Московской Патриархии, не отдавая себе отчета в том, что, благословляя «православных нацистов», они вдохновляют их на создание в России фашизма гитлеровского толка.

В поражении Горбачева есть много поучительного для всех нас, иначе вряд ли стоило бы останавливаться на рассмотрении уже минувшего политического периода. Самым поучительным и полезным представляется мне определение роли

сознания личности, включающейся в исторический процесс общественного преобразования, при этом игнорирующей «перестройку» своего собственного сознания. Это относится не только к тем, кто был вовлечен так или иначе в эту затею, будь то сам Горбачев или его соратники, в любых областях. Между тем работа над сознанием, изменение его в процессе самоанализа и самооценки задана человеку. Для этого Творец одарил человека волей и совестью, тем, что И.А.Ильин называет «центрированностью» личности, осознающей свою особую роль в отношении к Богу и миру. Если человек отказывается от работы совести и воли, он постепенно становится «биологическим организмом», которым сам управлять не может, предоставляя другим силам властвовать над ним.

Затея с «ускорением», «общечеловеческими ценностями» и прочими «горбачевскими новшествами» не могла осуществиться, ибо невозможно, как известно из Нового Завета, влить вино молодое «в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф. 9, 17). Речь идет о новом мирочувствии, а значит, о новой жизни. Новое вино — это новое духовное богатство, которое не может вместиться в ветхие формы.

И потому перестройку общества следовало начинать с изменения сознания, с перестройки сознания. С покаяния. Перестройка сознания и есть покаяние. Но ни Горбачев, ни его соратники, ни те, кому было предложено перестроить свою жизнь, не знали этих духовных реальностей бытия. Не знает большинство населения нашего Отечества этого и сегодня: духовное просвещение в России отсутствует уже в течение почти целого века.

Нет, нам не пристало винить Горбачева в том, что он не знал, что каждый житель подведомственного ему государства представляет из себя уникальный и неповторимый мир. Он думал, что бытие определяет сознание и что новая экономика, ускорение и гласность, образуя «социалистический выбор», обеспечат исполнение его политической мечты. Она не состоялась не потому, что соратники экс-президента, так же как и он, не предвидели, что 19 августа 1991 года к Белому дому придут те, кто уже не верил в то, что бытие определяет сознание. Они больше не верили в перестройку, потому что

привыкли к тому, что никому не нужны. Но так долго быть не может, и наступает момент, когда человек, где бы он ни оказался — на каторге или рядом со смертью у Белого дома — начинает вдруг понимать, что обладает неоценимым даром — образом Божиим, и носит в себе целый мир, который никому не удастся уничтожить.

Как случается это чудо пробуждения, как возникает это драгоценное самосознание, — мы не знаем. Но святые свидетельствуют о своем опыте познания Бога и сотворенного Им мира, свидетельствуют о том, что зло имеет предел. «Так как порок не простирается в беспредельность, но ограничен необходимыми пределами, — говорит св. Григорий Нисский, — по сему самому за пределами зла следует преемство добра». Комментируя эти строки св. Григория, русский богослов протоиерей Г. Флоровский утверждает, что св. Григорий говорит об исчерпывающей полноте грядущего восстановления, о том, что только для стремления к добру есть бесконечная среда, делающая возможным «бесконечное движение». «Эта 'бесконечность' есть свойство добра, — утверждает св. Григорий, — у него нет предела...»

Вероятно, поэтому св. Григорий Нисский уверен в том, что «свобода есть необходимое условие добродетели».

Да, так оно и есть. И только духовная свобода открывает возможность к различению добра и зла. И к отвержению зла. В этом, я думаю, и есть смысл нашей свободы. Если мы не распорядимся ею, как того требуют от нас наша совесть, честь и разум, мы окажемся вновь в плену, еще худшем, потому что во вчерашнем плену мы родились, а завтрашний плен станет плодом нашей «великой депрессии», связанной с нашей «великой безответственностью» перед собой, перед Богом, перед нашими детьми.

Свобода отворила нам двери не только для духовного и нравственного самосознания, она открыла путь не только влиянию Света Истины, которого мы так долго опасались из-за того, что Истина была запрещена в «империи лжи», она открыла путь для беспощадного влияния тьмы на нас и наших правителей, она обнажила страшные и трагические для личности болезни духа: тяготение к преступности, созревшей там, в Стране Советов, жестокости, жажде уничтожения себе

подобных, побуждения к войне всех со всеми, которая становится способом существования.

«В русском переживании истории, — пишет протоиерей Г.Флоровский (в книге «Пути русского богословия»), — выпадает категория ответственности. И это при всей исторической чувствительности, восприимчивости, наблюдательности... В истории русской мысли с особенной резкостью сказывается эта безответственность народного духа. И в ней завязка русской трагедии культуры... Это христианская трагедия, не эллинская античная. Трагедия вольного греха, трагедия ослепшей свободы — не трагедия ослепшего рока или мистической неверности и непостоянства. Это трагедия духовного рабства и одержимости... Потому разряжается она в страшном и неистовом приступе красного безумства, богоборчества, богоотступничества и отпадения... Потому и вырваться из этого преисподнего смерча страстей можно только в покаянном бдении, в возвращении, собирании и трезвении души... Путь исхода лежит не через культуру и общественность, но через аскезу, через 'внутреннюю пустыню' возвращающегося духа...»

Возвращение духа возможно только после отрезвления от тьмы и лжи. И обращения к духовным и нравственным началам бытия.

Через просвещение Светом Истины.

Под силу ли сегодня нам эта задача? После пережитого «красного безумства, богоборчества, богоотступничества и отпадения...»?

Революция и все, что совершалось в России, чтобы превратить ее в СССР, способствовали возвращению языческого сознания. Был создан новый «религиозный сплав», сплав политики и религии, почти неуловимое сходство двух идеологий: политической и религиозной. Культ вождей, партии и созданных ею институтов, культ «чекизма», отличников и пограничников, героев труда, стахановцев и многое другое интенсивно способствовали ренессансу язычества как советской религии, установившей надолго свои «религиозные ценности».

Русская история характерна, как было сказано священником Г.Флоровским, «безответственностью русского духа», но безответственность есть зло, а значит, имеет свой предел, и

за ним, как мы знаем, следует «преемство добра». И потому во всех анализах вчерашнего и завтрашнего нашего бытия мы должны прежде всего учитывать бытие Бога, не только сотворившего этот мир, но и присутствующего в каждом миге нашей истории.

В статье «Русскому народу необходимо духовное обновление» И.А.Ильин писал: «Мало отвергнуть мерзость коммунизма и удручающую, разлагающе-разорительную глупость социализма: *надо обосновать и утвердить частную собственность...* Мало вскрыть и доказать тот всенародный самообман, который обычно осуществляется в демократии: надо найти тот здравый исход, который не грозил бы государству ни тиранией, ни тоталитарным строем, ни разложением, идущим от 'партийной демократии'... И пусть не говорят нам, что наши предложения фантастичны, утопичны или неосуществимы! Пусть сами ищут, находят и предлагают *свое*, не «свое», скомпрометированное и губительное, а свое — новое, творческое, *жизненно верное*. Конечно, легче всего настаивать на провалившейся выдумке: и думать не надо, и творчества не требуется; остается только твердить свое... или просто пачкать противника и... валиться в пропасть. Но мы не желаем и не смеем этого: перед нами *великая Россия*, ее *погибель* или *возрождение*.

Итак, что же мы предлагаем и что мы будем пожизненно отстаивать?

Прежде всего мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу», которая могла бы спасти нас *сама по себе*, независимо от *внутреннего, душевно-духовного изменения человека*. Нет такой «избирательной системы», нет такого государственного устройства, нет такого церковного строя, нет такого школьного порядка, которые обещали бы человечеству, в частности в особенности России, обновление и возрождение, независимо от того, что будет созерцать его воображение и каков будет внутренний уклад его мысли и настроений и каковы будут дела его жизни...

Невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею обновили и усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства; продажный все продаст; человек, в коем *Бога* нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не обеспечивает человеку

ни духовности, ни духовного спасения; никакой государствен-
ный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни
чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Истин-
ное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к
содержанию, не от видимости к существу, а обратно. И странно,
даже страшно доказывать это через 2000 лет после Рождества
Христового; страшно потому, что люди, по-видимому, *прошли
мимо Христианства*; страшно потому, что мы не видим, чем и как
восстановить и утвердить непринятое откровение.

Все великое и священное идет изнутри — от сердечного
созерцания; из глубины — от постигающей и приемлющей
любви; из таинственной духовности инстинкта; от воспламе-
нившейся воли; от узревшего разума; от очистившегося вооб-
ражения. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, сквер-
но, то не поможет никакая внешняя форма, никакой запрет,
никакая угроза, никакое «избирательное право», особенно
всеобщее, равное и прямое».

Эти строки писались в эмиграции. Там, в чужих стра-
нах, отделенных от России «железным занавесом», никому не
нужно было все то, что писали русские философы, мыслители,
богословы, писатели и поэты, ожидающие чуда спасения
России. Они писали для нас, надеясь, что придет время, и мы,
может быть, услышим и внемлем их советам.

Им, конечно же, трудно было себе представить, так же
как узникам ГУЛАГа, что, когда падет коммунистическая
власть, буквально через год возникнет сначала
коммунистическая, затем красно-коричневая оппозиция
слабой, неумелой российской демократии, ставшей уязвимой
с самого ее рождения именно потому, что ее ряды тут же
«наперегонки» начали заполняться вчерашними коммунистами.
Демократия в том виде, в каком она создавалась и
формировалась, оказалась обреченной. Организаторы и «про-
рабы» демократии, сразу же возникшей после тоталитаризма,
не знали, какой должна быть российская демократия, не
знали, потому что у них не было для этой новой демократии
ни концепции политической и социальной, ни концепции
правовой и этической. А прежде всего потому, что демократия
является не только политическим режимом и новым типом
взаимоотношений между властью и народом, избирающим
власть для себя.

Демократия рождена христианской цивилизацией, она «дитя» христианства, провозгласившего непревзойденную ценность человеческой личности, ее Божественной свободы, направленной к свершению добра, чести и справедливости.

Можно ли было в семидесятипятилетнем богоборческом режиме найти ту самую брешь, в которую вольется пусть малая струя иной культуры, иного отношения к человеку, душа которого, по словам Христа, стоит целого мира? Сколько нужно лет и какому количеству людей следует поставить перед собой задачу и выполнить ее — задачу просветить светом христианства темную и забитую массу рабов КПСС, вчерашних бюрократов и казнокрадов, вертухасов, стукачей и вождей разного калибра, вышедших из «шинели Дзержинского», чтобы они захотели поверить в реальность иного бытия?

На этот вопрос отвечает история человечества. История христианства.

Их было сначала всего двенадцать. Двенадцать апостолов, из которых один оказался предателем. А у креста Господня стояли только двое: Богородица и Апостол Иоанн Богослов. На пятидесятый день после Воскресения Спасителя их было куда больше. Собравшись в Сионской горнице, они ожидали обещанного Христом: создания Духом Святым Церкви. Дальнейшая история первого, второго и последующих поколений христиан была кровавой, это была история гонений, обещанных Христом. И история побед над гонителями.

Если бы столь малая горстка этой драгоценной «соли земли» не победила целую рать прокураторов, распинателей, мучителей и убийц, конечно, И.А.Ильин никогда не решился бы писать в 50-х годах нашего столетия строки, обращенные к плененной России.

Не исключено, что завтра или послезавтра мы снова попадем под башмак новых правителей России, и кем бы они себя ни объявили, они не услышат никакого смысла в словах И.А.Ильина, процитированных мною. У каждого из них будет своя программа спасения России. Наши судьбы в этих программах учтены не будут, как не были учтены они и в тех программах, которые породила «перестройка».

Но ни одна из будущих и нынешних программ не будет осуществлена в России без того, что называет Ильин «истинным обновлением», ни одна из них не будет иметь «здравый

исход», который не грозил бы государству ни тиранией, ни тоталитарным строем.

Судьба России отныне зависит от каждого из нас и от нашего выбора, она зависит от поисков и осуществления той демократии, которая будет органически связана с восстановлением духовного нравственного состояния России. А коль скоро речь идет о демократии, пока только обретающей первые штрихи, значит, речь должна идти и о сочетании политических, общественных, социальных ее аспектов с аспектами нравственного, этического и духовного развития личности. Без синтеза этих аспектов, необходимых для выздоровления народов, населяющих Россию, никакая демократия невозможна. Мы убедились в этом сегодня. А завтрашний день, если мы не станем искать спасительных для России путей, еще отчетливей, еще явственней обнажит наше поражение.

В одной из последних глав «Деяний святых Апостолов» в Новом Завете повествуется о том, как Апостол Павел вместе с другими узниками должен был быть под охраной отправлен на корабле в Италию. Павла везли на суд к кесарю. Апостол сам потребовал суда.

Плавание выдалось длительным, и наступил момент, когда корабль стал терпеть бедствие, а все, находившиеся на нем, оказались под угрозой гибели. И вот было принято решение выбросить в море весь находящийся на корабле груз. Выбрасывали все, даже пшеницу, хотя пассажиры ничего не ели уже несколько дней. Наконец даже спасательные лодки спустили в море, но без пассажиров. Между тем корабль и все спутники Апостола были спасены.

Эта история поучительна не столько проявлением мужества Апостола, его верой, сближающей его с Богом, сколько той духовной мудростью, которая и является результатом верности.

Когда корабль терпит бедствие, его надо разгрузить, нужно выбросить вон все, без чего, казалось бы, дальнейшее существование невозможно, положившись только на Бога...

И не исключено, что те, кто решится «спасти корабль» и начнет создавать новые формы общественного устройства, новые структуры, целью которых станет демократическое

развитие России, основанное на христианском гуманизме и на принципах нравственного, этического и духовного возрождения личности и общества, должны будут, обдумывая свои проекты и программы, сколько бы времени на исполнение их ни понадобилось, помнить, что прежде всего им придется «разгрузить» корабль. Не оставляя на нем ничего, что грозит гибелью. Не лукавя, не оглядываясь на тех, кто обвинит спасающих корабль во всех смертных грехах, они прежде всего должны будут безжалостно расстаться с ложью и масками, как с самыми «живучими» и прочными среди «рифов», меж которыми будет дрейфовать корабль, пытаясь найти пристань. Придется безжалостно выбрасывать за борт и «спасительные компромиссы», и убеждения, что политика не может быть «чистым», а только «грязным» делом, что этика и политика несовместимы и что «ради пользы дела» можно зарезать кого угодно и не защитить слабого. Все это — лишь малый перечень того, от чего должна отречься нравственная культура подлинной демократии, воздвигаемой на краеугольных принципах общечеловеческих ценностей, которыми до скончания века и будут измеряться правда и ложь.

Ложь останется ложью, в какие бы одежды ее ни рядили. Истина же не имеет своего предела, важно только захотеть приобщиться к ее бесконечным благам. Тогда-то и появится надежда на новое историческое творчество, целью которого станут поиски «здорового исхода» из рабства у тьмы.

Будет ли в этом участвовать Московская Патриархия? Вряд ли. Являясь крайне политизированной общественной организацией, она все чаще и настойчивей уверяет общество, что не намерена оказывать влияния на политическую и общественную жизнь России.

«ВАШ МОНАСТЫРЬ — РОССИЯ»

Эту строку из Н.Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») я поставила эпитафией к моему роману-притче «Безумный старик». Он был напечатан в журнале «Нева» (С.-Петербург, 1993 г.). Прошло свыше десяти лет после его написания. Героиня романа, Клавдия, принадлежащая к кругу советской знати, неудавшаяся певица и жена

знаменитого режиссера, после катастрофы, в которой гибнет ее дочь, бежит из мира. Но не может окончательно порвать с ним и пытается спасти тех, с кем когда-то свела ее судьба. Она должна, по ее мысли, привести их к Богу.

Христианство было дано Клавдии не только как спасительная вера в воскресение души погибшей дочери, но и как жажда искупления и уверенность в своей вине перед теми, кого она хочет вернуть Богу. Она уверена, что должна начать борьбу за человечество, утратившее всякую надежду, так же как центральный герой романа «Безумный старик», бывший некогда ее мужем, а теперь оказавшийся в сумасшедшем доме.

Роман был написан за несколько месяцев, близился арест, мысль об искуплении, о покаянии, об утратившем Бога человечестве не оставляла меня, мне важно было найти форму, в которую можно было бы «вложить» описание мытарств человеческой души на грани двух миров: этого, видимого, и того, «другого». И еще: высказать боль о плененной дьяволом России, ставшей монастырем для тех, кто не мог дышать ложью и страшился насилия.

Роман был за границей, и поэтому его не забрали на обыске.

...Мы вернулись из ссылки в июле 1987 года. В разгар горбачевской перестройки. У каждого из нас началась своя отдельная жизнь, нас больше не связывала ссылка.

Мы были не венчаны, наш духовный брак, длившийся многие годы, стал фикцией, наступила пора расторгнуть и формальный брак.

Я заметила, что у моих близких — детей и друзей, которых я в своем сознании соединяла в нашу общую домашнюю Церковь и страх за которых доставил мне страшные муки в тюрьме и ссылке, — ослабела вера, а может быть, лишь на время «застыла» от забот и трудностей бытия. Ни я, ни моя жизнь и работа их больше не интересовали, их вполне устраивала обрядность формального христианства. Истинное христианство катастрофически «исчезало» из России и из нашей семьи... «Привыкнув к неподлинности в обращении, — пишет И.А.Ильин в книге «Аксиомы религиозного опыта», — примирившись с 'полуправдой' и неправдой, предаваясь множеству разнообразных интересов, люди плетут — то сознательно, то полусознательно — жизненную сеть лжи и обмана...

Это была гигантская схватка: сатана боролся с Богом за Россию. Борьба была невидимой, но жестокой. В нее так или иначе были вовлечены вся иерархия, священство и многие из прихожан Русской Православной Церкви, находившейся под эгидой Московской Патриархии. Борьба была молчаливой — никто не хотел терять свое «место под солнцем»...

Но этого было недостаточно — надо было предстать победителями и подготовиться к своему триумфу. Это был не первый бой за православие в России в XX веке. Первый был в 20–50-е годы, когда коммунисты и чекисты уничтожали цвет православия. Тогда-то священномученик епископ Дамаскин Глуховский-Нежинский написал, что над Русской Церковью совершается Суд Божий. Наверное, он был прав, потому что Бог не поставил ни одного епископа сергианской Церкви, который нашел бы в себе силы признать «сергианство» изменой христианству. Священники же послушно посматривали и донныне посматривают на то, как ведут себя «владыки»-епископы.

Но «владыки» были невозмутимы даже тогда, когда в чекистских архивах нашли документы, свидетельствующие об их агентурной работе в КГБ. «Они спасали Церковь», — уверяют нас и поныне те, кто возлюбил «церковный ком-форт»...

Борьба была безмолвной, я уверена, что многие священнослужители не раз порывались отвергнуться от лжи «сергианства», но у них были связаны руки, и спазмы сдавили им горло. Ни один из тех, кто знал правду о том, как православие было заменено другой религией по велению партии, не промолвил ни слова.

Да, так оно и случилось: христианство, как «дух, истина и жизнь», по слову святителя Тихона Задонского, пророчествовавшего об этом еще в XVIII веке, исчезло из России. Предсказывали это и другие русские святые. Думалось ли им, что в православной России наступят времена, когда пастыри Церкви станут сотрудничать с ее врагами? А когда большевизм потерпит поражение, они, испытывая ностальгию по тоталитаризму, станут проповедовать антисемитизм, ненависть к инородцам и благословлять тех, кто объявит фашизм и нацизм «православием Державы»...

«Неужели, — спрашивал в одном из писем, отправленном из Туруханска, погибший в сталинских лагерях священномученик епископ Дамаскин, — неужели гаснет Солнце христианства?»

...Но даже тогда, когда террор становился невыносимым, взрывая все хрупкие связи между исповедниками истины, епископ Дамаскин отыскивал еще одну дорогу к Граду Божьему. Он писал своим духовным детям о том, что, возможно, наступило время, когда Господь не хочет, чтобы между Ним и верующими стояла Церковь как посредник. И у каждого человека теперь остается надежда стать непосредственно перед Господом и отвечать Ему за себя самого, как это было «при праотцах». Не исключено, что епископ-мученик видел мир так же, как видел его Ной перед потопом. Значит, пришла пора строить ковчег...

Он станет твоим монастырем. И ты начнешь возводить его стены в своем сердце.

Пророчество епископа Дамаскина напрямую относится к судьбам той России, в которой он жил и умирал. Относится оно и к нам, к нашему времени, а возможно, и к временам, которые наступят после нас. У Бога тысяча лет — как один день, и один день — как тысяча лет...

Когда и как Он повелит на камне исповедания возстановить воинствующую против лжи и подмен Церковь, нам не дано знать. Но именно это восстановление будет означать, что Господь вывел нас из плена, как некогда вывел Израиль из Египта, и что Фараон и его колесницы оказались навечно погребенными в водах возмездия.

Как и когда это будет?

Декабрь. 1994

**ВМЕСТО ЭПИЛОГА .
ДУХОВНАЯ ПУСТЫНЯ**

ЗА ЧЕМ АСАХАРА ПОЖАЛОВАЛ В РОССИЮ?

На этот вопрос пока трудно получить ответ. Между тем пришла пора его поставить. Кто-то из российских мыслителей прошлого века заметил, что в России важно поставить вопрос, ответ на него непременно будет получен в свое время.

Итак, японско-российский религиозный детектив с отравлениями, убийствами в Японии, с подкупами крупных правительственных чиновников в России. Типично русская история времен «демократизации» всего!

Доллары из карманов «щедрого бога» — Асахара объявил себя в своей книге Христом — перекачывают в карманы российских «джентльменов удачи». Информация о связях «бога», основавшего секту «буддистов» под названием «АУМ синрикё», как из рога изобилия, сыплется со страниц японских газет и журналов, черпающих свои открытия о «японско-российской дружбе», основанной Асахарой, в показаниях арестованных «послушников» и соратников вождя секты.

После газовой атаки в токийском метро и последовавших затем газовых атак в Иокагаме были арестованы 110 «послушников» и сторонников религии Асахары, а в штаб-квартирах и на складах секты было найдено огромное количество отравляющих веществ, приготовленных для «пробных апокалипсисов» (конца света). И сразу же в Японии заговорили о таинственных связях «АУМ синрикё» с российскими высокопоставленными чиновниками.

Кто только не упоминается в репортажах о следствии по делу «АУМ синрикё»?! Здесь и Руцкой, и Хасбулатов, и академик Басов («отец» лазерной техники, как назвал его в «Известиях» Сергей Агафонов, автор корреспонденции из Токио, озаглавленной «Японская печать расширяет списки российских друзей 'АУМ синрикё'»). Не только бывшие Руцкой, Хасбулатов, среди покровителей Асахары оказался и нынешний министр обороны Павел Грачев, санкционировавший покупку Асахарой военнотранспортного вертолета. Министр обороны был растроган подарком Асахары, пожертвовавшего военному госпиталю установки для переливания крови.

«Опасные связи» Асахары оказались достаточно обширными и неожиданными. Здесь и министр атомной энергетики Виктор Михайлов, а также ветераны знаменитой чекистской «Альфы», вместе с другими частями спецназа взявшиеся помогать военной подготовке «послушников» секты, совершенствующихся в стрельбе, подрывном деле и прочих «религиозных премудростях». Военное мастерство советских спецназовцев пригодились для «буддистов», которым понадобилась специальная охранная структура «АУМ проект», где были задействованы, как выясняется в ходе следствия, и бывшие начальники из КГБ. Словом, японская «малина» на русской почве охранялась самыми что ни на есть специалистами по религии.

Не оказались лишними на этом пиру и Московская Патриархия и ее высшие иерархи, столь рьяно добивающиеся внесения в закон о свободе совести запрета на действие в России «тоталитарных сект». Однако доллары совершают чудеса, особенно если они рассованы по карманам «бога». Вот и митрополит Питирим не побрезговал «новым христом» и даже сфотографировался с ним. То ли общая фотография была оценена Асахарой в 80 тысяч долларов, полученных, как утверждает японская печать, «русской Патриархией», то ли Асахара облагодетельствовал Московскую Патриархию, подарив ей доллары на бумагу. Увы, речь, видно, идет не о благодеении, иначе митрополит Питирим, как и его собратья, не отрицал бы факта получения «из рук в руки» столь «скромной» суммы. Впрочем, Питирим вот уже несколько лет отрывается от своей агентурной клички Аббат, под которой он выполнял задания КГБ в годы так называемого «застоя».

Но самым главным патроном Асахары оказался Олег Иванович Лобов, нынешний секретарь Совета безопасности при Президенте России. Собственно, с него и началась череда удач Асахары в России. Именно Олег Иванович способствовал освоению Асахарой российской «религиозной пустыни». Пять миллионов долларов было отпущено вождем «АУМ синрикё» на презентацию Российско-японского университета, созданного благодаря активной поддержке Лобова.

Эти перечисленные мной факты «долларовой дружбы» могут показаться пустяками на фоне все растущей криминализации России. Подумаешь, взятки! Кто их только не берет! Говорят, и Сергей Станкевич, «православный патриот» и государственник, поклонник митрополита Питирима и других иерархов Московской Патриархии, тоже не постеснялся положить в свой карман неположенное. Слаб человек, но мы не судьи, мы всего лишь свидетели...

Свидетели, оказавшиеся неожиданно в самой свободной стране в мире, куда, конечно же, совсем не случайно пожаловал «новоявленный христос» — Асахара. Его богатство позволило ему получить достоверные сведения о том, чем и как живут в самой свободной стране мира. Узнать не только о том, кому и сколько надо дать для того, чтобы получить желаемое, но и понять особенности нынешней российской ситуации.

Собирая чемоданы и подсчитывая долларовую наличность, наш «благодетель» знал, что отправляется в страну, где живут в свое удовольствие убийцы и растлители, грабители, политические шулера, религиозные авантюристы и лжецы, фашисты, нацисты и коммунисты, в течение многих лет занимавшиеся губительством не только народов России и жителей республик, насильственно присоединенных к ней, но и недр, рек, лесов и даже небес.

Не исключено, что Асахара понимал: «обвальная» свобода, так же как бесправие и безнаказанность за преступления, закономерна для современной России. И что свобода убивать, воровать и лгать созрела и вызрела в глубинах большевистского режима. Там, именно там проросли губительные семена преступной вольности, сокрытой до поры от общества.

«Кто не рискует — тот не пьет шампанского!» В этой емкой фразе, не раз слышанной мной на пересылках в 80-е

годы, звучали не просто гордость выпитым шампанским и тайная печаль по поводу его утраты, в ней таилась «философия свободы» советского уголовного мира. Пробки и брызги шампанского взлетали в потолок не только в парткабинетах, шампанское пили в прокуратурах и судах, рискуя правом, совестью и честью. Судили большей частью не по кодексам и законам, а по приказу «хозяев», по звонкам из КГБ, МВД, миллионами штамповали медицинские экспертизы, обвинительные заключения, приговоры невинным и неугодным рабам Системы. Презрение к праву надолго парализовало сознание юристов всех уровней и во всех сферах их деятельности.

Не пришлось удивляться Асахаре и тому, что нацисты и фашисты, путчисты и мятежники не только ходят на свободе, но и рвутся осчастливить нас, «поступив» в депутаты. А уж если в президенты, то удачам нашим не будет предела, в одночасье расцветет «держава Руцкого», тем более что оружия у нас вдосталь, а лагеря всегда найдутся.

Собирая чемоданы, «новоявленный христос» знал, куда он направляет свои стопы, знал о закоренелом непрофессионализме российских «стражей законности». Он двинулся в Россию, на «землю миссии», где долгие годы религия была объявлена опасным предрассудком, где выросли по меньшей мере три поколения людей, которые не только слухом не слышали о Боге, но и приучены были скептически, а то и враждебно относиться к тем, кто верует в реальность Бога.

Можно предположить, Асахара догадывался о том, что насаждаемое коммунистической властью презрение к вере в Бога лишало человека твердости в отстаивании нравственных принципов и воспитывало рабскую привычку к приспособленчеству. Именно здесь, на российской почве, Асахара мог найти нужную для его операций «армию послушников». И естественно, Асахару интересовало не только, «кто есть кто» и кого надо «подмазать», но его как «нового бога» не могла не интересовать и новая религия, которая столь пышно расцвела во время так называемой демократии. Можно ли «потягаться» силами «послушниками» этой новой религии?

Говоря о бурном расцвете, я отнюдь не собираюсь подтверждать версию деятелей Московской Патриархии о том, что они, дескать, были гонимы в доперестроечные годы. Напротив, с тех самых пор, когда Сталин «благоволил» создать

Московскую Патриархию и назначил первого патриарха всея Руси, традиция эта укоренилась, и никто уже из назначаемых коммунистами и чекистами патриархов, митрополитов и священников никаких гонений не испытывал, они добровольно соглашались на закрытие храмов, были весьма богаты, хватало и на взятки в «крупных размерах», и на Фонд в защиту мира. Симфония богоборческой власти и пастырей РПЦ была столь прочной и полюбившейся, что никакая гласность, «перестройка» и демократия не могли ее поколебать. Напротив, «перестройка», особенно в ельцинском ее периоде, не только усилила эту симфонию, но, более того, вынудила РПЦ вынести на поверхность приберегаемое до поры до времени новое «направославие». Этот тяжкий удар России и Православию как вселенской Церкви, нанесенный иерархами РПЦ, породил то, чего не мог не заметить Асахара, прогнозирующий свои «религиозные успехи», а именно: «исход» большевиков из коммунизма в национальную русскую религию, называемую православием, принадлежность к которой может сыграть решающую роль в борьбе за власть. И вот Руцкой, еще недавно руководивший парламентской фракцией коммунистов, заговорил о святой Руси, которую он намерен воссоздать, придя к власти. Тем же самым возгорелся и бывший генерал КГБ А.Стерлигов, лидер национально-патриотической группировки «Русский национальный собор», сообщив читателям «Аргументов и фактов», что он вот-вот вышел из «купели», но на вопрос корреспондента «АиФ», верует ли Стерлигов в Бога, ответил, что пока только старается. Да и к чему нашим неопитам, рвущимся к власти, вера? Для того чтобы кричать народу «Христос воскрес!» , вера не нужна, в воскресение Христа прежде всего веруют ум и сердце. Поэтому коммунисту Зюганову важно было накануне предвыборной кампании заявить широковестельно о том, что и он побывал в купели, так же как и министру обороны Грачеву, проигравшему «блицкриг» в Чечне. Вряд ли «новые православные» были извещены о том, что крещение есть таинство и что ему предшествуют покаяние и отрицание сатанинской лжи и насилия. И что совсем необязательно сообщать в светской хронике о тайнах своей личной жизни.

Отправляясь в Россию, где новая религия заменила с успехом старую идеологию коммунистов, Асахара знал, кто будет споспешествовать ему. И кто протянет ему ладони, в

которые он должен будет вложить определенную сумму долларов, «из рук в руки». Тем более что в российской духовной пустыне получить доллары от «нового бога» не заторно...

Увы, эта история не столь проста, как нам кажется. И смысл ее отнюдь не во взяточничестве российских чинов и не в нравственной немощи иерархов Московской Патриархии.

«Явление» Асахары России, безусловно, имеет свой зловещий смысл. В нем узнается знакомое нам из Апокалипсиса (библейской книги «Откровение св. Иоанна Богослова») пророчество о странной и непонятной зависимости человечества от апокалипсического зверя, имеющего «образ», как сказано в Откровении. Непонятной потому, что зависимость эта **тотальна**, «образу зверя» должны поклоняться все живущие на земле, и будет «убиваем всякий, кто не будет поклоняться» (13. 15).

В этом пророчестве о судьбах человечества сокрыта главная причина согласия на рабское послушание «зверю».

Религиозный террор двадцатого века приоткрывает тайну паралича человеческой воли, тайну безволия личности. Она связана не просто с утратой веры в Бога и с обретенной верой в «нового бога».

Все значительно проще. Христос был распят на кресте и воскрес, тем самым предложив человечеству свободу верить или не верить в возможность воскресения. «Новые христы» применяют безопасные для них лично средства для того, чтобы вызвать паралич воли. На начальной стадии это «вожделенные доллары». Затем то, что называется «зомбированием» при помощи психотропных средств и определенных доз специальных, парализующих волю газов, способных расслаблять и корректировать психику «послушников». О таком «религиозном» воздействии недавно рассказал по радио «Свобода» один из российских музыкантов, приглашенных в нанятый Асахарой оркестр для поездки в Японию. С трудом вырвавшись из объятий лидера «АУМ синрикё», испытал на себе влияние тех приемов, которые призваны отключать волю, оркестранты, попав в автобус, сразу же открыли окна. Как явствует из рассказа музыканта, они опасались, что вместе с ними в автобус мог быть пущен газ как самое надежное средство для вербовки «буддистов», с помощью которого можно совершать «пробные апокалипсисы» в разных странах мира.

Для чего Гитлер травил газом в душегубках миллионы людей? Зачем Сталин превратил храмы и монастыри в тюрьмы, а концлагеря и психушки в ад для тех, кто мог бы стать его ревностным «послушником»?

Такова террористическая религия XX века, возникающая из дьявольской жажды власти, на которую вначале надо потратить доллары, а затем приготовить отраву. Перед ней и оказались бессильны армия «послушников» Асахары и крупные чиновники из «эшелонов власти». Противостоять ей смогут только те, кто осознает антихристианскую и античеловеческую суть этой «религиозной паранойи». Но для этого надо возвращаться.

К Истине и к себе. Потому что человек никогда не бывает один. С ним его совесть, а это открытое окно к Богу, любви.

Этот путь не принесет долларов и окажется куда длиннее, чем дорога к «новым богам». Но он не может не принести благих плодов, которые со временем непременно изменят нас и лик нашей отчизны.

Май, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
ЛЕФОРТОВСКИЕ ЗАПИСКИ	5
Врата ада	6
Я собираю огонь	11
Страх	15
Мир — тюрьма	18
Ветхозаветная вера	26
Неохристианство	27
Преблагословенный покой	48
ПИСЬМА ИЗ ССЫЛКИ	63
Я СТРОЮ МОНАСТЫРЬ	116
Рукописи не горят, если их хорошо спрятать	117
«Он отрезвел от опьянения тьмой»	120
«Будешь послушницей в течение года...»	122
Мои монастыри	125
Трагедия ослепшей свободы	127
«Ваш монастырь — Россия»	136
ВМЕСТО ЭПИЛОГА. ДУХОВНАЯ ПУСТЫНЯ	142
Зачем Асахара пожаловал в Россию?	143

Зоя Александровна Крахмальникова

СЛУШАЙ, ТЮРЬМА!

Лефортовские записки
Письма из ссылки
Я строю монастырь
Вместо эпилога. Духовная
пустыня

Главный редактор изданий публицистики и политологии
Валентин Оскоцкий

Художник *Михаил Гуров*

Корректор *Светлана Цыганова*

**Независимое издательство ПИК
Москва, Новый Арбат, 15**

**Издание выпущено в свет при содействии Комитета
РФ по печати.**

**Сдано в набор 29.12.94. Подписано к печати 04.06.95.
Формат 60 x 90/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Тираж 10 000. Усл.-печ. л. 9,5.**

Заказ № 0033, тир. 10000.

**Отпечатано на Ижевском полиграфическом комбинате.
426039, г. Ижевск, Воткинское шоссе, 10-й км.**

ИПК тел. 24-47-60, 21-37-27